
Министерство образования и науки
Российской Федерации

Научный журнал
**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

(продолжение журнала 1947–1975 гг.)

№ 7 (120). Т. 2. Ноябрь, 2011

Серия: Общественные и гуманитарные науки

Главный редактор

А. В. Воронин, доктор технических наук, профессор

Зам. главного редактора

Н. В. Доршакова, доктор медицинских наук, профессор

Э. К. Зильбер, доктор медицинских наук, профессор

Э. В. Ивантер, доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН

Ответственный секретарь журнала

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале,
без разрешения редакции запрещена.

Статьи журнала рецензируются.

Адрес редакции журнала

185910, Республика Карелия,

г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33. Каб. 272.

Тел. (8142) 76-97-11

E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrso.ru

Редакционный совет

В. Н. БОЛЬШАКОВ
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Екатеринбург)	ПААВО ПЕЛКОНЕН
доктор технических наук,
профессор (г. Йоенсуу, Финляндия)
И. П. ДУДАНОВ
доктор медицинских наук, профессор,
член-корреспондент РАМН (Петрозаводск)	И. В. РОМАНОВСКИЙ
доктор физико-математических наук,
профессор (Санкт-Петербург)
В. Н. ЗАХАРОВ
доктор филологических наук,
профессор (Москва)	Е. С. СЕНЯВСКАЯ
доктор исторических наук, профессор (Москва)
А. С. ИСАЕВ
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Москва)	СУЛКАЛА ВУОККО ХЕЛЕНА
доктор философии, профессор (г. Оулу, Финляндия)
Н. Н. МЕЛЬНИКОВ
доктор технических наук,
профессор, академик РАН (Апатиты)	Л. Н. ТИМОФЕЕВА
доктор политических наук, профессор (Москва)
И. И. МУЛЛОНЕН
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)	А. Ф. ТИТОВ
доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Петрозаводск)
В. П. ОРФИНСКИЙ
доктор архитектуры, профессор,
действительный член Российской академии
архитектуры и строительных наук (Петрозаводск)	МИЛОСАВ Ж. ЧАРКИЧ
ведущий профессор Сербской
Академии наук и искусств (г. Белград, Сербия)
	Р. М. ЮСУПОВ
доктор технических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия серии
«Общественные и гуманитарные науки»

В. Б. АКУЛОВ
доктор экономических наук, профессор (Петрозаводск)	А. Е. КУНИЛЬСКИЙ
доктор филологических наук,
ответственный секретарь серии (Петрозаводск)
В. А. АЧКАСОВ
доктор политических наук,
профессор (Санкт-Петербург)	Т. Г. МАЛЬЧУКОВА
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)
Т. А. БАБАКОВА
доктор педагогических наук, профессор (Петрозаводск)	В. С. МАКСИМОВА
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)
С. Г. ВЕРИГИН
кандидат исторических наук (Петрозаводск)	Н. В. ПАТРОЕВА
доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск)
А. В. ВОЛКОВ
кандидат философских наук (Петрозаводск)	А. М. ПАШКОВ
кандидат исторических наук (Петрозаводск)
РИХО ГРЮНТХАЛ
доктор философии,
профессор (г. Хельсинки, Финляндия)	В. М. ПИВОЕВ
доктор философских наук, профессор (Петрозаводск)
П. М. ЗАЙКОВ
доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск)	С. Н. ЧЕРНОВ
доктор юридических наук, профессор (Петрозаводск)
С. И. КОЧКУРКИНА
доктор исторических наук (Петрозаводск)	М. И. ШУМИЛОВ
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)

Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

ISSN 1998-5053

Scientific Journal
PROCEEDINGS
OF PETROZAVODSK
STATE UNIVERSITY

(following up 1947–1975)

№ 7 (120). Vol. 2. November, 2011

Social Sciences & Humanities

Chief Editor

Anatoly V. Voronin, Doctor of Technical Sciences, Professor

Chief Deputy Editor

Natalia V. Dorshakova, Doctor of Medical Sciences, Professor

Elmira K. Zilber, Doctor of Medical Sciences, Professor

Ernest V. Ivanter, Doctor of Biological Sciences, Professor,
The RAS Corresponding Member

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Philological Sciences

All rights reserved. No part of this journal may be used
or reproduced in any manner whatsoever without written permission.
The articles are reviewed.

The Editor's Office Address

185910, Lenin Avenue, 33. Tel. +7 (8142) 769711

Petrozavodsk, Republic of Karelia

E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrSU.ru

Editorial Council

V. BOLSHAKOV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Ekaterinburg)	PAAVO PELKONEN
Doctor of Technical Sciences, Professor (Joensuu, Finland)
I. DUDANOV
Doctor of Medical Sciences, Professor,
the RAMS Corresponding Member (Petrozavodsk)	I. ROMANOVSKY
Doctor of Physical-Mathematical Sciences,
Professor (St. Petersburg)
V. ZAKHAROV
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Moscow)	E. SENYAVSKAYA
Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow)
A. ISAYEV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Moscow)	HELENA SULKALA
Doctor of Philosophy,
Professor (Oulu, Finland)
N. MEL'NIKOV
Doctor of Technical Sciences,
Professor, the RAS Member (Apatiti)	L. TIMOFEEVA
Doctor of Political Sciences, Professor (Moscow)
I. MULLONEN
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Petrozavodsk)	A. TITOV
Doctor of Biological Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (Petrozavodsk)
V. ORPHINSKY
Doctor of Architecture, Professor,
Full Member of Russian Academy
of Architectural Sciences (Petrozavodsk)	M. CHARKICH
the Leading Professor of Serbian Academy
of Sciences and Arts (Belgrade, Serbia)
	R. YUSUPOV
Doctor of Technical Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (St. Petersburg)

Editorial Board of the Series «Social Sciences & Humanities»

V. AKULOV
Doctor of Economic Sciences, Professor (Petrozavodsk)	A. KUNIL'SKII
Doctor of Philological Sciences,
Executive Secretary of the series (Petrozavodsk)
V. ACHKASOV
Doctor of Political Sciences,
Professor (St. Petersburg)	T. MAL'CHUKOVA
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Petrozavodsk)
T. BABAKOVA
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Petrozavodsk)	V. MAXIMOVA
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)
S. VERIGIN
Candidate of Historical Sciences (Petrozavodsk)	N. PATROEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)
A. VOLKOV
Candidate of Philosophic Sciences (Petrozavodsk)	A. PASHKOV
Candidate of Historical Sciences (Petrozavodsk)
R. GRYŮNTHAL
Doctor of Philosophic Sciences,
Professor (Helsinki, Finland)	V. PIVOEV
Doctor of Philosophic Sciences, Professor (Petrozavodsk)
P. ZAIKOV
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)	S. CHERNOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Petrozavodsk)
S. KOCHKURKINA
Doctor of Historical Sciences (Petrozavodsk)	M. SHUMILOV
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- Дианова Е. В.*
Исторический обзор кредитно-кооперативного законодательства СССР (вторая половина 1920-х годов) 7
- Жуковская Т. Н., Калинина Е. А.*
Просвещенная провинция: Олонецкая губерния в составе столичного учебного округа в первой трети XIX века 12
- Котов П. П.*
Уровень земледелия в Кемском уезде в 1791–1915 годах 19

ПЕДАГОГИКА

- Петрова Е. В.*
Развитие стратегии переработки и повторения профессионально значимой информации на занятиях по иностранному языку в неязыковом вузе 24
- Баскова Т. Б.*
Критерии эффективности экологического образования в социализации учащихся школы-интерната 28

ФИЛОЛОГИЯ

- Дранникова Н. В.*
Локальная идентификация в фольклорно-речевой практике жителей Зимнего берега Белого моря (Мезенский район Архангельской области) 31
- Маслова А. Г.*
Восприятие земного человеческого бытия в поэзии Г. Р. Державина 36
- Сузи В. Н.*
Достоевский и преп. Максим Исповедник 40
- Мусанова С. С.*
Прилузский фольклор в записях А. К. Микушева 43

ФИЛОСОФИЯ

- Авдеева И. А.*
Специфика норм морали и проблема моральной нормативности 46

ЭКОНОМИКА

- Спрос и предложение на рынке труда и рынке образовательных услуг в регионах России**
- Анненков М. В., Шуმიлова Т. М.*
Из опыта международного сотрудничества в развитии рынка труда Карелии в 1991–2011 годах 52
- Гарифуллина Н. Ю.*
Выпускники образовательных учреждений системы профобразования и их востребованность на рынке труда региона 56

- Васильев В. Н., Гуртов В. А., Голубенко В. А.*
Перечень компетенций работников приоритетных направлений инновационной экономики 61
- Ершова Н. Ю.*
Реализация компетентностного подхода при подготовке инженерных кадров в области информационных технологий 66
- Коровкин А. Г., Долгова И. Н.,*
Единак Е. А., Королев И. Б.
Оценка перспективной динамики занятости и рынка труда в РФ 70
- Локтюхина Н. В.*
Участие органов власти по труду и занятости в согласовании контрольных цифр приема в вузы: проблемы и противоречия 77
- Олейник А. Г., Ломов П. А.*
Развитие средств информационного обеспечения решения задач подготовки кадров 81
- Питухин Е. А., Яковлева А. А.*
Мониторинг трудоустройства выпускников: фактическое состояние и рекомендации по усовершенствованию 86
- Разнова Н. В., Филимонов И. В., Яричина Г. Ф.*
Мониторинг трудоустройства выпускников вузов как инструмент сбалансированности регионального рынка труда 91
- Семенов А. А.*
Математическая модель системы профессионального образования федерального и регионального уровней 95

Совершенствование финансовой политики

- Боровикова Е. В.*
Налогово-бюджетные и финансово-кредитные механизмы реализации экономической политики регионов 100
- Колесов А. С.*
Совершенствование управления эффективностью бюджетных расходов 104
- Симагина О. В.*
Практика реализации бюджетной реформы в части реорганизации сети учреждений социальной сферы 110
- Скурихина Т. Г.*
Инновационно-инвестиционная активность как фактор обеспечения сбалансированности местных бюджетов 114

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Уханова А. П.*
Некоторые проблемы ответственности кандидатов за нарушение законодательства об интеллектуальной собственности при проведении агитации 118
- Contents** 122

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Требования к оформлению статей см.:

<http://uchzap.petrso.ru/files/req.pdf>

Учредитель ФГБОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор Г. А. Мехралиева. Переводчик Н. К. Дмитриева. Верстка Л. Л. Лангинен

Подписано в печать 28.11.2011. Формат 60х90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 155 экз.). Изд. № 241

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-37987
от 2 ноября 2009 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА ДИАНОВА

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории исторического факультета, Петрозаводский государственный университет
elena-dianowa@yandex.ru

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР КРЕДИТНО-КООПЕРАТИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СССР (вторая половина 1920-х годов)

В статье рассматриваются вопросы государственного регулирования деятельности кредитных кооперативных учреждений и обществ сельхозкредита, проведения кредитной реформы 1930 года.

Ключевые слова: кредитная кооперация, кооперативный кредит, кооперативное право, сельскохозяйственный кредит

В середине 1920-х годов произошло восстановление кредитной кооперации. Вместе с тем возникли противоречия между системой государственного кредита, Центральным сельскохозяйственным банком СССР (ЦСХБ) и обществами сельхозкредита с одной стороны и сельскохозяйственными кредитными союзами – с другой. Оставались неурегулированными правовые аспекты взаимоотношений обществ сельхозкредита и сельскохозяйственной кредитной кооперации. Упоования на то, что эти формы найдет сама жизнь, практика кооперативной работы, оказались по меньшей мере несостоятельными.

Положение в системе сельскохозяйственного кредита рассматривалось на XIV партийной конференции в апреле 1925 года. В резолюции «О кооперации», принятой на этой конференции, был специальный раздел «О сельскохозяйственной и кредитной кооперации». В этом постановлении основным типом первичного кредитного объединения крестьянских хозяйств было названо сельскохозяйственное кредитное товарищество с посредническими функциями. Кредитная деятельность ЦСХБ, местных сельскохозяйственных банков и обществ сельхозкредита должна была опираться на низовую сеть сельскохозяйственных кредитных товариществ. Центральный сельскохозяйственный банк, местные сельскохозяйственные банки и общества сельскохозяйственного кредита должны были проводить свою работу «в полной согласованности с системой сельскохозяйственной и кредитной кооперации, укрепляя ее низовую и союзную сеть» [1; 375].

Решение привлечь кооперацию в качестве низового звена государственной системы по кредитованию сельского хозяйства было принято после неудачных попыток наладить непосредственное кредитование деревни обществами сельхозкредита. Для этого были использованы специально отобранные сельскохозяйственные кредитные товарищества, чье число к 1925 году достигло 7887. Из системы сельскохозяйственной кредитной кооперации изымались отдельные сельскохозяйственные кредитные товарищества и передавались обществам сельхозкредита. Руководители Сельскосоюза отмечали, что ЦСХБ и общества

сельхозкредита своими действиями «расшатывают союзную сеть сельскохозяйственной кредитной кооперации». Крестьяне должны были выйти из всех остальных кредитных кооперативов волости и войти в установленный обществом сельхозкредита кредитный пункт [30; 42, 62].

Большие нарекания и справедливую критику со стороны кооперативных работников вызывала сама система кредитования: получение кредита обходилось первичным сельскохозяйственным кредитным товариществам в 10–15 % накладных расходов, на несколько дней затягивалось оформление кредита. Кроме того, ЦСХБ давал кредиты с условием, что крестьяне будут сдавать сельхозпродукцию через систему ЦСХБ, а не сельскохозяйственной кооперации [30; 73].

Сложившаяся ситуация требовала пересмотра законодательства о системе ЦСХБ и сельскохозяйственной кредитной кооперации, всех кооперативах с кредитными функциями. Новые постановления должны были решить вопрос о привлечении в кредитную кооперацию средств самого населения, крестьянских сбережений, что давно должно было стать главным условием для денежно-производственного кредитования крестьянских хозяйств.

18 января 1927 года было принято Положение о системе сельскохозяйственного кредита и постановление ЦИК и СНК СССР «О принципах построения кредитной системы». Кредитование сельского хозяйства осуществляли ЦСХБ, общества сельхозкредита и сельскохозяйственные кредитные кооперативы. В июне 1927 года был принят новый устав ЦСХБ как органа, возглавлявшего всю систему сельскохозяйственного кредита в стране. Устав определял основные права и обязанности ЦСХБ в деле руководства учреждениями сельхозкредита и содействия развитию их сети [2].

В связи с изданием новых законов о системе сельхозкредита в СССР было опубликовано постановление ЦИК и СНК СССР «О ликвидации крестьянских паев обществ сельскохозяйственного кредита», в соответствии с которым прекращались выпуск и размещение обществами сельхозкредита крестьянских паев. Держателям

крестьянских паев предоставлялось право оплачивать ими паевые и членские взносы в сельскохозяйственные кредитные товарищества и недоимки по единому сельхозналогу [3].

Также 18 января 1927 года были опубликованы постановления ЦИК и СНК СССР о кредитной кооперации и новое Положение о кооперативном кредите, которое разграничило права и обязанности сельскохозяйственных кредитных и промысловых кредитных кооперативов и их союзов. Кредитные кооперативные организации, обслуживавшие преимущественно лиц, занимавшихся сельским хозяйством, именовались сельскохозяйственными кредитными товариществами и союзами, входили в систему сельскохозяйственной кооперации и подчинялись действию законов о сельскохозяйственной кооперации. Кредитные кооперативы, обслуживавшие преимущественно лиц, занимавшихся кустарными промыслами и ремеслами, назывались промысловыми кредитными товариществами, входили в систему промысловой кооперации и подчинялись действию законов о промысловой кооперации [4].

В 1927–1928 годах в целях развития сельского хозяйства и кустарных промыслов были разработаны инструкции СТО об условиях и порядке предоставления и погашения займов (ссуд) в основные капиталы сельскохозяйственных и промысловых кредитных товариществ и их союзов за счет средств, отпускаемых по единому государственному бюджету СССР. Займы выдавались для привлечения средств для кредитования населения и накопления собственных капиталов. Для укрепления финансового положения кредитных кооперативов также предоставлялись ссуды из системы сельхозкредита или из местного бюджета [5].

В мае 1928 года вышло постановление ЦИК и СНК СССР «О порядке образования, хранения и расходования запасных капиталов кооперации», которое установило точный размер отчислений – не менее 20 % от чистой прибыли на образование запасных капиталов сельскохозяйственных кредитных и промысловых кредитных кооперативных организаций. С принятием этого постановления были внесены соответствующие изменения в Положение о кооперативном кредите от 18 января 1927 года [6].

В августе 1927 года было принято постановление ЦИК и СНК СССР «О мерах содействия развитию вкладной операции в кредитно-кооперативных товариществах». Кредитным кооперативам предоставлялось право устанавливать проценты по вкладам в размерах, допускающих возможность рентабельного использования средств; товарищества получили возможность направлять полученные вклады на кредитование крестьянского хозяйства, устанавливать проценты по ссудам, выдаваемым товариществами. На основании Положения о кооперативном кредите от 18 января

1927 года также разрешалось принимать вклады от населения потребительским обществам и сельскохозяйственным товариществам [7]. С целью привлечения средств населения в кредитную кооперацию были установлены твердые гарантии сохранения тайны вкладов, вверенных дел и счетов со стороны органов управления кредитно-кооперативных организаций. Все справки о состоянии текущих счетов, вкладов могли выдаваться только самим клиентам, а также судебным и следственным органам. Никакие другие органы, в том числе налоговая инспекция, не имели права требовать выдачи информации о вкладах. По Положению о кооперативном кредите взыскание на вклады могло быть наложено только по особому распоряжению суда [8].

30 мая 1928 года было принято постановление ЦИК и СНК СССР, которое также гарантировало «безусловное сохранение тайны вкладов и операций клиентов кредитно-кооперативных организаций». Лица, виновные в разглашении информации об операциях клиентов, подлежали уголовной ответственности. С этого времени справки о вкладах клиентов могли быть выданы судебным и судебно-следственным органам лишь по производящимся у них уголовным делам. Наркомат юстиции разослал всем краевым, областным и губерньским прокурорам циркуляр, в котором разъяснялось, что наличие вкладов в кредитно-кооперативных учреждениях не может влиять на политические и общегражданские права крестьянского населения и не может повлечь за собой увеличение налогового обложения вне установленного законом порядка. Нарушение тайны вкладов влекло за собой ответственность по статье 121 Уголовного кодекса РСФСР [9], [28; 79].

С принятием новых законов о кооперативном кредите был пересмотрен вопрос о собственности кредитной кооперации. С 15 октября 1927 года сроком на один год было возобновлено действие постановления СНК СССР от 22 июля 1924 года о возврате национализированного кооперативного имущества. Разногласия по спорному имуществу, стоимость которого не превышала 100 руб., окончательно разрешались местными смешанными комиссиями из представителей кредитной кооперации, потребкооперации, советских, хозяйственных и партийных органов [10].

С изданием нового Положения о кооперативном кредите стали поступать вопросы о том, могут ли лица, лишенные избирательных прав, состоять членами сельскохозяйственных и кредитных товариществ. Наркомюст РСФСР дал следующие разъяснения: «Образовывать кооперативные товарищества могут только граждане, имеющие избирательные права по Конституции, состоять же членами сельскохозяйственных и кредитных товариществ могут все граждане, занимающиеся сельским хозяйством, независимо от того, обладают они правом избирать в Советы или нет».

В состав сельскохозяйственной и кредитной кооперации допускалось вхождение и представителей социальных слоев деревни, не относящихся к середнякам и беднякам, то есть лишенных избирательных прав кулацких элементов. Требовалось только, чтобы «гегемония в сельскохозяйственной кооперативной организации принадлежала середняцко-бедняцким элементам» [31; 31].

В результате пересмотра законодательства о кооперативном кредите, с принятием законов о гарантиях сохранности сбережений несколько увеличились вклады населения в кредитные кооперативы. Так, если на 1 октября 1926 года вклады составляли 8 211 714 руб., то на 1 апреля 1927 года – 14 927 955 руб. Почти в 2 раза за тот же период возросла сумма вкладов на одно кредитное товарищество – с 901 до 1785 руб., и на одного члена – с 1,88 до 3,24 руб. Однако в целом сумма привлеченных средств была меньше довоенной. Она составляла всего лишь 10 % от вкладов населения до 1914 года [27; 213].

Однако, несмотря на значительное усиление правовой базы кредитной кооперации, крестьянство как главный клиент сельскохозяйственных кредитных товариществ не успело на практике в полной мере воспользоваться широкими возможностями кооперативного кредита, установленными в соответствии с новыми законами 1927 года. После XV съезда ВКП(б) началось постепенное ограничение самостоятельности кредитно-кооперативных организаций, жесткая регламентация их деятельности проходила параллельно с расширением полномочий ЦСХБ. Это означало укрепление государственных и свертывание кооперативных начал в кредитовании сельского хозяйства и кустарных промыслов.

Усилению позиций ЦСХБ и обществ сельскохозяйственного кредита способствовало принятие постановления ЦИК и СНК от 30 января 1928 года «О гарантии целости вкладов, внесенных в сельскохозяйственные кредитные товарищества». Оно обеспечивало сохранность всех текущих счетов и вкладов, внесенных только в сельскохозяйственные кредитные товарищества, действовавшие на основе Положения о сельскохозяйственном кредите. В сельскохозяйственных кредитных товариществах образовывался специальный гарантийный фонд из определенных процентов от паевых и членских взносов, на которые распространялась гарантия вкладов. Положение о сельскохозяйственном кредите распространялось на потребительскую и промысловую кооперацию [11].

Одновременно было опубликовано Положение об обеспечении возврата вкладов, внесенных в сельскохозяйственные кредитные товарищества системы сельхозкредита. В случае ликвидации сельскохозяйственного кредитного товарищества, входившего в систему сельхозкредита, вкладчики имели право на возврат вкладов из средств гарантийного фонда. Выплата вкладов

совершалась через общества сельхозкредита или сельскохозяйственные кредитные союзы [12].

В 1928 году была проведена перерегистрация кредитных товариществ с целью выявления социально вредных элементов. Если раньше существовал явочный порядок регистрации низовых кредитных товариществ, то в 1928 году Наркомфин РСФСР вводил разрешительный порядок. В регистрационные органы подавались заявления о перерегистрации, 4 экземпляра устава, список всех членов товарищества с указанием рода занятий и места жительства, перечень 50 членов, не находящихся между собой в родстве и имеющих избирательное право, что должно было быть заверено подлежащим Советом [29; 77].

Усиление государственных начал в деле сельскохозяйственного кредитования выразилось в изменении порядка предоставления и погашения ссуд в основные капиталы сельскохозяйственных кредитных товариществ за счет средств государственного бюджета. С 1928 года они выдавались только сельскохозяйственным кредитным товариществам, включенным в систему ЦСХБ. Общество сельхозкредита имело право в любое время потребовать возврата ссуды, если с его точки зрения деятельность сельскохозяйственного кредитного товарищества не будет соответствовать его уставу или требованиям закона, а также если ссуда будет использована не по назначению [13].

Производственное кредитование стало использоваться как средство развития социалистического сектора в деревне и подготовки массового обобществления сельского хозяйства. Сначала с принятием постановления СТО от 20 апреля 1928 года были установлены льготные ставки процентов по кредитам для колхозов, бедняцких и середняцких единоличных и сельскохозяйственных кооперативов. Для зажиточного крестьянства вводились повышенные ставки кредита, техника и машины «отпускались лишь при избытке этого инвентаря» [14].

Постановление СНК СССР от 31 октября 1929 года «О размере процентных ставок по сельскохозяйственному кредиту» установило совершенно новые условия кредитования на производственные нужды. Право получать ссуды по долгосрочному и краткосрочному кредиту имели совхозы и колхозы, единоличные бедняцкие и середняцкие хозяйства, а также кооперативные организации (кроме колхозов). Зажиточным хозяйствам машины и сельхозорудия продавались исключительно за наличный расчет [15]. С принятием постановлений СНК «О признаках кулацких хозяйств», «О чистке аппарата государственных органов, кооперативных и общественных организаций» и «О недопущении кулаков и лишенцев в кооперацию» крепкие хозяйства стали изгоняться из сельскохозяйственных кредитных кооперативов [16]. В 1928/29 году кредиты колхозам увеличились в 11,6 раза, а кооперативным

и другим общественным организациям – в 2,4 раза. В то же время кредитная кооперация была самой массовой из всех видов сельской кооперации. Уступая колхозам и другим простейшим производственным объединениям по числу кооперативов, кредитная кооперация на 1 октября 1927 года объединяла в 7840 кредитных и сельскохозяйственных кредитных товариществах 4964,2 тыс. членов, а 17 267 колхозов объединяли тогда же лишь 397,8 тыс. членов [26; 6].

Льготное кредитование малоимущих хозяйств независимо от кредитоспособности заемщика зачастую порождало иждивенческие настроения, приводило к падению кредитной дисциплины, увеличению числа просроченных ссуд. ЦСХБ, Наркомфин, Наркомюст неоднократно принимали постановления о взыскании ссуд и мероприятий по усилению поступления платежей за проданные в рассрочку сельскохозяйственные машины и орудия. По отношению к злостным неплательщикам производилось взыскание задолженности по ссудам в бесспорном, административном порядке, установленном для взимания налогов, независимо от характера и назначения ссуд и форм долговых документов [17].

В конце 1920-х годов советское руководство рассматривало систему сельскохозяйственного кредита исключительно как «орудие регулирования классового расслоения в деревне, как орудие социалистической реконструкции крестьянского хозяйства на основе более высокой техники и обобществления средств производства» [31; 213]. В 1929 году было принято Положение о фондах кооперирования и коллективизации бедноты, которые сначала должны были создаваться при системе сельхозкредита, а затем и при всех кооперативных организациях. Эти фонды создавались из отчислений от чистой прибыли всех учреждений системы сельхозкредита, сельскохозяйственной кооперации и всех остальных видов кооперации. Средства из этого фонда предназначались для выдачи ссуд бедняцким хозяйствам и батракам для уплаты паевых и вступительных взносов в сельскохозяйственные коллективы и первичные кооперативы [18].

В 1929 году было окончательно закреплено монопольное право государственной системы на кредитование деревни. Продолжавшееся на протяжении 1920-х годов соперничество ЦСХБ и кредитной кооперации закончилось победой государственных начал над кооперативными принципами. Такой исход был предопределен социально-экономическими и политическими факторами развития страны на рубеже 1920–30-х годов: слом нэпа, свертывание товарно-денежных отношений, проведение сплошной коллективизации в деревне и т. д. Они делали кредитную кооперацию с ее ориентацией на индивидуальные крестьянские хозяйства и их добровольное объединение в кооперативные товарищества ненужной в систе-

ме командной экономики. С выходом в январе 1929 года постановления СНК «О порядке планирования сельского хозяйства и сельскохозяйственного кредита» началось составление кредитных планов системы сельхозкредита. При этом собственные и привлеченные средства сельскохозяйственных кредитных товариществ не включались в планы вышестоящих звеньев сельскохозяйственного кредита [19].

С принятием в феврале 1929 года постановления ЦИК и СНК СССР «О системе сельскохозяйственного кредита» все руководство кредитной деятельностью сельскохозяйственных кредитных кооперативных союзов сосредотачивалось в системе ЦСХБ, кредитно-кооперативные союзы включались в государственную систему сельхозкредита и получали распоряжения от ЦСХБ. В системе ЦСХБ находилось все краткосрочное и долгосрочное производственное кредитование сельского хозяйства. Кооперативные кредитные учреждения по линии основной своей деятельности – производственного кредитования сельского хозяйства – оказались в подчинении государственных структур. Кроме того, кредитным учреждениям запрещалось производить торговые и торгово-посреднические операции [20].

Постановление ЦИК и СНК от 18 сентября 1929 года «О сельскохозяйственной кооперации и ее работе» также затрагивало деятельность кредитных кооперативов: сельскохозяйственные кредитные товарищества должны были сосредоточить свою деятельность на кредитной и банковской работе и кредитовании колхозов, мобилизации сбережений населения и кооперативных организаций. Кредитные товарищества наряду с индивидуальными крестьянскими хозяйствами должны были включать в свой состав объединения специальных производственных товариществ и колхозов [21]. Преимущественной формой размещения займов среди трудящихся было их распространение по предварительной подписке с распиской о платеже. В 1929 году стали создаваться комиссии содействия государственному кредиту и сберегательному делу для вовлечения накоплений населения в дело индустриализации народного хозяйства посредством развития системы государственных займов [22].

С изданием постановления ЦИК и СНК СССР от 30 января 1930 года «О кредитной реформе» произошло окончательное свертывание кооперативного кредита и полная ликвидация кредитной кооперации. Кредитная реформа была принята «в связи с быстрым развитием социалистических начал в народном хозяйстве на основе плановости и успехах в реорганизации кредитной системы в 1927–1928 гг.». Отныне краткосрочное кредитование сельского хозяйства осуществлялось Государственным банком. ЦСХБ преобразовывался во Всесоюзный сельскохозяйственный кооперативно-колхозный банк, нахо-

дившийся в ведении Всесоюзного Совета сельскохозяйственной кооперации [27].

Кредитная реформа продолжила реорганизацию сельскохозяйственной и кредитной кооперации. В начале 1930 года было принято постановление «Об отмене постановления о гарантии целостности вкладов, внесенных в сельскохозяйственные кредитные товарищества». Государство снимало с себя всякую ответственность перед вкладчиками за сохранение тайны вкладов и текущих счетов [24]. Летом 1930 года был упразднен Всесоюзный Совет сельскохозяйственной кооперации, ликвидированы окружные и районные сельскохозяйственные кредитные союзы кооперативов, произошла реорганизация сельскохозяйственных кредитных товариществ путем разделения балансов и передачи их государственным кредитным учреждениям.

С выходом постановления СНК СССР от 5 декабря 1930 года «О передаче Государственному Банку Союза ССР долгосрочного производственного кредитования сельского хозяйства» был сделан последний шаг на пути свертывания кооперативного кредита. В Государственном банке СССР сосредотачивались все операции по кредитованию сельского хозяйства. В соответствии с данным постановлением с 1 января 1931 года

прекращали свое самостоятельное существование правление Всесоюзного колхозно-кооперативного банка и его подразделения, ликвидировались сельскохозяйственные кредитные товарищества, а их активы и пассивы вливались в районные филиалы Госбанка [25]. Это постановление означало фактическую ликвидацию системы кредитной кооперации.

В 1933 году прошла ревизия законодательных актов, в ходе которой были признаны недействительными все постановления советского правительства по кооперативному кредиту и системе сельскохозяйственного кредита, вышедшие в 1920-е годы.

Развитие кредитно-кооперативного законодательства в 1920-е годы проходило в соревновании с государственной системой сельхозкредита, что отражало реальное положение кредитной кооперации в то время. В законодательном оформлении деятельности кредитной кооперации находила свое воплощение социально-классовая направленность политики советской власти. Такое положение приводило к финансовой слабости кооперации, сковывало ее работу, что предопределило в конечном итоге победу государственных начал над кооперативными и свертывание кредитной кооперации в начале 1930-х годов.

ИСТОЧНИКИ

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов. М.: Политиздат, 1984. Т. 3.
2. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР (далее – СЗ). 1927. № 4. Ст. 39, 43; № 35. Ст. 364; № 42. Ст. 426.
3. СЗ. 1927. № 31. Ст. 309.
4. СЗ. 1927. № 4. Ст. 44.
5. СЗ. 1927. № 52. Ст. 524; № 59. Ст. 594, 595; 1928. № 19. Ст. 172, 173.
6. СЗ. 1928. № 34. Ст. 299.
7. СЗ. 1927. № 52. Ст. 524.
8. СЗ. 1927. № 4. Ст. 43, 44.
9. СЗ. 1928. № 34. Ст. 301.
10. СЗ. 1927. № 59. Ст. 592; 1928. № 16. Ст. 138.
11. СЗ. 1928. № 19. Ст. 150. СУ. 1928. № 132. Ст. 863; СЗ. 1928. № 53. Ст. 476; № 67. Ст. 606.
12. СЗ. 1928. № 43. Ст. 390; № 44. Ст. 392.
13. СЗ. 1928. № 19. Ст. 172, 173.
14. СЗ. 1928. № 23. Ст. 206.
15. СЗ. 1929. № 20. Ст. 178, 179; № 69. Ст. 653; № 35. Ст. 313; 1930. № 56. Ст. 596.
16. СЗ. 1929. № 34. Ст. 301; № 35. Ст. 313.
17. СЗ. 1929. № 20. Ст. 177; 1930. № 2. Ст. 18.
18. СЗ. 1929. № 26. Ст. 239; № 60. Ст. 557.
19. СЗ. 1929. № 10. Ст. 96.
20. СЗ. 1929. № 15. Ст. 124.
21. СЗ. 1929. № 61. Ст. 565.
22. СЗ. 1929. № 40. Ст. 360.
23. СЗ. 1930. № 8. Ст. 98.
24. СЗ. 1929. № 39. Ст. 340; СУ. 1930. № 2. Ст. 18.
25. СЗ. 1930. № 30. Ст. 336; № 49. Ст. 515; № 59. Ст. 626.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

26. Губенко М. П. Источники по истории сельскохозяйственной кооперации. М.: Ин-т истории АН СССР, 1963. 21 с.
27. К вопросу о социалистическом переустройстве сельского хозяйства. М., 1928.
28. Кооперативное строительство. 1928. № 2.
29. Кооперативное строительство. 1928. № 4.
30. Очередные задачи организационного строительства сельскохозяйственной кооперации. М.; Л., 1926.
31. Северный кооператор. 1927. № 11.

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА ЖУКОВСКАЯ

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России с древнейших времен до XX века исторического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет
tzhukovskaya@yandex.ru

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА КАЛИНИНА

кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории историко-филологического факультета, Карельская государственная педагогическая академия
kalinka46@yandex.ru

ПРОСВЕЩЕННАЯ ПРОВИНЦИЯ: ОЛОНЕЦКАЯ ГУБЕРНИЯ В СОСТАВЕ СТОЛИЧНОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

В статье анализируется система административных, учебных, социально-культурных связей Олонецкой губернии с Петербургским университетом как центром управления учебным округом в первой трети XIX века. Впервые на архивном материале исследуются формы управления подведомственными учебными заведениями со стороны университета, характер и направления его воздействия на состояние просвещения в одной из отдаленных губерний Северо-Запада.

Ключевые слова: управление, университет, просвещение, система учебных заведений

Цель статьи – на локальном примере исследовать модель управления училищами на местах, существовавшую в первой трети XIX века, с начала масштабных реформ Александра I до принятия в 1835 году нового университетского устава и Положения об учебных округах. Исследуя на архивном материале повседневные административные практики в соотнесении с меняющимся законодательством, мы попытаемся оценить эффективность реформы начала XIX века, которая определила тенденции развития системы просвещения в России более чем на 100 лет. Предметом изучения является система связей между Петербургским университетом (до 1819 года – Педагогический институт) и сетью училищ, открытых на территории Олонецкой губернии, вошедшей в состав столичного учебного округа, в частности связей между Петербургским университетом и Олонецкой губернской гимназией. Реконструкция системы управления подведомственными учебными заведениями со стороны университета, представленная в соотнесении норм и административных практик, позволяет дать оценку состоянию просвещения и школьного дела в регионе в целом.

Исследование построено на малоизученных материалах нескольких фондов Национального архива Республики Карелия, отражающих деятельность училищ, а также фондах Петербургского университета, попечителя Петербургского учебного округа (ЦГИА СПб) и фонде Департамента народного просвещения (РГИА). Используются также законодательные документы, определявшие статус училищ и порядок управления ими.

Современные работы по истории высшей и средней школы дореформенной России преимущественно сосредотачиваются на изучении истории отдельных учебных заведений или одной

ступени школьной иерархии (например, университетов) в контексте правительственной политики [14], [19], [23]. Проблемы управления системой просвещения, а также характер взаимодействия между ее звеньями редко становятся предметом специального внимания. Работы по истории Карелии лишь в общих чертах затрагивают систему связей училищ на местах с центральными учреждениями [12; 181–342], [17].

В первые годы XIX века правительство Александра I провело ряд стремительных реформ в области образования. Для управления школьной системой 8 сентября 1802 года было создано Министерство народного просвещения, само название которого отражало просветительскую установку власти. Подобное высшее административное учреждение создавалось впервые, первым министром был назначен граф П. В. Завадовский.

Основными нормативными актами стали собственноручно университетские уставы 1804 года, где определялась сфера ответственности университета за подчиненные ему училища, и уставы учебных заведений, подведомственных университетам, 1804 и 1828 годов. При их разработке учитывался опыт прежней екатерининской училищной Комиссии. Одним из важнейших недостатков «Устава о народных училищах» 1786 года было отсутствие правильно устроенной системы местных органов управления учебными заведениями.

Попечитель являлся представителем интересов своего округа в Петербурге и должен был заботиться «об устройении университета» и других учебных заведений, приведении их в «цветущее состояние» [15]. Он представлял на утверждение министру народного просвещения кандидатуры профессоров университета и директоров гимназий.

Каждый из губернских городов округа должен был иметь свое губернское училище или гимназию, находившуюся под наблюдением университета. Губернские директора народных училищ назначались Главным правлением училищ по представлению университетов и утверждались министром. Их выбор вначале был невелик, хотя предполагал не только желание, но и способности кандидата руководить училищами. Некоторые чиновники сами отправляли на имя министра просвещения заявления о желании занять пост директора училищ. Например, в июле 1804 года А. Е. Крылов, обращаясь к попечителю Санкт-Петербургского учебного округа Н. Н. Новосильцеву, писал, что место директора народных училищ Олонецкой дирекции вакантно, и он «желал бы продолжить оное... начальством» [7]. Директор народных училищ был одновременно и директором губернской гимназии, в его подчинении находились и все другие училища губернии, в том числе частные пансионы.

В каждом уездном городе полагалось устроить по одному уездному училищу. Смотритель уездных училищ становился, в свою очередь, начальником всех училищ своего уезда. По представлению директора народных училищ штатных уездных смотрителей утверждал также университет.

При образовании Петербургского учебного округа университет в столице еще только предполагалось открыть. Однако Педагогический институт учреждался в 1804 году как отделение университета и с самого начала выполнял некоторые функции университета в своем округе, включая надзор за училищами.

К Петербургскому учебному округу были отнесены Петербургская, Новгородская, Псковская, Вологодская (с 1824 года), Архангельская, Олонецкая губернии. Из них Олонецкая была наиболее слабозаселенной, с неразвитой сетью дорог, малым количеством крупных поселений. Единственным городом, сложившимся вокруг крупного промышленного предприятия (Александровского чугунолитейного завода) и к началу XIX века имевшим городскую по стилю хозяйственную и культурную жизнь, был Петрозаводск. В нем с 1796 года действовало Главное народное училище.

Главные народные училища, существовавшие в губернских городах, постепенно преобразовывались в губернские гимназии. Малые народные училища в уездных городах были превращены в уездные училища. Кроме того, появляются городские и сельские приходские училища.

В 1820-х годах по числу уездных училищ и начальных школ, по количеству учащихся в них Олонецкая губерния далеко отставала от других губерний округа. В отчете Санкт-Петербургского университета за 1828 год по Олонецкой дирекции народных училищ были упомянуты лишь приходские училища, помещавшиеся вместе

с уездными, в уездных городах – Петрозаводске, Олонце, Каргополе, Вытегре, число учащихся приходских училищ не указано [18; 664–665]. С другой стороны, в «Ведомости о времени основания учебных заведений в Олонецкой губернии с 1803 по 1826 г.» указывалось, что в 1826 году действовало 21 училище, из них в Петрозаводском уезде – 10 школ, в Вытегорском – 4, в Каргопольском – 7. В Ведомости также отмечалось общее количество учащихся в народных школах губернии – 360, но конкретных данных о количестве учеников по уездам и отдельным школам не приводилось. В 1830 году в Олонецкой губернии числилось всего 9 школ, в них обучалось 35 учеников. Такое положение с начальными училищами было много хуже, чем в соседней Вологодской губернии и тем более в Псковской или Смоленской губерниях, включенных в это время в состав Петербургского учебного округа. Гораздо успешнее развивалась Олонецкая губернская гимназия.

По уставу университетов, при университете создавался Училищный комитет «для удобнейшего производства дел, к училищам относящихся» (ст. 165) [21]. Этот Комитет, имея широкий круг полномочий, осуществлял непосредственную связь с губернскими директорами училищ. Все донесения о состоянии училищ, ведомости о составе учебных заведений, данные об учителях и учениках, хозяйственные отчеты по дирекции, просьбы, представления директоров училищ поступали в Комитет, а тот, в свою очередь, разъяснял, давал разрешения, наставления, требовал объяснений по различным вопросам (ст. 166). Училищный комитет имел право ходатайствовать перед Советом университета о награждении «достойных» учителей (ст. 170), а также увольнять учителей и чиновников с должности, если «они окажутся недостойными звания» (ст. 167). Ежегодные отчеты директоров народных училищ поступали сначала в Училищный комитет, затем с заключением Комитета в Совет университета.

Совет рассматривал отчеты губернских директоров училищ и доставлял общий отчет по всему подведомственному учебному округу попечителю, который, в свою очередь, представлял донесение министру народного просвещения. Университетское правление занималось решением всех важных хозяйственных вопросов (ст. 175).

Практики управления округом включали периодическую отчетность с мест и регулярные обозрения училищ представителями центра. Эта система повторялась на двух уровнях: Совет университета рассматривал отчеты начальников дирекций училищ в губерниях и, в свою очередь, направлял на места «визитаторов» из числа своих же профессоров. Директора училищ получали отчеты от уездных смотрителей, а те – непосредственно от учителей, и сами совершали регулярные инспекционные поездки по губернии.

В ведении Совета университета находилось определение «визитаторов из членов Училищного комитета или других профессоров, поручая каждому одну или две губернии по местному положению для осмотра» [21], снабжение их путевыми деньгами из штатной суммы. Порядок и цели визитаций были четко регламентированы. Визитаторы получили специальное «Наставление...», где указывалось, что они не только обозревают училища и составляют отчет о посещении, но «должны вести беседу с гражданами и дружески внушать пользу учения и советовать, чтобы они отдавали детей в училища» [5]. Кроме того, визитаторы оценивали деятельность губернского директора народных училищ: «какую склонность привил он в жителях к заведению приходских училищ и вообще к просвещению» [5].

Университет разрабатывал учебные программы, утверждал к изданию учебные пособия, помогал в приобретении учебников и методических пособий. В делах Правления университета отложились формуляры учителей гимназий. Так или иначе, визитации попечителя и профессоров, регулярная переписка, объединенное делопроизводство свидетельствуют о тесной связи между университетом, гимназиями и уездными училищами, складывании системы наблюдения и администрирования по крайней мере на трех уровнях (исключая начальные училища, об управлении которыми речь пойдет ниже).

Губернская дирекция училищ наделялась широкими полномочиями, главной же ее обязанностью было составление отчетов о состоянии учебных заведений: о приходе и расходе сумм, об успеваемости учащихся, о материальной базе училищ, положении библиотек, о пожертвовании в пользу дела просвещения.

Шестая глава училищного Устава «О директоре» подробно разъясняла права и обязанности губернского директора народных училищ. Директор наблюдал за всеми учебными заведениями в губернии, следил за точным исполнением Устава (ст. 69), отчитывался перед университетом. Он состоял в VII классе по Табели о рангах [15] на жаловании от 800 до 1000 руб. [16] (по Олонецкой губернии жалование устанавливалось в 1000 руб.). Директор входил с представлениями непосредственно к попечителю учебного округа, полностью подчинялся Правлению университета и имел право с его ведома обращаться с просьбами по делам училищ к губернскому начальству. Он испрашивал у Совета университета разрешения на продление отпусков преподавателей, представлял подробные отчеты и послужные списки состоящих в его ведомстве чиновников и учителей.

В 1804 году в помощь директору была введена должность штатного смотрителя училищ. Смотритель был подотчетен директору, ему вме-

нялось в обязанность посещение уездного училища ежедневно, а «приходских училищ в уездах, по крайней мере, три раза в год» [22].

Система учебной иерархии по «Уставу училищ, подведомых университетам», принятому в 1828 году, сохранялась в прежнем виде. Главы нового документа посвящались организации и устройству приходских и уездных училищ, губернских гимназий, благородных пансионов, частных учебных заведений, а также правам и преимуществам всех училищ. Статьи «Устава» определяли права и обязанности директоров и смотрителей по ступеням училищной иерархии (приходские и уездные училища, гимназии, пансионы, частные школы). По сравнению с прежним «Уставом» произошло значительное усиление надзора за учебными заведениями. В штатное расписание дирекции народных училищ вводились новые должности инспекторов гимназий. Кандидатуры на эту должность назначал университет по представлению губернского директора училищ, а утверждал попечитель округа.

«Устав» 1828 года предполагал изменение периодичности обзоров губернии. Обезд губерннии зависел теперь от количества училищ на территории дирекции. Если их число было значительным и они находились друг от друга на большом расстоянии, тогда с ведома университета губернию позволялось обозревать не ежегодно, а один раз в два года (ст. 175).

Дирекция народных училищ привлекала к инспекторским поездкам по уездным и приходским училищам губернии учителей гимназии. По окончании командировки учителя составляли подробные отчеты о состоянии школ. Такие обозрения в разное время составляли Г. К. Ореховский, Н. О. Куняев, М. И. Троицкий и др. При посещении училищ, особенно сельских, учителя встречались с крестьянами, духовенством, убеждали жителей открывать в деревнях приходские училища. Учителя совершали обозрение без дополнительного жалования, визитаторы ничего не получали, кроме прогонных денег.

Значительные изменения произошли в ведении отчетности по ведомству (ведение и проверка шнуровых книг по доходам и расходам учебных заведений, составление послужных списков чиновников, служащих в училищном ведомстве, отчеты по учебным заведениям, формирование архива дирекции училищ и т. п.). Определялась строгая периодичность подачи отчетов: по губернской гимназии отчеты составлялись каждую треть года, ежегодно посылались общее донесение в университет. Кроме того, необходимо было представить полную роспись доходов и расходов по дирекции в губернскую казенную палату. За непредставление отчетов в срок директора училищ наказывались административными взысканиями, за подачу недостоверных сведений – предавались суду.

С усложнением системы финансирования, связанным с привлечением в денежные фонды учебных заведений средств из местных бюджетов, а также частных пожертвований, усложняется система финансовой отчетности и контроля за приходом и расходом сумм.

Смотрители уездных училищ отправляли свои отчеты по училищным суммам директору училищ, тот в свою очередь делал общий отчет по губернии и отсылал в Правление университета. Полный финансовый отчет по учебному округу после утверждения его попечителем округа университет представлял министру народного просвещения, который далее отправлял годовой отчет в целом по России в Государственный контроль. На пути следования отчетов с мест в центральные ревизионные органы происходили недоразумения. Санкт-Петербургский учебный округ (в отличие от других учебных округов) отправлял «подлинные частные ведомости, полученные от директоров училищ» [13]. Министр народного просвещения К. А. Ливен в 1830 году объяснял данное нарушение сложностью составления общего отчета по учебному ведомству, куда входило множество различных смет по расходам и доходам: отчет по департаменту Министерства народного просвещения, ведомости по суммам на постройку и ремонт училищных зданий, переписка по счетным делам и многое другое. «При всей ревности чиновников, едва можно успеть обрабатывать возложенные на них обязанности», — отмечал министр [13]. Он сетовал на то, что штаты Министерства просвещения и дирекций училищ недостаточно укомплектованы и сводить годовые отчеты при большом объеме текущей работы некому. В результате этого разбирательства в Министерстве народного просвещения был увеличен штат чиновников, которые занимались систематизацией отчетности и подготовкой годового отчета по ведомству. В помощь директорам училищ с 1828 года на местах были введены должности писца и письмоводителя «для производства канцелярских дел». В декабре 1830 года были составлены специальные «Правила отчетности по министерству народного просвещения», статьи которых определяли четкий порядок ведения и подачи отчетов на всех уровнях управления.

Формальные требования к отчетности вполне соответствовали бюрократическому стилю управления николаевского времени. В 1851 году в справке по проверке отчетов директоров училищ было отмечено, что отчеты директоров Вологодских и Архангельских училищ составлены «правильно и совершенно удовлетворительно, переписаны четко и чисто» [1]. А отчет директора Олонецких училищ А. И. Иордана подвергся критике за то, что хоть и «составлен удовлетворительно и переписан чисто и четко», но «шит белыми нитками, а не шелком, как следовало» [1].

Столичный университет влиял на дела училищ округа не только через систему администрирования, но и непосредственно — через своих выпускников, распределяемых на учительские места. Петербургский Педагогический институт (1804–1819) и университет в первой половине XIX века выполняли миссию «рассадника народных учителей», как и было предусмотрено творцами реформы. Только с 1807 по 1830 год институтом и университетом было выпущено не менее 400 студентов, особенно многочисленными были три выпуска Педагогического института. Никакой другой университет России в то время не осуществлял столь масштабную и последовательную кадровую экспансию в другие округа.

Ежегодно в университете проходило распределение студентов по губернским гимназиям и уездным училищам, поскольку казеннокоштные студенты обязывались подпиской прослужить не менее 6 лет по ведомству Министерства народного просвещения. Список вакансий заранее оглашался студентам, списки выпускников, отправляемых на учительские должности, утверждал попечитель округа. Распределение по «учительским местам» проводила Конференция университета (с 1820 года — образованное вместо нее Правление), распределение на учительские места происходило с согласия студентов, данного в письменной форме.

Занимаясь распределением студентов, университет пытался соблюсти и интересы студентов, и интересы кадрового обеспечения губернских гимназий. Против желания студента распределение не проводилось, однако мало кто хотел ехать в отдаленные уездные училища Олонецкой губернии. Другое дело — Петрозаводская гимназия, куда еще в 1802 году, окончив Санкт-Петербургскую учительскую семинарию, прибыли М. А. Копосов, Г. К. Ореховский, П. А. Лопатинский. Последний был назначен учителем всемирной и естественной истории, географии, французского и немецкого языков, рисования, Г. К. Ореховский преподавал математику, французский и немецкий языки и рисование, М. А. Копосов — математику, физику, архитектуру, французский и немецкий язык, историю и географию.

М. А. Копосов, старший учитель математики и физики, уже в 1804 году исполнял обязанности директора народных училищ, а потом в течение 30 лет был смотрителем училищ Петрозаводского уезда. В общей сложности его педагогический стаж составил 37 лет. В 1808 году после окончания Педагогического института поступают на службу в Олонецкую гимназию Н. О. Куныев, П. С. Соболев, И. Ф. Яконовский, И. Д. Егорьевский, а в Вытегорское уездное училище — И. Д. Протопопов. В этом же году в Архангельск преподавателями в губернскую гимназию были направлены студенты Е. П. Смирнов, К. В. Васильев, А. Баранов, Л. С. Левицкий. В 1809 году

Конференция Педагогического института направила в Олонецкую губернию И. Д. Воскресенского и В. И. Березниковского [8].

Студенты, получившие учительские места в пределах округа, оставались в подчинении университета, это распространялось не только на учебную деятельность. Они должны были испрашивать у Конференции института (позже – Правления университета) разрешения на вступление в брак или на отпуск, через университет они представлялись к награждению и повышению в чине. Правлению же они возвращали из учительского жалования прежние долги или суммы, затраченные на проезд к месту назначения. В Совет университета они представляли свои научные и методические сочинения, в университете защищали диссертации, и тогда их карьера, конечно, круто изменялась. Еще несколько лет бывшие студенты находились «в непосредственном ведении» университета, да и по истечении срока обязательной службы – в постоянном контакте с ним. Раз в несколько лет они встречали приехавшего визитатора – своего же профессора, отчитывались перед ним. В случае их смерти размер пособия, определяемого вдове и детям, также зависел от решения университетского начальства, от того, как оно оценивало способности и заслуги умершего. Пенсионное законодательство, касающееся учителей, в первой половине XIX века еще не оформилось.

Выпускники Петербургского университета, приезжая в Олонецкую губернию, служили весьма достойно, почти все, исчерпав 6-летний срок обязательной службы, оставались служить и дальше. Представления директоров и смотрителей училищ о молодых педагогах изобилуют свидетельствами о «благонравном» поведении. Так, об учителе Н. О. Куняеве директор С. А. Башинский в 1818 году писал: «Прилежен и довольно успешен, поведения благородного и отличного» [9]. Такую же характеристику получил и И. Ф. Яконовский: «...поведения отличного, прилежен, усерден, поведения благородного и нравственного во всех отношениях» [9].

Контроль училищного начальства над учителями затрагивал и их личную жизнь. Учителя испрашивали у директора народных училищ разрешения на женитьбу. В архиве сохранились прошения А. И. Мещерского в 1834 году на второй брак с воспитанницей Императорского Санкт-Петербургского воспитательного дома Настасьей Ивановой. «Я вдов, – писал А. И. Мещерский в прошении, – и со стороны училищной к занятию такого брака препятствий не имею» [2]. В архиве найдено прошение Э. А. Мудрова в 1837 году на брак с дочерью коллежского асессора Василия Аберхалтина Любовью [3].

Приезжая на новое место службы, молодые педагоги вступали в брак достаточно быстро. Чаще всего их женами становились дочери про-

винциальных чиновников или учителей. Так, Н. О. Куняев был женат на Е. Реуцкой, из дворянской семьи, П. С. Соболев – на дочери коллежского асессора Ф. Рейнгольда, И. Ф. Яконовский – на дочери губернского секретаря И. Гребенщикова, И. Д. Воскресенский – на дочери титулярного советника П. Безрукова, М. И. Троицкий – на дочери учителя Олонецкой гимназии М. А. Копосова. Все учительские семейства были многочисленны. В семье М. А. Копосова было 10 детей, в семьях Н. В. Талицкого, А. И. Мещерского – семеро, у Н. О. Куняева – четверо. Все мальчики из семей учителей оканчивали Петрозаводское уездное училище, а затем Олонецкую гимназию.

Связи с Петербургским университетом для учительских семей распространялись на второе-третье поколение. Все шесть сыновей М. А. Копосова после окончания Олонецкой гимназии продолжили дело отца и стали учителями в учебных заведениях Олонецкой, Архангельской губерний и кроме этого директорами Санкт-Петербургской и Московской гимназий. Николай Копосов окончил Олонецкую гимназию с серебряной медалью и «поступил в Императорскую Санкт-Петербургскую Медико-хирургическую Академию в число казеннокоштных студентов» [4]. Стали студентами Петербургского университета сыновья Н. Н. Познякава, А. И. Мещерского, М. И. Троицкого.

В последние годы существования Главного народного училища в Петрозаводске и в первые годы после его преобразования в губернскую гимназию оно испытывало кадровые и материальные трудности. Как писал в донесении 1803 года директор, в училище «никаких физических и математических пособий не находится, равно и натурального кабинета. В библиотеке же имеется одно присланное от господина тайного советника... Н. Н. Новосильцева периодическое издание о средствах народного просвещения» (имеется в виду «Периодическое сочинение об успехах народного просвещения», издававшееся с 1802 года) [6].

Несмотря на сложные условия северного края, слабую заселенность, неразвитость городской жизни, наличие карельского населения, не говорящего по-русски, Олонецкая губерния отнюдь не казалась забытой окраиной, куда не доходил свет образования. Именно здесь раньше других губернских городов возникла гимназия. Как показывают факты, двусторонние связи училищ губернии с Петербургским университетом сложились раньше других и были весьма тесными.

Однако количество начальных училищ в губернии было несколько меньше, чем в соседних Архангельской и Вологодской, до конца 1820-х годов. В следующие десятилетия это отставание только усилилось. По «Ведомости о состоянии учебных заведений по ведомству Департамента народного просвещения» за 1824 год, здесь было

10 учебных заведений с числом учащихся 349 человек, из них 4 девочки. В соседней Архангельской губернии в 9 учебных заведениях училось 340 детей, по Вологодской губернии – в 12 училищах числилось 520 детей [11; 334]. В 1846 году количество школ в Архангельской губернии возросло до 322, учащихся – до 2669. В Олонецкой губернии, по отчету дирекции, значилось 190 школ, число учащихся точно не указывалось. Правда, в Вологодской губернии число училищ в 1846 году было еще меньше – около 100 [10]. По отчету дирекций за 1851 год, Олонецкая губерния стояла на последнем месте в округе по числу учеников в гимназии, которых насчитывается всего 59, тогда как в Архангельской гимназии – 118, в Вологодской – 165 [20; 54–55].

Причины такого положения связаны с тем, что, в отличие от портового Архангельска и купеческой Вологды, более малочисленный Петрозаводск был населен чиновниками горного ведомства и мещанами. Дворянская прослойка в губернии и купеческая в городе были вообще невелики, и в гимназии учились в основном дети чиновников. Во-вторых, в губернии не во всех уездах действовали уездные училища: из 7 уездов таковые действовали только в 4: Петрозаводском, Олонецком, Вытегорском и Каргопольском. В Повенце, Лодейном Поле, Пудоже существовали с 1830-х годов только городские приходские училища. Соответственно, меньше было иногородних детей, способных обучаться в гимназии. В соседних губерниях уездных училищ было больше.

Картина развития школьной сети и успехов просвещения в Олонецкой губернии выглядит довольно противоречиво. По числу сельских училищ Олонецкая губерния превосходила соседей. Это, в частности, объясняется повышенным вниманием, которое уделяло правительство местностям, находящимся под влиянием старообрядчества. С 1836 года после издания специальных «Правил для обучения поселенских, в том числе раскольничьих детей» в Олонецкой губернии сельских школ значительно прибавилось. С 1840 года в ходе реформы государственной деревни ведется интенсивное школьное строительство

по линии Министерства государственных имуществ. В 1840 году в Олонецкой губернии было 205 сельских школ, где обучалось 1177 учащихся, в 1851-м – 143 школы и 2140 учащихся. Однако двойное подчинение этих училищ мешает построить более точную статистику и динамику их роста. Одни и те же школы проходили и по духовному ведомству, и по отчетам Министерства государственных имуществ. Школ, оставшихся в ведении Министерства народного просвещения, в эти годы было сравнительно меньше.

По числу выпускников Олонецкой гимназии, поступивших в Петербургский университет, губерния находилась в особом положении. До 1835 года из Вологодской и Архангельской гимназий в университет не поступал ни один выпускник. Тогда как уже в составе второго выпуска (1810) студентов Педагогического института в Петербурге был А. А. Крылов, сын А. Е. Крылова, впоследствии профессор Санкт-Петербургского университета. В 1824 году университет закончил поэт В. Г. Бенедиктов, ученик И. Ф. Яконовского по Олонецкой гимназии. В Петрозаводске работало больше всего выпускников университета (за всю первую половину XIX века – 31 человек). В Петрозаводске в гимназии одновременно служили 4–5 выпускников, некоторые из них впоследствии перебирались в столицу. В других губернских гимназиях – только по 1–2 человека.

Таким образом, по интенсивности связей с Петербургом, по уровню преподавания в гимназии Олонецкая губерния занимала весьма достойное место в учебном округе. Анализ документов университетского и училищного делопроизводства позволяет сделать заключение о более тесных организационных, социальных и культурных связях Олонецкой губернии с университетским Петербургом в сравнении с другими губерниями округа.

Статья подготовлена при поддержке проекта «Столичный университет в фокусе государственной политики России (1819–1917)» Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (Мероприятие 1.2.2), ГК № 14.740.11.1112.

ИСТОЧНИКИ

1. Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК). Ф. 335. Оп. 2. Д. 1/1. Л. 22–23.
2. НА РК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 5/11. Л. 382.
3. НА РК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 5/13. Л. 33.
4. НА РК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 4/8. Л. 409.
5. Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 20. Д. 125. Л. 3, 7.
6. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб). Ф. 139. Оп. 1. Д. 16. Л. 37.
7. ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 63. Л. 2.
8. ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 398. Л. 2.
9. ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 1878. Л. 123.
10. ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 5048.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

11. Журнал министерства народного просвещения. 1825. Кн. 1.
12. История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Периодика, 2001. 944 с.

13. О порядке ревизии отчетов учебных заведений // Сборник постановлений и инструкций по министерству народного просвещения. СПб., 1864. Т. 2. Ст. 5, 7.
14. Петров Ф. А. Формирование системы университетского образования в России Т. 2: Становление системы университетского образования в России в первые десятилетия XIX века. М.: Изд-во МГУ, 2002. 816 с.
15. Предварительные правила народного просвещения // Сборник постановлений и инструкций министерства народного просвещения. СПб., 1864. Т. 1. Ст. 14, 16.
16. Примерное исчисление сумм на ежегодное содержание университетов, гимназий и уездных училищ в России // Сборник постановлений и инструкций министерства народного просвещения. СПб., 1864. Т. 1. Ст. 33–34.
17. Пулькин М. В. Политика русификации в XIX – начале XX века (по материалам Архангельской и Олонецкой губерний) // Новая политическая история: Сб. науч. работ. СПб.: Европейский университет, 2004. С.191–206.
18. С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. 1819–1919: Материалы по истории С.-Петербургского университета / Под ред. С. В. Рождественского. Пг., 1919. 760 с.
19. С и н и ц ы н а П. Т. Развитие народного образования на европейском Севере. Архангельск: Поморский гос. ун-т, 1996. 142 с.
20. Сравнительная ведомость о состоянии учебных заведений МНП за 1850 г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1851. Ч. 70.
21. Устав университетов // Сборник постановлений и инструкций министерства народного просвещения. СПб., 1864. Т. 1. Ст. 296.
22. Устав учебных заведений, подведомых университетам // Сборник постановлений и инструкций министерства народного просвещения. СПб., 1864. Т. 1. Ст. 329.
23. Эй м о н т о в а Р. Г. Русские университеты на грани двух эпох. От России крепостной к России капиталистической. М.: Наука, 1985. 350 с.

ПЕТР ПАВЛОВИЧ КОТОВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, этнографии и археологии факультета истории и международных отношений, Сыктывкарский государственный университет
kotovpetr55@mail.ru

УРОВЕНЬ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В КЕМСКОМ УЕЗДЕ В 1791–1915 ГОДАХ

В статье на основе большого количества архивных и опубликованных документов анализируется развитие уровня земледелия в Кемском уезде на протяжении 125 лет. Предлагается авторская методика обработки цифровых данных для объективной оценки результативности земледелия.

Ключевые слова: уровень земледелия, посевы и урожаи хлебов, обеспеченность хлебами, нормы потребления

Многие важные проблемы истории земледелия XVIII – начала XX века в России уже являлись предметом специальных монографических трудов [6], [11]. Изучалось земледелие и по Европейскому Северу страны [8], [9], [12]. Однако, на наш взгляд, еще недостаточно разработаны вопросы результативности земледельческого производства, уровень которого в наибольшей степени характеризуют показатели урожайности, посевы и сборы хлебов в расчете на человека и обеспеченность населения своими хлебами в процентах от минимальной нормы потребления. Подчеркнем, что до XX века определить производительность труда крестьян в современном понимании невозможно.

В основе определения уровня земледелия лежат сведения о посевах и урожаях хлебов. Такие сведения стали поступать в различные центральные учреждения власти с XVIII века. После 1802 года они являлись обязательным элементом ежегодных отчетов всех губернаторов России. Правда, в течение второй половины XVIII – начала XX века изменялась форма отчетности о посевах и урожаях хлебов. Во второй половине XVIII века в нее включались сведения о посевах и сборах всех выращиваемых хлебных культур по каждому уезду, провинции и губернии. Затем законодатель стал требовать совокупные данные об озимых и яровых хлебах, а с 1837 года – такие же данные, но только в целом по губерниям. В конце 1860-х годов в губернаторских отчетах вновь появляются сведения о посевах и урожаях каждой из хлебных культур по уездам и губерниям [16]¹.

Отчеты губернаторов отложились в архивах Москвы и Санкт-Петербурга. Но за многие годы из них невозможно вычленить хлебную статистику по уездам. Кроме того, значительная их часть в центральных архивах отсутствует, вероятно, утеряна. В этой связи особую ценность представляют фонды областных и республиканских архивов Архангельска, Вологды и Петрозаводска. Используя материалы местных архивов, удалось восстановить за 53 года данные о посевах

и урожаях хлебов в Кемском уезде за период 1791–1902 годов, отсутствующие в центральных архивах. Отметим, что за 1792, 1793, 1797, 1798, 1802, 1845, 1849 и 1869 годы такие данные не выявлены.

Сведения «хлебной отчетности» губернаторов привлекались для исследования земледелия как в целом по России, так и по Европейскому Северу [9], [10], [20]. Правда, в основном использовались материалы, которые характеризовали земледелие в целом по губерниям. При этом ученые применяли разные методики их обработки. Поэтому результаты исследований очень сложны, а иногда и невозможно сопоставить и проанализировать по достаточно длительным хронологическим отрезкам даже по губерниям. Между тем развитие земледелия по уездам огромных северных губерний было весьма неравномерным. К сожалению, с конца 1980-х по начало 2000-х годов исследования отчетов губернаторов о посевах и урожаях хлебов, за редким исключением, вовсе отсутствуют. До последнего времени не были охарактеризованы, например, законы, во исполнение которых и представлялись отчеты о посевах и урожаях хлебов [16].

Архивные источники довольно объективно отражали размеры посевов и валовых сборов хлебов. Последние в отчетах губернаторов определялись по так называемым пробным умолотам [10], [14], [18]. Они в среднем по 8-летним периодам за 1835–1858 годы на общественной запашке удельной деревни Севера и Северного Приуралья занижались относительно действительных умолотов озимых и яровых хлебов не более чем на 6,3 % [15].

На наш взгляд, возможности архивных источников для выявления уровня земледелия так в полной мере и не оценены. Тем более не оценена возможность соединения их данных с опубликованными материалами Центрального статистического комитета МВД России (далее – ЦСК), в которых содержатся сведения о посевах и урожаях хлебов за 1883–1915 годы. Информативно этот источник очень богат. После 1892 года в не-

го включались данные по всем уездам и губерниям России о площади запашки, посевах, сборах, урожайности, весе четверти в пудах и другая информация по каждой из земледельческих культур. Необходимо отметить, что данные ЦСК за отдельные годы необходимо корректировать – в них вкрадывались явные ошибки или опечатки. Так, в 1895 году посевы озимой ржи на «владельческих землях» Кемского уезда в материалах ЦСК показаны на площади в 600 десятин, ячменя – 1481 десятину, тогда как в предыдущие и последующие годы рожь высевалась на этих землях не более чем на 150 десятинах, ячмень – в пределах до 300 десятин.

Свои показатели ЦСК определял по результатам анкетирования, методика которого в окончательном варианте была введена в 1893 году. Сравнение двух указанных методик показывает, что соотношение среднегодовых показателей «хлебной отчетности» по материалам ЦСК за 1893–1902 годы по Кемскому уезду с данными отчетов губернаторов составляло: по посевам озимых примерно 1,0 (расходилось на три тысячных), яровых – 1,06 и по валовым сборам обоих родов хлебов – 1,09. Эта разница не столь велика, вполне согласуется с приведенным примером по общественной запашке и определена нами в качестве коэффициента поправки для цифровых данных отчетов губернаторов о посевах и урожаях.

Такой подход позволил на единой основе соединить показатели «хлебной отчетности», зафиксированные в архивных источниках и материалах ЦСК, и проанализировать уровень земледелия в Кемском уезде на протяжении 125 лет (с 1791 по 1915 год). Этот уезд (сейчас северная часть Республики Карелии) был образован на территории Кольского уезда в 1784 году. Первоначально он входил в Олонецкую губернию и после ее временного упразднения в 1797 году был включен в Архангельскую губернию и находился в ее составе до 1917 года. В 1857–1883 годах в Кемский уезд входила территория Кольского уезда, что следует учитывать при анализе материалов о посевах и урожаях хлебов.

Методика работы с источниками подразумевает оперирование среднегодовыми данными. Исследователи уже достаточно давно определили, что при анализе сведений о посевах и урожаях хлебов предпочтительны цифровые показатели в среднем за 8–10 или более лет [10], [14], [17]. В противном случае степень объективности снижается. В нашей работе предлагается анализ данных за все выявленные годы в рамках десятилетий и более крупных временных отрезков. Важно определить данные о посевах и чистых сборах² в расчете на одного жителя Кемского уезда. Для 1858–1882 годов исходные данные о посевах и сборах хлебов в уезде определены нами относительно данных источников в 96 % потому, что в эти годы в Кемский уезд, как упоминалось, бы-

ла включена территория Кольского уезда. На него в 1850–1857 и 1883–1892 годах приходилось примерно 4 % посевов и сборов хлебов от их суммарных показателей по упомянутым уездам.

Для необходимых расчетов число жителей Кемского уезда определялось по сведениям V–X ревизий, архивных источников и ЦСК. Они также уточнялись с помощью коэффициента поправки, который был подсчитан на основе сравнения показателей этих источников с показателями первой Всероссийской переписи населения 1897 года [5]. Население уезда с конца XVIII по начало XX века выросло примерно с 10 950 до 48 700 человек – почти в 4,5 раза.

Кемский уезд находился в зоне с суровыми природно-климатическими условиями, что диктовало выбор выращиваемых населением хлебов и своеобразие севооборота. Озимая рожь и ячмень являлись основными зерновыми культурами, которые возделывались в Кемском уезде. По всем выявленным в источниках годам производились и небольшие посевы овса. Производство других земледельческих культур в уезде долгое время вообще не фиксировалось (исключая картофель). На рубеже XIX–XX веков отмечались мизерные посевы яровой ржи, льна и конопли. Вероятно, их посевы производились в уезде и ранее, но из-за незначительности они не учитывались. Структура посевов в Кемском уезде подтверждает вывод, что здесь, как и в ряде других северных уездов страны, не существовало «правильного» трехполья.

К сожалению, источники позволяют выявить распределение посевных площадей хлебных культур в Кемском уезде лишь для конца XIX – начала XX века. По остальным годам можно опираться только на данные о посевах и сборах хлебов в четвертях³ и урожайности в «самах»⁴, которые, впрочем, вполне отражали тенденцию развития земледелия.

Материалы табл. 1 свидетельствуют, что жители Кемского уезда стремились поддерживать пусть и невысокие, но стабильные душевые посевы озимой ржи. Они в среднем по десятилетним периодам с конца XVIII по начало XX века находились в рамках 0,02–0,03 четверти. Их показатель 0,04 четверти был наивысшим в 1871–1880 годах. Посевы яровых хлебов в расчете на жителя уезда были выше посевов ржи и в среднем по десятилетиям колебались от 0,05 до 0,11 четверти в год. На изменении соотношения посевов основных зерновых в Кемском уезде с конца XIX века сказалось строительство железной дороги «Москва – Архангельск» и увеличение интенсивности морского и речного транспорта, что облегчало доставку хлеба в уезд и удешевляло его. Торговцы же хлебом стремились ввозить более ценное зерно – рожь и пшеницу.

Учет посевов всех зерновых по более крупным хронологическим отрезкам показывает, что

наблюдалась тенденция их роста – с 0,10 четверти на человека в 1801–1830 годах до 0,13 четверти в 1871–1900 и 1901–1915 годах (табл. 1).

Очень важным показателем развития земледелия служит урожайность хлебов, которая длительное время измерялась в «самах». Урожайность ржи в Кемском уезде в течение времени неуклонно снижалась. В 1791–1799 годах она составляла «сам 6,4», в 1801–1830 годах – «сам 6,2», в 1871–1900 и 1901–1915 годах – уже только «сам 4,6». Урожайность яровых уступала урожайности озимой ржи. С другой стороны, в яровом клине только в первой – второй трети XIX века наблюдалось снижение урожаев – с «сам 4,1» в 1801–1830 годах до «сам 3,3» в 1831–1870 годах. Затем произошло некоторое их увеличение – в 1871–1900 годах на 1 посеянное зерно жители Кемского уезда собирали 3,6 зерна, в 1901–1915 годах – 3,9 зерна (табл. 1).

Размеры посевов и урожайности определяли главные показатели результативности земледелия – чистые сборы и обеспеченность населения своими хлебами⁵. Данные табл. 1 свидетельствуют, что с 1791–1799 по 1901–1915 годы чистые среднедушевые сборы озимых в Кемском уезде немного сократились – с 0,09 до 0,08 четверти. Соответственно, сократилась и обеспеченность населения уезда своим озимым зерном – с 7,6 до 6,2 %. Правда, между указанными крайними датами чистые душевые сборы ржи, как правило, были больше – до 0,17 четверти, или 13,8 % нормы, в 1871–1880 годах. Исключением был период 1911–1915 годов, когда обеспеченность озимыми составила всего 4,6 % потребности. Следует признать, что жители уезда получали очень мало своего озимого зерна.

Изменение обеспеченности населения Кемского уезда своими озимыми хлебами по периодам в конце XVIII – начале XX века зависело, при относительно стабильных посевах, от уровня их урожайности. В отношении же обеспеченности населения уезда яровыми имели значение оба фактора: и размеры душевых посевов, и уровень урожайности. В рассматриваемое время в Кемском уезде проявлялась явная тенденция к росту чистых душевых сборов яровых хлебов. Если в среднем за 1791–1799 годы в уезде собиралось 0,18 четверти ярового зерна на человека, или 14,5 % нормы, то в 1901–1915 годах – уже 0,31 четверти, или 25,1 % нормы. Правда, в среднем за 1831–1870 годы по сравнению с предыдущим периодом произошло некоторое снижение обеспеченности населения уезда своими яровыми хлебами (с 18,5 до 16,2 % нормы). Но и в этом случае чистые душевые сборы яровых не опустились ниже их показателей за последнее десятилетие XVIII века (табл. 1).

Как отмечалось, основную часть запашки яровых в Кемском уезде занимал ячмень. В XIX веке обеспеченность своим ячменем составляла здесь около 40 %, в начале XX века она поднялась до 47–48 %. Иная ситуация наблюдалась в уезде в отношении овса, обеспеченность которым была очень низка – всего на 0,4–2,9 % от нормы.

Среднедушевые посевы и чистые сборы зерновых в Кемском уезде превосходили лишь посевы и сборы хлебов в Кольском уезде, хотя в первой трети XIX века и в отдельные периоды последующего времени урожайность зерновых в Кемском уезде была выше, чем в ряде уездов и в целом по Архангельской и Вологодской губерниям [14].

Таблица 1

Посевы и чистые сборы зерновых хлебов и обеспеченность ими населения Кемского уезда в 1791–1915 годах

Годы	Посев, четвертей на душу			Чистый сбор, четвертей на душу			Обеспеченность, в %		
	озимые	яровые	всего	озимые	яровые	всего	озимые	яровые	всего
1791–1799	0,02	0,07	0,09	0,09	0,18	0,28	7,6	14,5	11,0
1801–1810	0,02	0,09	0,11	0,13	0,27	0,40	10,6	21,5	16,0
1811–1820	0,02	0,07	0,09	0,12	0,22	0,34	9,8	17,4	13,6
1821–1830	0,02	0,07	0,09	0,11	0,21	0,33	8,9	17,2	13,0
1801–1830	0,02	0,07	0,10	0,12	0,23	0,35	9,6	18,5	14,0
1831–1840	0,02	0,05	0,08	0,09	0,13	0,22	7,3	10,7	9,0
1842–1850	0,03	0,09	0,11	0,10	0,23	0,32	7,8	18,1	13,0
1851–1860	0,03	0,10	0,13	0,11	0,23	0,34	8,6	18,2	13,4
1861–1870	0,03	0,10	0,13	0,12	0,22	0,34	9,8	17,4	13,6
1831–1870	0,03	0,09	0,11	0,11	0,20	0,31	8,5	16,2	12,4
1871–1880	0,04	0,09	0,13	0,17	0,26	0,44	13,8	21,1	17,5
1881–1890	0,03	0,09	0,12	0,10	0,24	0,35	8,3	19,6	13,9
1891–1900	0,03	0,11	0,14	0,11	0,27	0,37	8,4	21,5	14,9
1871–1900	0,03	0,10	0,13	0,13	0,26	0,38	10,0	20,7	15,4
1901–1910	0,02	0,11	0,13	0,09	0,32	0,41	7,2	25,4	16,3
1911–1915	0,02	0,11	0,13	0,06	0,31	0,36	4,6	24,5	14,5
1901–1915	0,02	0,11	0,13	0,08	0,31	0,39	6,2	25,1	15,7

Показатели уровня земледелия, зафиксированные в табл. 1, выведены из расчета всех жителей Кемского уезда. Но не все они занимались земледелием [1]. Поэтому существовали большие различия в обеспеченности населения своими хлебами между отдельными станами. В 1868 году каждый житель 2-го и 3-го станов со своей запашки получил около 0,98 четверти зерновых хлебов, или 39,2 % нормы, 1-го стана – 0,24 четверти, или 9,6 %, а в 4-м стане «посев хлебов и картофеля вовсе не производился» [4].

Показатели уровня земледелия между волостями в границах конкретных станов Кемского уезда также заметно отличались. В 1866 году по волостям и сельским обществам уезда, где велось земледелие, обеспеченность населения своими зерновыми колебалась от 1,8 до 26,0 % нормы, составляя в среднем по уезду 9,2 % нормы [2].

Подобный разрыв был заметно контрастнее по Сумскому посаду, в котором земледелием занималось менее 10 % мещан и одна семья разночинцев. Разночинцы в 1866 году получили яровых хлебов около 4 четвертей на душу [2]. Вероятно, часть хлеба они производили на продажу, как и те мещане посада, которые вели полевое хозяйство. У последних в 1860–1867 годах чистые сборы озимого хлеба составляли 0,41 четверти на человека, или 32,8 % нормы, ярового – 2,44 четверти, или 195,2 % нормы.

Необходимый минимум яровых получали и мещане города Кеми, которые имели свою запашку. Во всяком случае, в 1866 году душевые чистые сборы у них составили 1,61 четверти яровых [2]. Правда, они не выращивали озимых и этот дефицит восполняли только покупками. Можно утверждать, что жители Кеми и особенно Сумского Посада занимались выращиванием зерновых даже более эффективно, чем крестьяне. Во многом такое положение было характерно и в сфере производства картофеля. Посадки картофеля в Кемском уезде отмечаются уже с конца XVIII века, но они были невелики и производились на огородах. В 1842 году крестьян России обязали разводить картофель на полевой запашке [13]. После этого он внедряется в качестве полевой культуры и в Кемском уезде. Успешному распространению картофеля в немалой степени способствовали относительная простота его выращивания, неплохая урожайность (сопоставимая с зерно-

выми) и то, что с десятины запашки его собирали намного больше по сравнению с зерновыми.

Основные показатели развития уровня картофелеводства в Кемском уезде отражены в табл. 2. Из табл. 2 видно, что среднедушевые посадки картофеля в уезде быстро увеличивались – с 0,002 четверти в 1847–1848 годах до 0,16 четверти в 1891–1900 годах. В четвертях они уже с 1881–1890 годов стали больше посевов яровых хлебов. На рубеже XIX–XX веков прирост населения уезда начинает опережать расширение посадок картофеля. Поэтому в начале XX века его среднедушевые посевы снизились примерно до 0,13 четверти.

Несмотря на колебания урожайности (от «сам 3,1» до «сам 4,4») чистые сборы картофеля в расчете на жителя Кемского уезда повторяли тенденции изменений душевых посадок. Так, в среднем за 1847–1848 годы его собиралось только 0,01 четверти на человека, в 1891–1900 годах – уже 0,44 четверти. В начале XX века показатель душевых чистых сборов картофеля уменьшается до 0,36 четверти (табл. 2). Однако к этому времени картофель прочно внедряется в систему полевого севооборота и является существенным подспорьем для жителей уезда. Развитие картофелеводства в разных частях Кемского уезда, как и выращивание зерновых хлебов, заметно варьировалось [3]. Так, в 1866 году в волостях и сельских обществах, в которых развился картофель, его чистые сборы составили от 0,004 до 0,26 четверти на душу [2]. В целом картофель на селе выращивался для собственных нужд.

Мещане уездного города, которые занимались земледелием, производили картофель явно на продажу. В том же 1866 году они получили в расчете на каждого члена семьи свыше 7 четвертей картофеля. Такую же цель явно преследовала и семья разночинцев Сумского Посада, которая в 1866 году получила со своей запашки 4 четверти картофеля в расчете на человека [2].

Таким образом, в конце XVIII – начале XX века обеспеченность населения Кемского уезда своими хлебами была низкой. Однако труд сельских жителей вознаграждался, например, относительно неплохими сборами ячменя. Наблюдалось улучшение ряда других показателей уровня земледелия. Увеличивались среднедушевые посевы и чистые сборы зерновых в целом, в полевой

Таблица 2

Урожайность (в «самах»), посевы и чистые сборы (в четвертях на человека) картофеля в Кемском уезде в 1847–1915 годах

Основные показатели	Годы							
	1847–1848	1854–1860	1861–1870	1871–1880	1881–1890	1891–1900	1901–1910	1911–1915
Посев	0,00	0,06	0,04	0,08	0,10	0,16	0,13	0,13
Урожайность	4,1	3,1	3,2	3,8	4,4	3,7	3,8	3,8
Чистый сбор	0,01	0,12	0,08	0,23	0,32	0,44	0,36	0,36

клин жителей уезда внедряется новая земледельческая культура – картофель. Достаточно быстрый рост посадок и чистых сборов делает картофель заметным явлением земледельческого производства в уезде. С другой стороны, в озимом поле Кемского уезда наблюдались отрицательные моменты – происходит уменьшение душевых посевов и урожайности. Поэтому душевые чистые сборы ржи имели тенденцию к уменьшению.

Учитывая малопригодные для земледелия условия, заслуживает глубокого уважения то, что сельские труженики в течение 125 лет не только поддерживали пусть и низкий уровень земледелия, но и улучшали многие его основные показатели. Основной дефицит хлебов в уезде покрывался за счет привозного зерна, что подразумевало получение достаточных средств населением от неzemледельческих занятий.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Данные обобщенного характера в тексте статьи за период 1791–1915 годов и цифровые показатели в табл. 1–2 определены по источникам: ГААО (Государственный архив Архангельской области). Ф. 1. Оп. 3. Д. 203, 279, 741, 1110, 1389; Оп. 4. Т. 5а. Д. 26, 109, 157, 204, 312, 803; Оп. 8. Т. 2. Д. 61, 64, 310; Оп. 9. Д. 271; Оп. 11. Д. 367, 401; Ф. 2. Оп. 1. Д. 1200, 2053, 2198; Ф. 6. Оп. 2. Д. 7, 19; Оп. 3. Т. 1. Д. 1–4; Ф. 53. Оп. 1. Т. 1. Д. 710; Оп. 1. Т. 2. Д. 35, 62, 113, 172, 184, 202, 214, 228, 245, 259, 273, 288, 310, 327, 334, 342, 350, 355, 360, 368, 384, 402в, 577, 577ж, 690; ГАВО (Государственный архив Вологодской области). Ф. 354. Оп. 1. Д. 74; РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 111. Д. 59054, 59129, 59243; РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1263. Оп. 1–2. Д. 3550–5061 (журнальные статьи «Архангельская губерния»); Ф. 1281. Оп. 11. Д. 1–3, 5; Ф. 1287. Оп. 2. Д. 557, 626; НА РК (Национальный архив Республики Карелия). Ф. 1. Оп. 36. Д. 4/2; Урожай... [1893–1915] года. СПб., [1894–1916].
- ² Чистый сбор хлебов – это разница между общим сбором и их посевом.
- ³ Четверть являлась мерой объема для измерения хлебов. Вес четверти ржи в Кемском уезде в среднем за 1893–1915 годы составлял около 7,8 пуда, ячменя – 7,1 пуда, овса – 5,9 пуда и картофеля – 8,3 пуда. По отдельным периодам и годам вес четверти хлебов довольно заметно колебался.
- ⁴ Урожайность в архивных источниках фиксировалась в «самах», которые определялись как результат деления сборов хлебов в четвертях на их посев в четвертях. В материалах ЦСК МВД России за 1893–1915 годы урожайность подсчитывалась и в «самах», и с единицы площади запашки.
- ⁵ Обеспеченность населения своими хлебами подсчитана в процентах исходя из нормы в 2,5 четверти зерновых на человека в год, включая 1,25 четверти озимых и столько же яровых хлебов. Соответственно, в отношении ячменя минимальная норма принята примерно 0,62 четверти, как и в отношении овса.

ИСТОЧНИКИ

1. ГААО. Ф. 53. Оп. 1. Т. 2. Д. 384.
2. ГААО. Ф. 53. Оп. 1. Т. 2. Д. 402в.
3. ГААО. Ф. 53. Оп. 1. Т. 2. Д. 629.
4. ГААО. Ф. 53. Оп. 1. Т. 2. Д. 690.
5. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897. Архангельская губерния. Тетрадь 1. СПб., 1899.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

6. А н ф и м о в А. Н. Крестьянское хозяйство Европейской России 1881–1904. М.: Наука, 1980. 239 с.
7. И н д о в а Е. И. Урожай в Центральной России за 150 лет (вторая половина XVII – XVIII вв.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965. М., 1970. С. 141–154.
8. История северного крестьянства. Архангельск, 1984. Т. 1. 431 с.
9. История северного крестьянства. Архангельск, 1986. Т. 2. 383 с.
10. К о в а л ь ч е н к о И. Д. Динамика уровня земледельческого производства России в первой половине XIX в. // История СССР. 1959. № 1. С. 53–86.
11. К о в а л ь ч е н к о И. Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М.: Изд-во МГУ, 1967. 400 с.
12. К о л е с н и к о в П. А. Северная деревня в XV – первой половине XIX в. Вологда, 1976. 416 с.
13. К о т о в П. П. Удельные крестьяне Севера. 1797–1863 гг.: Учеб. пособие по спецкурсу. Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, 1991. 80 с.
14. К о т о в П. П. Динамика уровня земледелия в Коми крае в конце XVIII – начале XX веков. Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, 1996. 165 с.
15. К о т о в П. П. Материалы об общественной запашке удельных крестьян Европейского Севера как исторический источник // Петербург и Россия. СПб., 1997. С. 453–457.
16. К о т о в П. П. Роль законодательных актов Российской империи в изучении результативности земледелия XVIII – XIX веков // История государства и права. 2010. № 22. С. 12–14.
17. М и х а и л о в с к и й В. Г. Тезисы доклада «Урожай в России в 1801–1914 гг.» // Бюллетень ЦСУ РСФСР. М., 1921. № 50. С. 2.
18. Н и ф о н т о в А. С. Статистика урожая в России XIX в. (по материалам губернаторских отчетов) // Исторические записки. 1968. Т. 81. С. 216–258.
19. Н и ф о н т о в А. С. Зерновое производство в России во второй половине XIX в. М.: Наука, 1974. 318 с.
20. Р у б и н ш т е й н Н. А. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М.: Госполитиздат, 1957. 495 с.

ЕЛЕНА ВАЛЕНТИНОВНА ПЕТРОВА

преподаватель кафедры иностранных языков технических факультетов, Петрозаводский государственный университет
helenpetrova@list.ru

РАЗВИТИЕ СТРАТЕГИИ ПЕРЕРАБОТКИ И ПОВТОРЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

В статье рассматривается процесс обучения студентов структурированию информации на основе стратегии повторения по спирали. Выделены условия формирования стратегии повторения. Рассмотрены этапы организации учебной деятельности с применением данной стратегии.

Ключевые слова: стратегия повторения, обучение по спирали, структурирование информации, информационная компетенция, сохранение в памяти, перенос в новые условия, профессионально значимая информация

Современное профессиональное образование направлено на непрерывное развитие личности, а также подготовку человека к работе по профессии. В процессе обучения студенты овладевают большим объемом информации. В наше время сложно ориентироваться в потоке информации, если материал, подлежащий усвоению, не организован определенным образом. Информационная компетенция – это ключевая компетенция, относящаяся к метапредметному содержанию образования [3; 138]. Она предполагает владение навыками и умениями работы с различными источниками информации; умениями самостоятельно искать, извлекать, систематизировать, анализировать необходимую для решения учебных задач информацию, организовывать, преобразовывать, сохранять и передавать ее; владение навыками использования информационных устройств; умениями ориентироваться в информационных потоках, выделять в них главное и необходимое, оценивать и интерпретировать.

Стратегии работы с информацией используются при решении широкого круга задач, и не только в рамках одного предмета, но и на занятиях по другим учебным дисциплинам, при работе с информацией на любом языке, как в учебной, так и в других видах деятельности. Имея надпредметный характер, информационная компетенция формируется на конкретном предметном материале, средствами конкретных учебных предметов. Вместе с тем, как показало наше исследование, студенты не всегда способны самостоятельно переносить универсальные стратегии в новые ситуации.

Формирование у обучающихся высшей школы информационной компетенции напрямую соотносится с целями и задачами обучения иностранному языку в вузе. В соответствии с государственными образовательными стандартами высшего профессионального образования одной из целей обучения иностранному языку на неязыковых специальностях вуза является развитие умения работать с профессиональной литерату-

рой. Способность извлекать информацию из текстов учебной, страноведческой, научно-популярной и научной тематики, текстов по специальности является базовым умением при осуществлении любой профессиональной деятельности.

Информационная компетенция проявляется в выборе и использовании ряда стратегий [6]:

- когнитивные стратегии: применяются в целях понимания иерархии смыслов, заключенных в тексте, их концептуализации, формирования соответствующих понятий (идентификация понятий, установление корреляций между ними, группировка понятий по разным основаниям);
- информационные стратегии: применяются для поиска, восстановления и анализа информации, создания иерархии информационных уровней текста (организация информации по заданным параметрам – структурирование);
- мнемические стратегии: повторение, ассоциативное запоминание со схематической систематизацией с помощью графических образов.

Формирование и развитие информационной компетенции студентов будет происходить наиболее эффективно, если учебный процесс будет организован соответствующим образом с точки зрения условий обучения. Целью нашего исследования являлось определение условий овладения студентами стратегиями переработки и повторения профессионально значимой информации, которые имеют универсальный характер, то есть функционируют в любой деятельности, независимо от предметного содержания информации и языка ее представления.

Общеобразовательная ценность предмета «иностранного языка» на неязыковых факультетах, на наш взгляд, заключается в том, что при соответствующей организации образовательного процесса студенты могут овладевать способами универсальных действий, востребованными в самых разных ситуациях и деятельности, не ограниченными только теми, которые выполняются на иностранном языке. Поэтому на занятиях сту-

денты вовлекаются в работу с информацией как на изучаемом, так и на родном языке.

В одной из основных публикаций И. Л. Бим выдвинула идею построения учебного процесса по спирали [1]. Построение учебного процесса по спирали помогает сформировать у обучаемых общие принципы осуществления деятельности, которые выявляются в процессе развития целого в мыслительных соотношениях его с прошлым и будущим. В публикации Е. В. Борзовой говорится о том, что каждый последующий виток спирали, вбирающий в себя имеющийся опыт в процессе приобретения нового опыта, ведет к развитию самоконтроля на основе появления обобщенных эталонов в долговременной памяти учащихся. При такой комплексной переработке всего ранее усвоенного (recycling) преодолеваются забывание и раздробленность, обособленность отдельных циклов уроков; обеспечиваются преемственность и связанность учебного процесса [2].

Под информацией понимаются сведения, которые человек получает из окружающего мира с помощью органов чувств (зрения, слуха, вкуса, обоняния, осязания). Знания – это информация, присвоенная и используемая субъектом. Для того чтобы информация была присвоена человеком, то есть превратилась в знания, необходимо ввести ее в долговременную память. Ввод информации в долговременную память осуществляется, в том числе, при помощи визуализации (прохождение информации через органы чувств) и мыслительной обработки данных [4; 165]. Для сохранения знаний в долговременной памяти студентам необходима рациональная стратегия повторения. Добиться оптимального результата можно лишь при наличии гибкой стратегии повторения на основе индивидуального подхода к обучающемуся.

Мы считаем, что овладение стратегией повторения позволит студентам перевести часть сведений (информации), полученных из различных источников, в разряд знаний. Использование визуальных способов организации информации также дает возможность сохранять и накапливать определенные данные в своих справочниках / электронных портфелях, а впоследствии, по мере необходимости, возвращаться к сохраненной информации, обобщая, сопоставляя и оценивая ее. Очевидно, что невозможно хранить все поступающие сведения в долговременной памяти. Вместе с тем не всегда сразу можно определить необходимость сведений в последующей деятельности. Поэтому важной составляющей информационной компетенции является владение приемами организации информации, ее хранения в специальных файлах и последующего повторения, применения в новых условиях.

В работе Е. В. Борзовой повторение при обучении иностранному языку понимается как ком-

плекс специальных методических приемов, предполагающих организованную повторяемость языковых средств, тем / подтем, лингвистических и социокультурных знаний, речевых действий и операций с ними в новых условиях [2; 19].

Сохранение в памяти и последующее использование информации осуществляется через [2]: включение в продуктивную деятельность; активное использование информации в разных условиях; отсроченное повторение информации в новых ситуациях; осуществление межпредметных связей; опору на имеющийся опыт в процессе приобретения нового опыта.

Условия формирования стратегии повторения

Осознание и накопление информации происходит через выполнение различных заданий, требующих использования графических способов организации сведений, поступающих из разнообразных источников, независимо от языка текста. Через какое-то время новые задания предполагают целенаправленное повторное применение переработанных ранее и сохранение в электронных справочниках / портфелях данных для решения новых задач.

Сохранение и целесообразное использование информации в последующей деятельности является результатом процесса овладения информационной компетенцией.

Рабочая гипотеза формулируется следующим образом: целенаправленное развитие когнитивных и информационных стратегий, стратегии переработки и повторения информации на занятиях по иностранному языку может способствовать переносу универсальных умений структурировать профессионально значимый теоретический материал, предъявляемый на иностранном языке, в деятельность, осуществляемую на русском языке.

Опытно-экспериментальная работа осуществлялась в три этапа: диагностический, формирующий и контрольный. В целях проведения исследования была выделена экспериментальная группа из 87 студентов 1-го и 2-го курсов физико-технического факультета ПетрГУ.

Для того чтобы выяснить, умеют ли студенты работать с информацией, был проведен диагно-

стический срез. Целью среза было определение уровня информационной компетентности студентов, их способности осуществлять перенос универсальных приемов организации информации с иностранного языка на родной язык и наоборот, то есть применять их при работе с информацией на любом языке. Студентам предлагалось следующее задание: структурировать текст на английском языке, то есть представить его в виде целостной структуры устойчивых закономерных взаимосвязей между элементами на основе выбранного ими принципа. Формы представления текста студенты выбирали сами, основываясь на имеющихся знаниях, умениях и навыках. После окончания работы с иноязычным текстом студенты выполняли аналогичное задание по содержанию текста на родном языке. Проведенный срез показал, что студенты практически не владеют умениями выделять существенное и главное, за исключением 5 % от общего количества испытуемых, и, как следствие, структурировать информацию, что не способствует ее осознанию и дальнейшему использованию в деятельности. Поскольку высокий уровень развития информационной компетенции является профессионально значимым требованием к современному специалисту, необходимо целенаправленно и систематически обучать студентов рациональным приемам организации информации, связанной с их профессиональной деятельностью.

Формирующий этап эксперимента осуществлялся в течение одного месяца (приблизительно 5 занятий) в рамках изучения темы «Physics». Формирование информационной и когнитивной стратегий студентов при обучении иностранному языку было организовано следующим образом. Первый этап, занимающий по времени одно или два учебных занятия, заключался в овладении формами представления информации. Студенты познакомились со способами структурирования предметного знания (логический, блочный, модульный) и схемно-знаковыми моделями, включающими такие формы, как кластер, денотатный граф, концептуальная таблица, схема «Фишбоун». На данном этапе преподаватель помогал студентам ориентироваться в разнообразии форм. Осуществлялась совместная работа преподавателя и студентов по построению структурно-логической схемы общего для всех текста на английском языке. Параллельно вводился русскоязычный текст, более сложный по своему содержанию. Цель использования такого текста – показать возможность переноса умения структурировать информацию на иностранном языке в условия выполнения деятельности на родном языке. Студенты убеждались в возможности применять аналогичные способы для организации основной информации независимо от языка, на котором предъявляются данные.

На втором этапе, занимающем два или три занятия, студенты работали в группах или парах

сменного состава с разными текстами на иностранном языке. Студенты учились самостоятельно выбирать наиболее рациональные приемы организации информации, по-разному структурировать содержание информации. В процессе парной и групповой работы с текстами, имеющими в своей основе разные структурно-логические схемы, обучающиеся обменивались схемами и, опираясь на них, давали друг другу пояснения относительно главной идеи. Это способствовало закреплению знаний о новых формах представления информации и совершенствованию универсальных умений их применения. Новые формы представления информации студенты заносили в специально созданные ими электронные справочники. Таким образом, результат работы каждого студента – свой портфель, в котором накапливались конкретные данные, связанные с будущей профессиональной деятельностью.

На основании накопленных студентами схем была проведена обобщающая проектная работа (одно учебное занятие), позволяющая систематизировать как знания приемов организации информации, так и различные сведения, полученные в ходе работы над всей темой и впоследствии востребованные при работе над обобщающим проектом.

Для завершения изучения какой-либо темы возможно применение стратегии REST (Record / Edit / Synthesize / Think) [7]. В процессе нескольких занятий обучающиеся делают записи. По окончании темы редактируют их, синтезируют информацию из разных источников в единый осмысленный материал. Данная стратегия дает студентам возможность обдумать учебный материал, который, в свою очередь, приобретает личностную значимость и сохраняется в долговременной памяти. При разработке данного этапа мы опирались на стратегию REST, но модифицировали ее.

Задание выполнялось в группах. Студентам предлагалось обобщить весь изученный фактический материал по теме «Physics», систематизировать его, выделить существенные моменты. Каждая группа была ответственна за отдельный аспект темы: «Что изучает физика?», «История физики как науки», «Современная физика», «Известные люди в истории физики». Результатом работы студентов было графическое оформление информации, в котором представлялись основные выводы по теме, и ее презентация сокурсникам. Эффект проведения обобщающей проектной работы заключается в том, что студентам представляется возможность оценить, насколько успешно они справляются с задачей графически организовать информацию, закрепить ее в долговременной памяти и впоследствии использовать в новых ситуациях.

Контрольный этап опытно-экспериментальной работы заключался в следующем. Задачей обучающихся было определить структуру иноязыч-

ного профессионально ориентированного текста и графически представить его. Аналогичная работа осуществлялась с русскоязычным текстом физико-технической тематики.

Оценка сформированности стратегии переработки и повторения профессионально значимой информации осуществлялась по следующим критериям:

- точность выделения всех смысловых вех текста (на иностранном и русском языках);
- самостоятельный выбор накопленной информации из электронного портфеля в новых ситуациях;
- адекватность выбора накопленной информации условиям новой ситуации;
- разнообразие использованных способов графической организации информации.

Данный аспект проблемы требует дальнейшего уточнения и апробации на практике.

Конечный срез показал значительное увеличение доли (порядка 75 %) студентов, способных извлекать существенное и, главное, систематизировать и организовывать информацию, сохранять ее для дальнейшего использования, а также осуществлять перенос умения структурировать информацию с иностранного языка на родной язык.

На последующих занятиях (через 2–3 месяца) проводился отсроченный срез знаний. В целях повторения происходило возвращение к изученным формам и схемам представления информации, накопленным в электронных портфелях, но одновременно осуществлялся переход на новый уровень владения за счет активного использова-

ния форм и схем в разных условиях, например, сравнение накопленной информации с той, которая предлагается в текстах новой тематики: «Computer science», «Electricity», «Microelectronics». Отсроченный срез показал, что большинство студентов (порядка 70 %) справились с задачей выбрать необходимые формы представления информации из изученных ранее и применить их в работе с новыми текстами.

Наблюдения показывают, что у студентов возникает познавательный интерес, когда задание заключается в структурном представлении информации. Мотивация обусловлена тем, что студентам технических специальностей часто приходится иметь дело с различными формами организации учебного материала на занятиях по другим предметам: таблицами, схемами, диаграммами и т. д. На занятиях по иностранному языку знания форм, приемов и способов расширяются, обогащаются, а навыки и умения применять их совершенствуются.

Итак, можно утверждать, что целенаправленное формирование информационной компетенции студентов при организации учебного процесса по спирали способствует овладению универсальными приемами организации информации. Применение стратегии повторения способствует рациональному и экономичному усвоению знаний, сохранению их в памяти и переносу навыков и умений работы с информацией в новые условия. Расширение и углубление картины мира, выявление связей системного характера способствуют совершенствованию информационной компетенции обучающихся.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бим И. Л. Методика обучения иностранным языкам как наука и проблемы школьного учебника. М.: Русский язык, 1977. 288 с.
2. Борзова Е. В. Повторение на старшей ступени обучения иностранным языкам // Иностранные языки в школе. 2003. № 1. С. 19–25.
3. Краевский В. В. Основы обучения. Дидактика и методика. М.: Изд. центр «Академия», 2007. 352 с.
4. Лаврентьев Г. В., Лаврентьева Н. Б., Неудихина Н. А. Инновационные обучающие технологии в профессиональной подготовке специалистов. Ч. 2. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2004. 182 с.
5. Осипова С. И., Орешкова С. П. Учебная деятельность в контексте формирования умений учащихся структурировать теоретический материал // Современные проблемы науки и образования: электронное научное издание (журнал). 2007. № 6 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.science-education.ru/download/2007/06/2007_06_71.pdf
6. Сметанникова Н. Н. Стратегии воспитания читателя в культуросозидающей модели образования [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rusreadorg.ru/issues/hl/s1.doc>
7. Organization strategies [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.justreadnow.com/strategies/organization.htm

**КРИТЕРИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОЦИАЛИЗАЦИИ
УЧАЩИХСЯ ШКОЛЫ-ИНТЕРНАТА**

В данной статье представлены критерии, позволяющие комплексно охарактеризовать эффективность экологического образования в формировании экологической культуры и социализации воспитанников школы-интерната.

Ключевые слова: экологическое образование, критерии, школа-интернат, подростки, социализация

Разработкой критериев эффективности экологического образования в формировании экологической культуры учащихся занимались такие ученые, как Т. А. Бабакова, А. Н. Захлебный, В. А. Ясвин и др. Отдельно выделяется группа критериев, позволяющих оценить эффективность педагогического процесса в социализации детей-сирот (И. А. Калабина). Однако критерии эффективности экологического образования в социализации воспитанников школ-интернатов не освещены в литературе комплексно. При реализации экологического образования в школе-интернате для детей с нарушениями зрения возникла необходимость оценить эффективность экологического образования в социализации подростков.

Социализация – двусторонний процесс, с одной стороны, это усвоение индивидом социального опыта путем вхождения в социальную среду, систему социальных связей; с другой стороны, процесс активного воспроизводства индивидом системы социальных связей за счет его активной деятельности, активного включения в социальную среду [1]. В процессе социализации все подростки испытывают трудности, что отмечают многие исследователи, изучающие подростковый возраст (Б. С. Волков, Д. И. Фельдштейн и др.). Анализ литературных источников (Л. И. Плаксина, А. М. Прихожан, Б. К. Тупоногов) показал, что у подростков, воспитывающихся в закрытых школах-интернатах, есть специфические особенности социализации: сложности в формировании навыков длительной, многоэтапной деятельности без непрерывного стимулирования со стороны взрослого; ограниченный набор тем для общения; несоответствие средств общения мотивам и потребностям подростка; монологичность общения; ограниченный набор положительных эмоциональных реакций; преобладание отрицательного отношения к большинству аспектов окружающего мира; сенсорный голод.

Выбор критериев, предложенных в настоящей статье, обусловлен особенностями социализации воспитанников школы-интерната и возможностями экологического образования в корректировке этих особенностей. Для объективной оценки мы предлагаем использовать 6 критериев. Оценка эф-

фективности экологического образования в социализации подростков заключается в определении уровня (низкий, средний, высокий) по каждому критерию.

Первый критерий – субъективное отношение к природе. Показателем этого критерия является уровень интенсивности субъективного отношения к природе.

Субъективное отношение – это субъективно окрашенное отражение личностью взаимосвязей своих потребностей с объектами и явлениями мира, являющееся фактором, обуславливающим поведение [1]. Главное отличие субъективного отношения к природе от объективного в том, что в первом случае природа – это «мир природы», с которым человек непосредственно взаимодействует, а во втором случае природа для человека является фоном. Одним из параметров субъективного отношения является параметр интенсивности как показатель того, в какой степени запечатлены в объектах отношения те или иные потребности личности, в каких сферах и в какой степени проявляется данное отношение. Интенсивность субъективного отношения к природе включает 4 компонента: перцептивно-аффективный (перцепция – восприятие, аффект – эмоция), когнитивный (познавательный), практический (практическая деятельность), поступочный (структура поступков).

Для измерения параметра интенсивности личностного отношения к природе и изучения его структурных особенностей может использоваться опросник «Натурафил». Авторы этой методики – С. Д. Дерябо и В. А. Ясвин [2]. Соотнеся предложенные ими характеристики результатов (крайне низкий, низкий, ниже среднего, средний, выше среднего, высокий, очень высокий) с выделенными нами тремя уровнями эффективности, получаем следующее.

Низкий уровень отношения к природе характеризуется «крайне низкой», «низкой» и «ниже среднего» интенсивностью субъективного отношения к природе; средний уровень – «средней». Учащиеся с высоким уровнем отношения к природе характеризуются «выше среднего», «высокой» и «очень высокой» интенсивностью субъективного отношения к природе.

Второй критерий – изменение эмоционального состояния учащихся в процессе проведения мероприятий по экологическому образованию. Показатель этого критерия – характер изменения эмоционального состояния воспитанников.

В ходе экологического образования при взаимодействии с живыми объектами происходит заметное изменение эмоционального состояния ребенка. Улучшение эмоционального состояния способствует нормализации межличностных отношений в коллективе, улучшению самочувствия, повышению общей активности и формированию позитивного отношения к миру. Поэтому мы считаем объективным оценивать эффективность экологического образования в социализации подростков по критерию изменения эмоционального состояния воспитанников.

Разработанная нами методика оценки изменения эмоционального состояния воспитанника заключается в следующем. Сначала необходимо определить эмоциональное состояние ученика в начале, в середине и в конце мероприятия. Характеристики состояния: 1 – подавленное, 2 – агрессивное, 3 – равнодушное, 4 – спокойное, заинтересованное, 5 – приподнятое. Вероятны 25 вариантов изменения эмоционального состояния. С помощью шкалы желательности Е. Харрингтона [5] каждому из 25 изменений состояния учащихся присваивается числовое значение от 0 до 1 в соответствии с характером изменения. Стандартные отметки на шкале желательности следующие: «очень хорошо» – в диапазоне от 1,00 до 0,80, «хорошо» – от 0,80 до 0,63, «удовлетворительно» – от 0,63 до 0,37, «плохо» – 0,37 до 0,20, «очень плохо» – от 0,20 до 0,00 (см. таблицу).

Шкала желательности для изменения эмоционального состояния в ходе мероприятия по экологическому образованию

Желательность	Изменение эмоционального состояния
1,00–0,80 («очень хорошо»)	С подавленного на спокойное, заинтересованное или приподнятое, с агрессивного на спокойное, заинтересованное или приподнятое, с равнодушного на приподнятое
0,80–0,63 («хорошо»)	С равнодушного на спокойное, заинтересованное, со спокойного, заинтересованного на приподнятое
0,63–0,37 («удовлетворительно»)	Со спокойного на спокойное, с приподнятого на спокойное, заинтересованное или приподнятое
0,37–0,20 («плохо»)	С подавленного на равнодушное, с агрессивного на равнодушное
0,20–0,00 («очень плохо»)	С подавленного на подавленное или агрессивное, с агрессивного на подавленное, агрессивное, с равнодушного на подавленное, или агрессивное, или равнодушное, со спокойного, заинтересованного на подавленное, агрессивное или равнодушное, с приподнятого на подавленное, агрессивное или равнодушное

Низкий уровень изменения эмоционального состояния характеризуется значениями от 0,00 до 0,37 по шкале желательности, средний – от 0,37 до 0,63, высокий – от 0,63 до 1,00.

Оценка эффективности экологического образования по данному критерию очень важна, так как эмоциональное состояние ребенка в школе складывается из его состояний на каждом отдельном уроке и занятии. Улучшение эмоционального состояния воспитанника способствует сохранению его здоровья и нормализации отношений со сверстниками. Эмоции являются важнейшим компонентом в целостной картине поведения человека: его деятельности, отношении к миру, окружающим людям и самому себе.

Третий критерий – развитие сферы общения учащихся. Показатели развития сферы общения: содержательность общения, эмоциональность общения, стремление ко взаимодействию с людьми. С точки зрения этих трех сторон общения уровни его развития характеризуются следующим образом.

Низкий уровень развития сферы общения характеризуется неумением общаться с людьми в разных ситуациях, общением только на бытовом уровне, нежеланием эмоционального контакта с людьми. При среднем уровне учащиеся общаются только со знакомыми людьми, имеют ограниченное число тем для общения, не стремятся расширять круг общения. Высокий уровень характеризуется свободным общением с любым человеком, эффективным обменом информацией, множеством тем для общения, желанием взаимодействовать с людьми, положительным настроением на общение.

Оценку развития сферы общения воспитанников целесообразно проводить с помощью методов наблюдения, беседы с родителями и педагогами.

Четвертый критерий – сенсорное развитие учащихся. Показателем сенсорного развития является умение владеть всеми сохранными органами чувств.

Параметры визуальной оценки сенсорного развития учащихся для каждого уровня следующие. Низкий уровень – неумение использовать сохранные органы чувств для восприятия действительности. Средний уровень – использование в основном зрения и слуха, из-за этого – повышенная нагрузка на зрение. Высокий уровень: гармоничное использование всех органов чувств и, как следствие, – прекрасно развитое умение ориентироваться в пространстве.

Диагностика уровня сенсорного развития воспитанника может осуществляться методами наблюдения за его практической деятельностью.

Пятый критерий – экологические знания. Определение уровня экологических знаний учащихся школы-интерната осуществлялось нами с помощью двух показателей: первый – объем знаний,

которыми владеет учащийся, относительно объема знаний, приведенного в минимуме содержания образовательной области «Экология», второй – способность учащихся применять и осмысливать имеющиеся знания.

Низкий уровень экологических знаний характеризуется следующими признаками: минимальный объем экологических знаний, ниже 1/3 от требуемых; знания поверхностные и хаотичные, наблюдается только механическое их воспроизведение [4]. Средний уровень экологических знаний проявляется в том, что учащиеся имеют не менее половины от требуемого объема экологических знаний; применяют и осмысливают эти знания под руководством учителя. Учащиеся с высоким уровнем экологических знаний владеют полным объемом экологических знаний; быстро и точно воспроизводят их; самостоятельно применяют экологические знания на практике.

Для оценки уровня экологических знаний воспитанников использовался метод анализа контрольных и олимпиадных работ.

Шестой критерий – сформированность практических умений эколого-ориентированной деятельности. Показателем этого критерия является количество практических умений эколого-ориентированной деятельности, которыми владеют учащиеся. Развитие сферы деятельности в процессе социализации предполагает освоение новых видов деятельности и ее усложнение. Экологическое образование направлено на постепенное вовлечение учащихся во все более сложные виды эколого-ориентированной деятельности. При этом естественно происходит овладение знаниями, умениями и навыками, необходимыми для выполнения деятельности, и в конечном итоге – самостоятельное ее выполнение. Работа по экологическому образованию, проведенная с воспитанниками школы-интерната, включала разнообразные виды эколого-ориентированной деятельности. Практические умения отрабатывались в основном на занятиях цветоводством, поэтому для оценки качества экологического образования в социализации подростков школы-интерната мы отобрали десять наиболее общих практических умений, необходимых для выращивания комнатных растений. Таковыми являются: умение расставлять комнатные растения в зависи-

мости от освещенности и температуры; определять потребность растения в поливе; в пересадке; в подкормке (учитывая время года, возраст, состояние растения); в очистке листьев; умение поливать комнатные растения; опрыскивать их; рыхлить почву; пересаживать комнатные растения; очищать их листья.

Низкий уровень сформированности практических умений эколого-ориентированной деятельности характеризуется владением тремя умениями. При среднем уровне учащиеся владеют 4–7 умениями экологической деятельности, при высоком – 8–10 практическими умениями из приведенного списка. Для оценки сформированности умений эколого-ориентированной деятельности использован анализ практических работ учащихся.

Была организована система экологического образования в работе учителя. После проведенной опытно-экспериментальной работы с группой подростков была оценена эффективность экологического образования в их социализации. Выявлено, что воспитанники успешно усваивают экологические знания на уровне программных требований, овладевают умениями эколого-ориентированной деятельности, в том числе исследовательской, которая в данном учебном заведении не практикуется, повышают уровень интенсивности субъективного отношения к природе. Воспитанники школы-интерната показали более высокий уровень субъективного отношения к природе, чем учащиеся, например, кадетского корпуса. В процессе проведения экологических мероприятий эмоциональное состояние подростков улучшалось в 94 % случаев.

При оценке сенсорного развития учащихся установлено, что у подростков расширились сенсорные представления о природе. В сфере общения у учащихся появилось желание взаимодействовать с природой и людьми, расширился кругозор, появились новые темы для общения, взаимопомощь при выполнении операций по уходу за комнатными растениями, расширился круг общения.

Оценка по всем представленным критериям позволяет сделать вывод о том, что экологическое образование вносит вклад в социализацию подростков, воспитывающихся в школе-интернате.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева Г. М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 1997. 376 с.
2. Дерябо С. Д., Ясвин В. А. Методики диагностики и коррекции отношения к природе. М.: ЦКФЛ РАО, 1995. 147 с.
3. Дерябо С. Д., Ясвин В. А. Экологическая педагогика и психология. Ростов н/Д.: Феникс, 1996. 408 с.
4. Игнатова В. А. Формирование экологической культуры учащихся: теория и практика. Тюмень: Изд-во ТГУ, 1998. 195 с.
5. Коросов А. В. Специальные методы биометрии. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. 364 с.

НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА ДРАННИКОВА

доктор филологических наук, профессор кафедры истории русского языка и диалектологии Института филологии и межкультурной коммуникации, Северный (Арктический) федеральный университет (г. Архангельск)
navad@atknet.ru

ЛОКАЛЬНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ В ФОЛЬКЛОРНО-РЕЧЕВОЙ ПРАКТИКЕ ЖИТЕЛЕЙ ЗИМНЕГО БЕРЕГА БЕЛОГО МОРЯ (Мезенский район Архангельской области)

В статье ставится проблема фольклорно-речевой гомогенности локальных групп (на примере одного из сел Зимнего берега Белого моря Архангельской области). Прежде всего рассматриваются особенности функционирования присловий и локально-групповых прозвищ, которые могут выступать в роли эндонимов-самоназваний и свидетельствовать о развитом локальном самосознании группы или же бытовать в роли экзонимов, наименований, данных чужими. Особенности фольклорно-речевой практики группы выступают маркерами межгрупповых отношений.

Ключевые слова: локальная идентификация, фольклорно-речевая практика, местные сообщества, Зимний берег, Белое море

Статья посвящена проблеме локальной идентичности, как она представлена в фольклорно-речевой практике жителей Зимнего берега Белого моря – села Койды, которое в административно-территориальном делении входит в состав Мезенского района Архангельской области. Для этого обратимся к особенностям функционирования локально-групповых прозвищ (далее – ЛГП) и прозвищных паремий (присловий) данного сообщества. Они могут выступать в роли эндонимов-самоназваний или же бытовать в роли экзонимов – наименований, данных чужими, то есть людьми, не входящими в данное сообщество.

В июле 2009 и 2010 годов нами были организованы экспедиции на Зимний берег Белого моря в д. Сояна, села Долгощелье и Койда [6]. В них принимали участие студенты филологического факультета Поморского государственного университета (г. Архангельск). Для сбора материала использовались полевые этнографические методы: беседа, интервью, включенное наблюдение, а также анкетирование; материал фиксировался на фотоаппарат, видеокамеру и диктофон. В задачи исследования входило: 1) выявление ЛГП и присловий, превратившихся в знаковые для местных сообществ и способствующих становлению и развитию локальной идентичности; 2) установление типовых ситуаций, «инспирирующих» прозвищные изречения; 3) определение через имеющиеся паремии локальной аксиологии и «антиаксиологии».

С целью исследования локальной идентичности сообществ мы собрали достаточно большой корпус речевых жанров и устойчивых высказываний. Родовые термины для обозначения речевых жанров, являющихся объектом изучения, – *паремии* и *изречения*. Кроме того, локально-групповые прозвища могут входить в состав произведений различных жанров, прежде всего фольклора речевых ситуаций: дразнилок, приветствий, загадок, пословиц, поговорок и пр. Они харак-

теризуются высокой степенью интертекстуальности.

Мы считаем возможным называть население одной деревни или села локальной микрогруппой, так как многие из местных сообществ представляют собой специфическую культурную группу с особым самосознанием [5; 30]. В этом же значении (объединения людей по месту их проживания) используется термин «поселенческая общность». В отношении группы деревень или сел, существующих в большом временном отрезке, употребляем словосочетание «поселенческая группа». Первым серьезным опытом специального изучения этнолокальной севернорусской группы стали монографии Т. А. Бернштам, посвященные поморам [1], [2], [3].

Локальная идентификация – отождествление социального субъекта с локальной группой или определенной территорией. Проблемами локальной идентичности жителей Кольского полуострова занимается И. А. Разумова [10], [11]. Предпринятый нами ранее анализ позволил выделить три локальные группы на территории Мезенского района Архангельской области: мезенцы (жители деревень, расположенных в нижнем течении реки Мезени); пезена (проживающие по реке Пезе – притоку Мезени); поморы – население деревень, расположенных на побережье Белого моря) [6], [5; 76].

Село Койда, обследованное во время экспедиции 2010 года, возникло на основе складничества в первой трети XVIII века. Неоднократные нападения шведов на жителей побережья Белого моря способствовали дальнейшей миграции населения в более безопасные места. Складники – крестьяне Куйской волости Двинского уезда Иван Малыгин и Семен Корельский – были допущены на постоянное жительство «для лучшего и ближайшего салного и рыбного промысла» мирским сходом крестьян Малонемножской волости [3; 33]. В Койде были сильны старообрядческие

традиции. Т. А. Бернштам писала: «По существу старообрядчество было господствующей формой православия на Русском Севере...» [3; 105]. Сейчас на территории Койденского муниципального образования проживают 670 человек, примерно 120 из них – в деревне Майде.

Локальная идентичность данной поселенческой общности связана с воспоминаниями о поморских промыслах. Термин «помор» употреблялся как название и самоназвание уже в официальных документах XVI века. Т. А. Бернштам выдвигает предположение, что «возникновение термина “помор” было связано с мурманским промыслом» [3; 74]. Данная точка зрения подтверждается тем, что как самоназвание слово «помор» закрепляется за населением, продолжающим интенсивно заниматься морским промыслом, но исчезает в тех местах, где промысел сокращается. Жители всех обследованных нами деревень называют себя поморами, а свою профессиональную деятельность связывают с морскими промыслами: *У моря надо проверять помора; Жизнь с моря, а не с поля* (П. Е. Малыгина, 1927). Местное население уважительно относится к морю, называя его «батюшко».

Жители Койды занимались не только промыслом зверя (тюленя, белухи, моржа, нерпы), но и ловом рыбы (семги, сельди, трески, последней – на Мурманском берегу) и подледным ловом наваги. Промысел зверя и лов рыбы являлись основными жизнеобеспечивающими промыслами местного населения. В Койде начинался зимний путь, целью которого была добыча взрослого тюленя. В. И. Даль приводит следующее значение слова путь: «Путь, арх. ловля, бой, срочный морской промысел. Зимний путь, бой взрослого тюленя, в февр. Путь на Кедах, ловля молодого тюленя, в марте, на уроч. Кеды. Идти в пути, на промыслы» [4; 534]. Зимний путь назывался Кедовским. В нем принимали участие поморы из Архангельского и Мезенского уездов (Койды, Ручьев), затем зимний путь переходил в вешний (весенний), начинавшийся 1/14 марта, во время которого промыслили детенышей тюленей [12]. В это время сюда съезжалось мужское население всего Мезенского уезда. Актуальными являются воспоминания о том, что во время зверобойной кампании представители разных деревень обменивались локально-групповыми прозвищами: *На зверобойке – прозвища, идут толпой – не обижались* (П. Е. Малыгина, 1927). Особенности хозяйственно-культурного комплекса не могли не сказаться на локальной идентификации жителей, что и демонстрирует народная афористика. Как и весь фольклор, афористика выполняет интегрирующую функцию: определенные тексты позволяют маркировать местные сообщества. ЛГП и присловья служат выражению и поддержанию локальной идентичности. Фольклорно-речевые клише выступают знаками межгруп-

повых отношений. Локальные группы обладают речевой гомогенностью. Корпус таких текстов специфичен для каждой поселенческой общности. Их употребление демонстрирует включенность человека в группу и является способом разграничения различных групп, «индикатором» выделения местных сообществ. Прозвищные изречения выполняют функцию размежевания микрогрупп. Они ориентированы на социализацию человека, имеют своего референта, с их помощью выделяются различные территориальные сообщества. Локальной идентичности, как она объективируется в речи, посвящен ряд исследований [7; 7]. Т. М. Николаева отметила обобщенность статуса имени в пословицах и то, что к имени в пословицах добавляется значение «квантора всеобщности “всякий”, “любой”» [9; 166–167]. В прозвищных паремиях квантор всеобщности имеет свою специфику – он распространяется только на одну локальную группу / микрогруппу. Каждая поселенческая группа имеет свои, понятные только ей, тексты. Особенно наглядна эта функция у дразнилок, включающих в себя прозвища и характеристики жителей деревень, образующих единую локальную группу. Обратимся к конкретному примеру. На Зимнем берегу Белого моря распространена дразнилка, которая охватывает четыре (иногда три) близлежащие поморские деревни, находящиеся в радиусе примерно ста километров от Койды:

*В Койду не п'ойду,
Майду не н'айду,
Нижу не вижу,
В Несь не влезть...
[Ещё как-то.]*

(В. А. Расихина, 1958)

От Койды до Майды по прямой линии – около 27 километров (по берегу моря – около 60), от Койды до Нижы – 37 километров (по берегу моря – 40), от Койды до Неси – 100 километров, от Неси до Нижы – 70. В дразнилке используется игра слов. Данная дразнилка существует в нескольких вариантах. Приведем еще один из них:

*[Есть ведь такая прибаутка:]
В Койду не з'айду,
Майду проеду,
В Ручьи не влезть...*

(З. В. Малыгина, 1931, В. Л. Тялькина, 1959)

Эти же деревни являются референтами следующего широко распространенного на Зимнем берегу присловья: *Койда, Майда и Ручьи – три портовых города. [Вот это у нас коронная тоже фраза.]* (В. А. Расихина, 1958). Эти тексты знают жители всех обследованных нами деревень. В них позиционируется удаленность, труднодоступность населенных пунктов и их местонахождение близ моря. Происхождение данных дразнилок объясняется несколькими факторами. Во-первых, в них включены названия насе-

ленных пунктов, находящихся на торгово-промышленном зимнем тракте Мезень – Архангельск, существовавшем до начала 1960-х годов. Во-вторых, это наименования селений, находящихся вблизи моря: все они расположены в устьях одноименных рек, путь к ним затруднен и возможен только во время прилива.

Присловья содержат этноцентричные представления и создают сниженный образ «соседей». Они являются средством психологического воздействия на адресата и обладают сильной экспрессией. Приведенные выше примеры демонстрируют, что существует паремиологический прозвищный дискурс. Фольклорные тексты, содержащие ЛГП, являются «сниженной» версией дуалистической народной культуры. Паремии одновременно относятся к области фольклора и языка. Как явление языка – они знаки ситуаций, как фольклорные жанры – модели. Прозвищные паремии употребляются в контексте речи, поэтому они тесно переплетаются с повествовательными жанрами фольклора. При их исследовании более предпочтителен дискурсивный анализ. Присловья произносятся в различных типовых ситуациях и имеют ритуализованный характер. Они относятся к сфере бытового этикетного поведения. В исследовании нами выделены различные иницирующие их моменты (мотивации высказывания). Это ситуации встреч представителей местных групп (совместное размещение в интернате школьников из разных деревень, проезд или появление в чужой деревне представителей других территорий, драки, ссоры, свадьбы, съезжие праздники, зверобойные кампании, совместный лов рыбы и т. д.). Жители Койды имеют устойчивую локальную идентичность. Об этом свидетельствуют формы идентификации и самоидентификации, проявляющиеся в фольклорно-речевой практике [6; 56].

Прозвищные изречения могут быть двух видов. В одних манифестируются ЛГП, в других – характеристики местных групп. В паремиологическом дискурсе реализуются типичные для всего прозвищного фольклора когнитивные стереотипы. В современном архангельском прозвищном дискурсе нами выделены четыре тематические группы. В первой ключевыми словами являются столичные градонимы: Москва, Петербург и др., с которыми сравнивается поселенческая общность (например, *Койда – Москвы уголок* (О. Г. Малыгина, 1929)); во втором – пародируется речевое поведение микрогрупп (*умоленные* – жители деревень Майды и Зимней Золотицы, прозванные так из-за того, что в речи они часто употребляют слово *умоленные*, которое является ласковым обращением к человеку); в третьем – оценке подвергается поведение местных сообществ (*Койдена – в людях гости* (П. Е. Малыгина, 1927)), его объясняют тем, что жители Койды были негостеприимными, кроме того, у них не было своего

съезжего праздника, как в других мезенских селениях; в четвертой – профессиональные занятия [5; 254–259].

<Существует ли прозвище у жителей Майды?>

– *Заворуи* (смеется. – *Собир.*). *Заворуй* – вид промысла тюленя.

Второе более известное прозвище деревни *Майда* – *хр'опень* (П. Е. Малыгина, 1927). По объяснению местных жителей, *хр'опень* – это бедные люди, занимавшиеся профессиональным нищенством. Все эти тематические группы существуют в паремиологическом дискурсе Мезенского Поморья. Прозвищные изречения имеют высокий уровень знаковости внутри самого сообщества. Они акцентируют престижные черты своего сообщества (быта, психосоматики и т. п.), подчеркивают его уникальность.

Сами о себе жители Койды говорят: *...народ угрюмоватый, тяжелый народ, с койденами держи ухо востро* (Ю. П. Матвеева, 1948, А. Д. Матвеев, 1947); *койдена не очень гостеприимные* (Г. Ф. Коптякова, 1939). Они объясняют свойства своего характера особенностями местного ландшафта (*природа у нас такая суровая*) и вызванного этим тяжелого физического труда: *боремся за выживаемость* (В. А. Расихина, 1958). Койда оторвана от других деревень. Она находится в четырех километрах от Белого моря в устье одноименной реки. Путь до соседней деревни Майды является весьма затруднительным. *Съезжих-то праздников у нас не сделаешь. Полгода распута – никуда и не вылезешь, только летом или зимой* (А. И. Малыгина, 1946, А. И. Малыгин, 1920). В селе отмечались лишь местные праздники, установленные в связи с датой освящения церковей, например *Православная Свети-н'а* – 6 февраля. На этот праздник приезжали ненцы. Первая церковь Николая Чудотворца была построена в селе в 1850 году и освящена в 1851-м [8; 19]. Жители Койды и Майды противопоставляют себя друг другу: *Вот в Майде интересно. Там причитают: каждого оплатут, каждого перекрестят: «Ой, умоленный, куда ты поехал?» Начнут причитать. Но здесь, в Койде, народ жестокий, очень даже можно сказать. А в Майде – люди душевные, нематерные. Рядом живут, а разные понятия у людей* (Ю. П. Матвеева, 1948, А. Д. Матвеев, 1947). *Ну койдяна'-то – народ плохой. Майдинский народ, хороший, приёmistый* (З. В. Малыгина, 1931, В. Л. Тялькина, 1959). *Там просто люди гостеприимнее. Они же людей не видят там, даже и разговор там другой у них, в Майде. У нас ведь тут половина майдинских. Мы раньше вот в интернате здесь жили, нас привозили из Майды, а койдяна – здесь. Вот мы всё воевали с им'ами (с ними. – Собир.), вот друг друга – заворуи... Но это всё старинное, это пришло, наверно, оттуда, из старины* (З. В. Малыгина, 1931, В. Л. Тялькина, 1959). В местном дискурсе противопоставляются та-

кие качества соседних сообществ, как гостеприимство / негостеприимство, доброта / жестокость, сквернословие / его отсутствие, искренность / недоброжелательность. Несмотря на противопоставление, существующее в фольклорно-речевой практике, для койдян Майда – «своя». Местные сообщества хорошо знают прозвища Майды, Ручьев, Долгощелья, Нижы: *Долгощелье – турки: они похожи на турков, так и говорят: «Турция»; Ручьи – непарны валенки, Нижя – молоконы* (Г. П. Титов, 1931). Молокане – русская секта, ответвление секты духоборов. Название «молокане» присвоено секте в 1765 году тамбовской консисторией. Сами сектанты называли себя «духовными христианами». В 1805 году молоканам была дарована свобода вероисповедания.

Степень знания прозвищ поселенческой общностью соответствует границам локальной группы. Жители Мезенского Поморья знают хуже прозвища деревень, расположенных по рекам Мезени и Пезе, иногда не знают их вовсе. В большей степени койдяне противопоставляют себя населению этих мезенских деревень. Об уроженце этих селений они говорят, что он *с мезенской стороны*, подразумевая тем самым, что они к этой «стороне» не относятся. Мезень жители Койды считали городом. *А у нас по Мезени мама работала <...> и мама у меня говорила: «Вышла замуж тут в Койду, – все говорила, – а место там по Мезени: ну мухи да комары, а у нас-то, место-то, говорили, что уголок Москвы»* (О. Г. Малыгина, 1929). *С верхних деревень (по реке Мезени. – Н. Д.) к богатым на судно на обработку зверя и рыбы нанимались* (Ф. Е. Малыгина, 1932). *Здесь жили культурнее, уровень жизни был выше: имели свои суда, зарабатывали на рыбе* (В. И. Малыгина, 1952). *Койда три года на одной славе проживет* (О. Г. Малыгина, 1929).

В меньшей степени койдяне противопоставляют себя жителям других поморских поселений, особенно Майды, и ощущают свою близость к ненцам. Существует табу на произнесение прозвища своей деревни.

<Назовите прозвище жителей Койды?>

– *Этого тут сказать нельзя...* (К. М. Матвеева, 1933).

<Как жителей Майды называли?>

– *Не скажу, я сам из Майды. Но это нематюгливо, это там, наверно, Майда едет или как-то еще...* (Г. П. Титов, 1931).

<А жителей Койды как называют?>

– *Ещё хуже (смеется. – Собир.)* (В. И. Малыгина, 1952).

В номинации «соседей» присутствует обобщение (метонимия): *Майда едет, Турция идет* и т. п. Прозвища произносятся шутливо, улыбаются, некоторые подчеркивают их временную отдаленность: *давно было, мне мама говорила* и др. В прозвищном дискурсе существуют формулы достоверности, или ссылки на предков: *Ой, ну,*

это надо у стариков спрашивать – это всё раньше было (Ф. Е. Малыгина, 1932).

В высказываниях о Койде ее жителями подчеркивается набожность местного населения, богобоязненность. Иногда в оценках присутствует интертекст, восходящий к рассказу архангельского писателя Б. В. Шергина «Ушаков и Яков Койденский»: *У Шергина-то есть рассказ о Койде-то... Вот он упоминал, Шергин. <...> «Хотелось бы мне умереть в благословенной Койде». Народ-то у нас был очень такой... серьезный был очень. Обряды все соблюдались, очень корни-то были сильные. Набожные люди* (К. М. Матвеева, 1933). *У нас люди были в деревне богобоязны, очень богобоязны, в Бога верили. Без Бога никуда, без Бога – не до порога. Я вспомнила: за рекой была Ольга, она старообрядка, за веру-ту была увезена, так и умерла* (К. М. Матвеева, 1933).

Некоторые местные жители считают себя потомками старообрядцев, в селе до сих пор существует старообрядческая община: *Старообрядческая вера сильнее считалась. Бежали сюда от шепети* (П. Е. Малыгина, 1927). В местном дискурсе старообрядцы называются *шепетниками*, про них говорят, что они бежали от *шепети / щепети*. Локальную идентичность жителей Койды также образуют воспоминания о ранее существовавших контактах с Норвегией. Местные жители возили в Норвегию рыбу и кожу, оттуда привозили домашнюю утварь, одежду, инструменты. К локальным особенностям фольклорно-речевого дискурса относится «память» о связях с Норвегией: *Норвежана покупали шкурки. Они очень честные. Покупали у них часы, посуду, инструменты, одежду. В Норвегу ездили за кофе, а туда возили рыбу* (П. Е. Малыгина, 1927). «Воспоминания» о новгородском происхождении и былом мореходстве также являются неотъемлемой частью локальной идентичности местного сообщества: *Люди заселились с Новгорода; На Новую землю ходили* (Ф. Е. Малыгина, 1932).

Жители Койды имеют устойчивую локальную идентичность. Об этом свидетельствуют формы идентификации и самоидентификации, проявляющиеся в фольклорно-речевой практике [6; 56]. Наряду с локальной идентичностью у них присутствует этническая идентичность. Местное население противопоставляет себя не только другим русским территориальным сообществам, но и ненцам, проживающим на территории современной Койды и в тундре. Ненцев (особенно мезенских) дразнили *лопатами (из-за их плоского лица)*. По мнению русских, прозвище носит насмешливо-унизительный характер, несмотря на это ненцы признают его по отношению к себе. Вероятно, прозвище было образовано от слова «лопарт», которым называли соседей ненцев – саамов. Еще одно прозвище ненцев – *сыроеды*.

<Здесь с ненцами тесные связи были?>

– Так она и щас. Она сейчас ещё просто более тесная стала. Щас-то всё перемешалось.

<А как относились к ненцам?>

– Как-то неплохо, если они там... если они приедут, чаю нальют, накормят.

<А не говорили, что ненцев боялись из-за того, что они много знают?>

– Ну, там не все, не про всех, говорили, но вот тот же Сазон Гаврилович был в своё время, покончил жизнь, про него говорили, что знал. (Ю. П. Матвеева, 1948, А. Д. Матвеев, 1947). (Сазон Гаврилович Баракулев – ненец, проживавший в Койде в 1930–60-е годы, которого местные жители считали колдуном.)

В последние два десятилетия начала происходить активная ассимиляция русских и ненцев: *Сейчас все русаками сделалось. Мы среди русских запутались* (К. В. Вылко, 1934). Ненцы говорят: *Койдена – свои, наши. Они сестры и братья нам* (М. В. Вылко, 1925). Оленеводство являлось одной из хозяйственных практик поморов Зимнего берега Белого моря. Связь ненцев с русскими была настолько сильной, что встречаются воспоминания о том, как ребенка (младшего брата нашей исполнительницы) крестили ненцы (З. Г. Матвеева, 1950).

Идентификация и идентичность социальная – процесс и результат самоотождествления индивида с каким-либо человеком, группой, образцом. Идентификация – один из механизмов социализации личности, посредством которого усваиваются определенные нормы поведения, ценности и т. п. определенных социальных групп или индивидов. Исследование показало, что деление местных жителей на русских и ненцев – лишь один из слоев идентичности. На локальном уровне жители Койды по-прежнему осознают себя общиной с сохраняющимися особенностями расселения, быта, говора, социальных ценностей, брачно-родственных ориентаций. Местное население имеет свой образ территории и иденти-

фицирует себя с Койдой. Существует три уровня противопоставления жителями Койды себя «чужим». Первый уровень составляет противопоставление населению деревень, расположенных по реке Мезени (оно является самым актуальным), второй – жителям близлежащих поморских деревень, третий – ненцам. Последние во многом «свои». Все жители обследованных деревень считают себя поморами.

Прозвищные изречения обладают: 1) интегративной функцией, 2) функцией размежевания микрогрупп (особенно сильно эта функция выражена у дразнилок), 3) фатической (функцией восприятия) – паремии адресуются собеседнику и др. Одной из их основных функций является конативная (регулятивная). В исследуемых изречениях главное внимание уделяется не информации, а иллокутивному воздействию на адресата. В речи адресант передает не только некий объем информации для достижения своих невербальных целей, но и своим способом передачи информации, выбором тех или иных лексических единиц манифестирует дополнительные сведения. Эти сведения отражают иерархическую систему в поселенческой группе, качество исполнения социальных ролей, взаимоотношения: доброжелательность, уважительность, враждебность, то есть все то, что имеет отношение к установленным в обществе социальным нормам и процедурам их исполнения / неисполнения. В исследовании нами выделены различные иницирующие их моменты (мотивации высказывания). После распада СССР с 1990-х годов на уровне районов и отдельных населенных пунктов локальная идентичность заметно активировалась. В условиях глобализации увеличивается интерес к локальным явлениям.

Статья написана при поддержке гранта РГНФ № 11-14-29009 а/С «Фольклор Архангельского Поморья как этнокультурный феномен».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бернштам Т. А. Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX века. Л.: Наука, 1983. 232 с.
2. Бернштам Т. А. Поморы: Формирование группы и системы хозяйства. Л.: Наука, 1978. 176 с.
3. Бернштам Т. А. Народная культура Поморья. М.: ОГИ, 2009. 432 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Рипол классик, 2002. Т. 3.
5. Дранникова Н. В. Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера. Функциональность. Жанровая система. Этнопоэтика. Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 2004. 432 с.
6. Дранникова Н. В. Этнокультурная традиция мезенской деревни Сояны (по материалам экспедиции Поморского государственного университета в 2009 г.) // Живая старина. 2010. № 4. С. 54–57.
7. Левин Ю. И. Провербальное пространство // Паремнологические исследования: Сб. ст. М.: Наука, 1984. С. 108–126.
8. Мезенский хронограф. Летопись края / Авторы-сост. В. И. Дранников, Н. В. Тихонова. Мезень, 2008.
9. Николаева Т. М. Загадка и пословица: социальные функции и грамматика // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст. М.: Индрик, 1994. Т. 1. С. 143–177.
10. Разумова И. А. Репрезентация Севера в устных и письменных текстах современной городской культуры Заполярья // XVII Ломоносовские международные чтения. Вып. 2. Поморские чтения по семиотике культуры: Сб. науч. докладов и статей / Отв. ред. Н. М. Теребихин. Архангельск, 2006. С. 25–32.
11. Разумова И. А. Миграционный опыт и формирование локальной идентичности жителей Кольского Севера // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям / Отв. ред. А. П. Деревянко, А. Б. Куделин, В. А. Тишков. М.: РОССПЭН, 2010. С. 290–298.
12. Филин П. А. Традиции морского рыболовства поморов Терского берега Белого моря в XV–XX вв.: Автореф. ... дис. канд. ист. наук. М., 2002.

АННА ГЕННАДЬЕВНА МАСЛОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета, Вятский государственный гуманитарный университет (г. Киров)
ag.maslova@mail.ru

ВОСПРИЯТИЕ ЗЕМНОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ В ПОЭЗИИ Г. Р. ДЕРЖАВИНА

Одной из центральных проблем поэзии Державина является проблема преодоления трагического восприятия земной человеческой жизни как цепи страданий, ведущих к смерти. Поэт утверждает необходимость следования принципам добродетели, служения правде, смирения перед Богом, что закономерно должно привести к душевному спокойствию и внутренней гармонии.

Ключевые слова: поэзия Державина, философская лирика, художественное восприятие жизни человека

Г. Р. Державин входит в поэзию в период, когда господствовала на протяжении XVIII века классическая картина мира, начинающая претерпевать существенные изменения. На смену классической пространственно-временной модели, для которой характерно представление о времени как линейном и однородном и «вера в возможность планомерной деятельности и предсказуемость всех событий» [13; 13], приходит новое романтическое мировоззрение, для которого категории дисгармонии и хаоса становятся определяющими, а классический постулат о всегда разумном и закономерном течении времени и человеческой жизни подвергается сомнению [12; 43–96]. Индивидуальная картина мира Державина формируется на стыке двух мировоззренческих систем: классической и зарождающейся романтической. Она характеризуется переходностью, что определяет ее уникальность и противоречивость.

В поэтическом мире Державина огромное место занимают эсхатологические мотивы, представляющие воображению читателя зримые образы смерти, разящей все на своем пути: «Как молнией, косою блещет / И дни мои, как злак, сечет»; «На то, чтоб умереть, родимся, / Без жалости все смерть разит» [3; т. 1, 90–91] (На смерть князя Мещерского, 1779); «Река времен в своем стремленье уносит все дела людей... <...> А если что / И остается чрез звуки лиры и трубы, – / То вечности жерлом пожрется и общей не уйдет судьбы» [3; т. 3, 235–236] (Последнее стихотворение, 1816).

Осознание скоротечности и необратимости времени, неостановимого движения человеческой жизни от рождения к смерти, неминуемого забвения всех людских дел, по существу, должно предопределять трагический характер мироощущения Державина, что и отмечали многие исследователи. В. Г. Белинский подчеркивал, что одной из сторон поэзии Державина явился трагический ужас при мысли о смерти [1; 43]. «Трагедия личного человека впервые с такой остротой вырисовывается в русской литературе», – писал Р. В. Иванов-Разумник [5; VI]. Д. Д. Благой подчеркивал,

что, при всей важности религиозного содержания поэзии Г. Р. Державина, в его творчестве звучат «мотивы скептического отношения к обещаниям религии» (с чем, пожалуй, при глубоком знакомстве с религиозными текстами Державина, сложно согласиться), а «оптимистический характер непосредственного восприятия мира» сочетается с «глубоко пессимистической мыслью о нем» [2; 55]. С. Н. Кондрашов находил, что мысль о слабости, бессилии человека перед лицом судьбы, перед губительной иррациональностью «устройства» собственной натуры приводила Державина в конечном итоге к глубокому скепсису [6; 8].

Однако все эти выводы о трагичности мироощущения поэта – лишь одна сторона, которая не отражает всей полноты державинского мироощущения. К совершенно другим выводам приходит в своей работе С. Ельницкая, отмечая, что наиболее яркими метафорами человеческой жизни в его художественном мире становятся метафоры пира и цветущего сада: Державин не живет мыслями о смерти, он «весь в жизни, и все в его мире наполнено мощной жизненной энергией, переполнено динамикой жизни» [4; 35].

Столь разноречивые высказывания исследователей убеждают в необходимости обратиться к подробному анализу поэзии Державина и определить наиболее существенные стороны мироощущения поэта, связанные с восприятием земного человеческого бытия. Объектом анализа являются как широко известные стихотворения Державина, так и произведения, не часто становящиеся предметом исследовательских интерпретаций, что позволяет избежать одностороннего подхода и показать, что скептическое отношение к миру, пессимистические настроения всегда преодолеваются поэтом, который в большинстве случаев приходит к полному принятию мира и утверждению величия и благодати Бога. Во многом философские блуждания поэта в лабиринте сомнений, поиски выхода из самого непреодолимого тупика человеческого разума, утверждение красоты и благодати бытия соотносимы с идеями

немецкого мыслителя Г. В. Лейбница. В академическом издании сочинений Державина, предпринятом Я. К. Гротом, имени немецкого философа нигде не упоминается. Можно сделать вывод, что в державинских бумагах, заметках и письмах также нет никаких указаний на его непосредственное знакомство с трудами Г. В. Лейбница. Однако нельзя однозначно утверждать, что Державин, увлекавшийся немецкой поэзией и культурой и читавший немецкие тексты в оригинале, не был знаком с идеями немецкого мыслителя. В то же время можно говорить и о типологическом сходстве мировоззренческих систем представителей русской и немецкой культуры.

В поэзии Державина человеческая жизнь нередко соотносится с образами водной стихии, что является традиционной мифопоэтической аллегорией. Образ человека, плывущего по морю жизни, возникает в стихотворении «К первому соседу» (1780). Бурное море, ежеминутно грозящее пловцу смертью, противопоставляется картине мирной и полной наслаждений жизни соседа, безмятежно мечтающего о вечном благополучии и блаженстве. Он не думает о том, что «редкому пловцу случится / Безбедно плавать средь морей», где «бурны дышат непогоды, / Горам подобно гонят воды / И с пеною песок мутят...» [3; т. 1, 105]. Доля смертного человека – неизбежность старости, которой уже недоступна любовь красавиц, и непостоянство фортуны. Напоминания о старости, о грозящих несчастьях закономерно должны вести к мысли о бессилии человека перед судьбой и, следовательно, к мрачным пессимистическим выводам об обреченности на страдания и смерть. Как замечает Н. И. Николаев, «тут был бы совершенно оправдан вывод о бессмысленности поисков счастья и веселья в мире, призыв отвернуться от бранных, суетных утех» [10; 135]. Однако итог размышлений поэта иной. Так же, как и в оде «На смерть князя Мещерского», завершающейся призывом использовать каждый миг земной жизни как дар небес, в стихотворении «К первому соседу» поэт обращается к адресату с таким же оптимистическим предложением: «Пей, ешь и веселись, сосед! / На свете жить нам время срочно; / Веселье то лишь непорочно, Раскаянья за коим нет» [3; т. 1, 106].

Философскими размышлениями о жизни человека проникнуты многие произведения Державина. Как правило, выделяется два типа восприятия земной человеческой жизни. С одной стороны, суета, изменчивость, непредсказуемость, страх смерти, с другой – осмысленность, умеренность, спокойное ожидание смерти, воспринимаемой лишь как переход в бессмертие. В поэзии Державина представлены оба мировосприятия.

Жизнь как бессмысленное движение от рождения к смерти ассоциируется с образом водопада, падающего стремглав в бездну вечности. Ярким образом земного бытия является образ

масленичных гуляний – карнавального мира перевернутых ценностей. Так представлен современный мир в стихотворении «На счастье» (1789) – мир, в котором властвует случай, раздающий блага и отбирающий их без всякой «ведомой» причины.

Непредсказуемость и изменчивость – яркие характеристики карнавального мира, предугадать игру случая невозможно. Предопределять, кому улыбнется незаслуженное счастье и на кого упадет цепь несчастий, – бессмысленное занятие. В таком мире человек затерян, его положение, как справедливо замечает Т. Д. Красюк, «равнозначно положению песчинки в мире, где истинной свободой и властью наделены не отдельные человеческие личности, но господствуют надличностные силы» [7; 37].

В еще большей степени зависимость человека и земной жизни от прихотей высших сил показана в стихотворении «Фонарь» (1804), написанном Державиным в связи с внезапной отставкой. По мысли А. А. Левицкого, Державин в этом произведении не просто выразил горечь по поводу неожиданной отставки и поставил вопрос о непостоянстве – суете мира, но и отразил мысль об отсутствии справедливости в мироздании [8; 138]. Действительно, мелькающие в оптическом приборе картины призваны показать, что на земле человеку нередко грозят смерть и страдания, что управляет этой жизнью «царь, иль маг какой, волхв непостижный», забавляясь и веселясь при виде происходящих по его воле ужасных событий, разрушающих красоту и гармонию мира. Однако вопреки ожидаемым выводам об отсутствии справедливости в мироздании, что увидел в стихотворении А. А. Левицкий, поэт приходит к заключению, что окружающий мир прекрасен. Он призывает «зодчему тому дивиться, / Кто создал столь прекрасный мир» [3; т. 2, 471] и не стремиться за блеском обманчивой мечты, тем более что сам земной мир – своеобразная реализация мечты Творца: «сей мир – мечты; их Бог Творец» [3; т. 2, 471]. Что на самом деле хотел показать этим стихотворением поэт: передать «пафос трагедии поэта», сомневающегося «в возможности гармонии воли Бога и устремлений человека, поскольку человек, в конце концов, воистину является рабом любых прихотей Бога» [8; 138], или выразить мысль о необходимости смирения человека перед Богом? Второе утверждение подтверждается комментарием Державина, где он подчеркивает, что поводом к сочинению «Фонаря» было «оптическое зрелище и смена автора с поста министра юстиции», а «для того, чтоб равнодушно это переносить и положиться во всем на волю Вышняго, написал он в собственное утешение сию пьесу, в которой смеялся над суетой мира» [3; т. 9, 258]. В целом, согласно объяснениям самого поэта, все стихотворение следует воспринимать как сатириче-

ское изображение «суеты» мира, под которой Державин понимает необоснованные и дерзновенные мечты человека вечно пребывать в состоянии счастливого блаженства, но в земном мире нет ничего вечного, все подвержено изменениям. В поэзии Державина можно найти немало цитат, иллюстрирующих эту мысль, например: «Подите счастья, прочь возможны, / Вы все пренменны здесь и ложны...» [3; т. 1, 94] (На смерть князя Мещерского, 1779); «Сей свет – училище терпеть» [3; т. 1, 360] (На взятие Измаила, 1790). И в то же время подчеркивается, что окружающий человека мир прекрасен, и красота эта дана Богом, который вовсе не является равнодушным свидетелем людских бед, а приходит на помощь страждущему. Эта позиция проявляется, например, в знаменитом послании «Евгению. Жизнь Званская», где автор выражает свое отношение к идее суетности и тщетности всего преходящего следующим образом: «Все суета сует! – я, вздыхая, мню; / Но, бросив взор на блеск светила полудневна, – / О, коль прекрасен мир! Что ж дух мой бременю? / Творцом содержится все-ленна...» [3; т. 2, 637].

Отношение русского поэта к проблеме восприятия трагической стороны земной жизни во многом соотносимо с основными постулатами «Теодицеи» Г. В. Лейбница. Немецкий ученый подчеркивает, что есть «два знаменитых лабиринта, в которых очень часто блуждает наш разум», и один из них, наиболее существенный для повседневной жизни человека и запутывающий весь человеческий род, «связан с великим вопросом о свободе и необходимости, преимущественно же о происхождении и начале зла» [9; 53]. Делая предметом своих размышлений вопрос о человеческой беде и Божьей справедливости, Г. В. Лейбниц утверждает, что только несовершенство человеческого разума не позволяет человеку понять, что живет он в самом лучшем из миров, потому что мир этот находится «под управлением благого Господа» [9; 55]. Отвергая одно за другим метафизические построения теологов и философов, вносящих сомнение в мысль о благодати Творца, Лейбниц оправдывает Бога, допускающего зло в мире из принципа целесообразности, подчеркивая, что Бог сам никогда не совершает зла, основание божественной воли можно найти только во благе, и «благодаря бесконечной мудрости Всемогущего в соединении с его неизмеримой благодатью не могло быть создано ничего лучшего (если принять во внимание все), чем то, что было создано Богом», следовательно, «надлежит любить Бога больше всего и всецело на него полагаться» [9; 475–476].

Как можно убедиться, размышления Державина об изменчивой и непредсказуемой жизни, в которой перемешаны добро и зло, – лишь одна сторона философского мироощущения поэта. Найти свое место в этом полном обманчивых

надежд земном мире и обрести гармонию со своим внутренним «я» – к этому стремится поэт и к этому он призывает своих друзей и читателей. Именно эта позиция, по нашему мнению, ближе его мировосприятию, а не трагическое ощущение роковой обреченности человека, соотносимого с ничтожной песчинкой.

Величие человека, осознавшего свою зависимость от Бога Отца и принимающего эту зависимость как благо, ведущее к соединению с Богом и бессмертию, утверждается в оде Державина «Бог». Человек, ощущающий Бога внутри своей души, не ничтожен, он – частица целой вселенной, необходимое звено в «цепи существ», «связь миров повсюду сущих» [3; т. 1, 201]. Подобное высокое предназначение предопределяет основную цель земной человеческой жизни – возвышаться к Богу: «Но если славословить должно, / То слабым смертным невозможно / Тебя ничем иным почтить, / Как им к Тебе лишь возвышаться, / В безмерной разности теряться / И благодарны слезы лить» [3; т. 1, 203].

Открытие в себе божественного начала не позволяет человеку разрушать данное ему изначально единение с Богом, определяет необходимость идти путем добра и правды, заботиться о сохранении «внутреннего человека», то есть душевного покоя, незапятнанной совести, гармонии с внешним и внутренним миром. Следует отметить, что на протяжении жизни Державина взгляды поэта на средства и пути обретения своего места в мире подвергались изменениям, но нравственные ценности, на которые ориентировался поэт изначально, оставались неизменными.

Переломным периодом в мироощущении Державина принято считать середину 1790-х годов, когда поэт отказывается от «громкой» лиры и переходит к изображению частной жизни и красоты в разнообразных ее проявлениях. В 1770–80-е годы Державин был сторонником идеи общественного служения, идеалом для него являлись вельможи и полководцы, заботящиеся о зависимых от их воли людях, отстаивающие принципы добра и справедливости. В то же время поэт не считал, что облеченные властью государственные деятели должны отказывать себе в простых человеческих удовольствиях. Создавая образы идеальных вельмож и героев («Решемыслу», «Вельможа», «Памятник герою», «Водопад», «К Скопихину» и др.), Державин на первый план выдвигает такие качества, как стремление к общей пользе, свершение добрых дел, любовь к правде, великодушие и умеренность в наслаждениях.

Однако, как отмечает С. А. Салова, уже в начале 1790-х годов Державин, потерпевший ряд неудач, пытаясь реализовать принятую им модель поведения ревностного государственного чиновника, строго придерживающегося Закона и борющегося за правду и справедливость, начинает разочаровываться в возможности высо-

кого гражданского служения [11; 105]. Уже в стихотворении 1789 года «Философы, пьяный и трезвый», написанном в период бездейственного пребывания Державина в Петербурге в ожидании решения суда после отставки с должности тамбовского губернатора, показаны две модели поведения. Сам Державин в тот период был сторонником трезвого философа, считающего необходимым стремиться к заслуженным честным трудом на благо Отечества и царя «богатству, славе и чинам». Другой философ считает погоню за богатством, славой и чинами «пустым» занятием, причем эта позиция пьяного не является голословным утверждением, она проверена практикой. Этот философ избирает для себя другую модель поведения, позволяющую сохранить в чистоте свою совесть, жить «здорово и покойно». Он призывает «с друзьями время проводить, / Красот любить, любимым быть / И с ними сладко есть и пить» [3; т. 1, 261]. Показательно, что именно эта модель поведения впоследствии станет приемлемой для самого Державина, точно так же разочаровавшегося в возможности сохранить чистоту души и внутреннюю независимость, оставаясь на придворной службе.

«Жить с нашей совестью в покое» [3; т. 1, 621] – таково основное правило поэта, приверженцем которого он был на протяжении всей своей жизни. Человек, не запятнавший своей совести, спокойно ожидает старости и смерти, для него скоротечность земного бытия не является поводом для душевных страданий. Мысль эта неоднократно повторяется в произведениях Державина. В стихотворении «Четыре возраста» (1805) поэт утверждает, что человек, прошедший свою жизнь в ладу со своей совестью, «на запад свой ясный...

весело зрит» [3; т. 2, 558]. Мудрый человек, умеющий смирять страсти, «смерть, как гостью, ожидает, крутя задумавшись усы» [3; т. 3, 90].

Таким образом, в мироощущении Державина присутствует осознание трагических сторон земного человеческого бытия, которым человек далеко не всегда может противостоять. Однако сомнения в благости Творца всегда преодолеваются, и осознание непредсказуемости поворотов судьбы не приводит поэта к утверждению бессмысленности человеческой жизни и к пессимистическим выводам о суете всего земного существования. Во многом восприятие жизни человека у Державина соответствует философии Г. В. Лейбница, принимавшего необходимость зла в мире и считавшего неизбежным отсутствие в земном бытии человека абсолютного счастья, так как человек изначально свободен в своем выборе между добром и злом. Цель человеческой жизни, по Державину, – возвышение к Богу, служение идеалам добра и правды, сохранение божественного начала в себе и внутренней гармонии со своей совестью. Такая позиция не приводит поэта к аскетизму, он признает право человека на разумное наслаждение теми удовольствиями жизни, которые даны Богом, главное, чтобы эти удовольствия не были приобретены за счет страданий других людей. Показательно в этом смысле знаменитое житейское правило, сформулированное Державиным в стихотворении «На рождение царицы Гремиславы» (1796): «Живи и жить давай другим, / Но только не за счет другого» [3; т. 1, 729]. Следование принципам добродетели, спокойная совесть, смирение перед невзгодами закономерно должны привести человека к душевному спокойствию и внутренней гармонии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белинский В. Г. Сочинения Державина // Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. Т. 6. М.: Худож. лит., 1981. С. 7–73.
- Благой Д. Д. Гаврила Романович Державин // Державин Г. Р. Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1957. С. 5–74.
- Державин Г. Р. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. К. Грота: В 9 т. СПб.: Изд-е Академии наук, 1864–1883.
- Ельницкая С. Державинские пиры и русская поэзия // Норвичские симпозиумы по русской литературе и культуре. Т. 4. Гаврила Романович Державин. 1743–1816. Нортфилд, 1995. С. 29–152.
- Иванов-Разумник Р. В. Вступительная статья // Г. Р. Державин. Стихотворения. СПб., 1911. С. V–XXXII.
- Кондрашов С. Н. Одическая лирика Г. Р. Державина 1779–1794 годов (Концепция личности, жанр, ритмическая организация): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1989. 15 с.
- Красюк Т. Д. Преобразование торжественной оды в творчестве Г. Р. Державина («На смерть князя Мещерского» и «На счастье») // Развитие жанров русской лирики конца XVIII–XIX веков: Межвуз. сб. науч. тр. Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1990. С. 25–41.
- Левицкий А. А. Динамика образов в поэзии Державина // Державин и культура казанского края: Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 265-летию со дня рождения Г. Р. Державина (г. Лаишево, 26–28 июня 2008 г.). Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. С. 138–145.
- Лейбниц Г. В. Сочинения: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1989. 554 с.
- Николаев Н. И. Внутренний мир человека в русском литературном сознании XVIII века. Архангельск: Изд-во Поморского гос. ун-та, 1997. 148 с.
- Салова С. А. Анакреонтические мифы Г. Р. Державина. Уфа: РИО БашГУ, 2005. 126 с.
- Федоров Ф. П. Романтический художественный мир: пространство и время. Рига: Зинатне, 1988. 454 с.
- Шутая Н. К. Типология художественного времени и пространства в русском романе XVIII–XIX вв.: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2007. 35 с.

ВАЛЕРИЙ НИКОЛАЕВИЧ СУЗИ

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы и журналистики филологического факультета, Петрозаводский государственный университет
vnsuzi@yandex.ru

ДОСТОЕВСКИЙ И ПРЕП. МАКСИМ ИСПОВЕДНИК

В статье рассматриваются святоотеческие истоки религиозного мировоззрения и творчества Ф. М. Достоевского. Ближе всех Достоевскому по своему мировосприятию и взглядам был религиозный мыслитель и подвижник Максим Исповедник, живший в Византии в VII веке.

Ключевые слова: Святые Отцы, экзистенциализм, вероучение, апокатастасис, христианская антропология, христоцентризм

Достоевистика знает попытки связать религиозные взгляды писателя со святостью Рима, с «мутными ликами» [2; 348–354]. Имеются и обратные суждения – об истоках русской святости в ее героях-праведниках [5], [6]. Для того и другого есть равные основания; но необходимо уточнить суть и форму влияния духовных имен, их роль в произведениях писателя.

Сегодня вновь предпринимаются попытки свети взгляды писателя к идеям «третьего» Завета [1], [4], *апокатастасиса* (с отсылкой к свт. Григорию Нисскому [9], с цитированием Бесед старца Зосимы [3; 284–294]). Любая мода вызвана некритическим восприятием, дезориентирует в отношении вполне очевидных вещей. Вероятно, пора конкретизировать тему, но не в смысле выявления параллельных мест у Святых Отцов и романиста (что, конечно, невозможно и нелепо), а в плане его мировоззренческо-типологических связей с конкретными лицами в патристике. Это необходимо и для того, чтобы пресечь беспочвенные спекуляции на поэтике и взглядах автора.

Идейно и по типу личности Достоевскому наиболее близок преп. Максим Исповедник, которого можно назвать первым христианским экзистенциалистом. Это касается прежде всего их *эсхатологии, антропологии и психологии*.

Самый крепкий узел, их связующий, это тема *апокатастасиса*. В восприятии темы воздаяния, возмездия, иномирной участи человека их близость наиболее разительна. Это единый комплекс тем, идей, образов; главный пункт его – учение о человеке. Взгляды же писателя чаще всего отождествляют с позицией *отца отцов* свт. Григория Нисского, яркого церковного публициста, предшественника Максима Исповедника и ученика Оригена. Как же произошло, что Григорий Нисский затмил в восприятии многих истинно глубокого и оригинального преп. Максима? При чем настолько, что Святителем порой спекулятивно прикрывают сомнительные позиции и возникающие недоумения и споры.

Свт. Григорий, с одной стороны, – фигура ключевая, с другой – переходная, промежуточная. Младший брат Василия Великого, прекрас-

но образованный, начитанный в древней философии, общий любимец и самый талантливый ученик анафематствованного Оригена, он порой высказывал взгляды на грани ереси. Но обладая тонким чутьем и вкусом, в ересь, подобно учителю, никогда не впадал и осуждению не подвергался. В его позиции порой находят рудименты оригенизма, но он всегда остается в пределах церковной догматики, а несовпадение с общей позицией предстает как теологумен, частное богословское мнение, допустимое, не нарушающее соборных Постановлений. Порой оно оказывается вполне продуктивно, так как открывает перспективу развития церковной мысли.

Но начать все же следует с Оригена. Поскольку во взглядах на историю у ряда Святых Отцов сохранялись рецидивы античного циклизма, то у Оригена возникло представление о конце истории, подобном ее началу, то есть о возвращении всех существ в первоизданное состояние до падения человека. Апокатастасис он понимал как восстановление мира в первичном виде. Такому взгляду способствовало и учение Платона о предсуществовании душ, восходящее к буддизму. Это эманационное учение об истечении, рождении, выделении чистых субстанций из единой и цельной Первоосновы неизбежно вело к мысли о реинкарнации, последовательном повторении во множестве телесных оболочек. Реинтеграция влечет за собой одну из своих форм – реинкарнацию. Другой ее формой предстает апокатастасис, и непременно всеобщий. С меньшим христианский гностик согласиться не мог.

Истоки общего спасения мира могли быть различны – космическое покаяние, в том числе и Сатаны (Ориген), или насилие Божией любовью личной воли (Предопределение римо-католиков), но результат един – возврат к истоку, всеобщая гармония. Воздаяние в этих условиях обретает условно-педагогический, временный характер устрашения, аллегоризма, что присуще александрийско-эллинической школе. Григорий Нисский, наиболее последовательный оригенист, отверг предсуществование душ, заявив, что человек создан одновременно и целостно из абсолютного ни-

что, а не поэтапно и по частям – прибавлением к предвечной субстанции земного праха. Более того, ему как православному епископу Зло представлялось производным, итогом отпадения мира от Блага, повреждением, а не автономной субстанцией. И поскольку оно попущено в мир произволением Творца, экзистентно, а не онтично, то и обречено на окончательное поражение. Оно подлежит уничтожению возвратом в первоначальное состояние Ничто или преображению, а носители его – возврату к цельности. Так восстановление, по мысли Святителя, оказывается неизбежным.

Анафематствование Юстинианом Оригена не затронуло его тезиса о восстановлении мира в до-телесном состоянии. Это открывало путь дальнейшим спекуляциям на оригенизме.

Апокатастасис наиболее тесно связан с антропологией, несводимой к эсхатологии, а скорее придающей ей и сотериологии тонус напряжения. С антропологии, то есть соотношения категорий *образа и подобия*, и следует начинать разговор. Ближе всего к Писанию их различие определил преп. Максим Исповедник. Для него (в отличие от Григория Нисского) образ есть данность и первозданность лица, личности; подобие – потенция, актуализируемая, востребованная по падении. Образ статичен как цель и образец, но может быть искажен, поврежден; подобие – состояние динамическое, способность к изменению. *Образ и подобие* – неотъемлемый дар, стержень личности. Образ есть печать, характер лица, сквозь которое проступает Лик. В подобии доминирует воля человека, в нем выявляются двойственные истоки личности, двоеение воли. Здесь необходимо уточнить: Адам не создан смертным, он призван наследовать землю; через дар свободы в нем явлены две потенции – к бессмертию и к тлену. У Григория Нисского необходимость в Пасхе Христовой вызвана грехопадением. Выходит, Пасха и последующий Страшный суд – историческое «излишествое», внесенные в Промысел происками Денницы.

У свт. Григория в силу превалирования данности над потенцией экзистенция парадоксально доминирует над онтичностью; горизонт потенций замкнут. Отсюда примат долженствования перед свободой, его духовный «позитивизм»; не решение, а разрубание узлов Божией волей как орудием. Григорий исходит из бессмертия человека как актуальной ему данности; зло в его системе предельно близко Благу, почти равно ему, едва ли не онтично. Оно устранимо лишь Произволением Божиим – тем, что Августин называет Предопределением (ягвистски личностным коррелятом Рока). На деле, по мнению большинства Отцов, начиная с Афанасия Великого, Боговоплощение входило в Замысел вне прямой связи с падением твари; *цель Его – не апокатастасис, а теозис*.

Афанасий Великий утверждал, что грехопадение и искупление лишь окрасили Боговоплощение в тона Драмы. Христоцентризм, определяющая категория и начало Благой вести, начинается с предвечного Троичного Совета о Теофании как средстве обожения человека, главной цели творения (задающей христианский телеологизм, «антропоцентризм», даже антропокосмизм, Промысел о мире и человеке).

Максим Исповедник, отчетливо разделяя *образ и подобие*, перенес акцент с актуальности, с данности на за-данность, на потенции, открывал перспективу развития, раскрытия потенций, давал образ человека и мира в динамике, в кризисном становлении. Истоком его озарений о двух волях в человеке была полемика с монофелитами о природе и воле Богочеловека. Он полагал не только две природы, но и две воли в Христе, выстраивая их в иерархическом соотношении, проецируя их на личность человека, сына Божия в потенции, по призванию, благодати. В христологии был осуществлен прорыв в христианскую (а не просто библейскую) антропологию. Исповедник в личности различает «природную» (первозданную, то есть над-природную) волю и волю ущербную, гномическую (своеволие). Этого раздвоения нет в Христе, прообразе человека, Сыне Божиим по природе (сущности) и человеческом, с принятыми Им признаками тления, боли, слабости, без чего невозможно Искушение. Христом две природы и две воли (Божия и личная) приведены в единство, в соответствие с Божиим (Своим же) Промыслом. Без кровавого пота молитвы в Гефсимании выбор креста был бы порывом чувств, мечты. Отказ от креста обрек бы Его на муки души, неисполнения долга. Гномическая же воля проблемна, осуществляется в процессе реализации наличного выбора. Она может быть приведена в соответствие с «природной» волей, Божиим призванием, или противостоять им. Такая ее структура по общему воскресению (актуализации нерушимой связи с Творцом, пребывания в Нем) в конце времен ведет к тому, что нераскаившиеся души испытают муки ада от невозможности разрыва с Богом, с отвергнутой ими милостью, ставшей им в тягость. Эта мука Богоприсутствия станет нестерпима и неотменима: будут просить смерти, но ее не получают (по мысли Зосимы) [3; 293]. Это Сатана и бесы, в бессильной злобе пьющие свою кровь и грызущие плоть, свирепо питающие собой свою ненасытимую злобу, их мука – суррогат бессмертия, без искупления, без раскаяния, мнимое бытие. В силах ли человек обречь себя на эту муку – остается вопросом. Но стать бесом ему не дано! И в этом отчасти заключена его мука, горшая сатанинской, и в то же время сохранен шанс на спасение через покаяние. Доступ к Богу открыт, если дверь не заперта изнутри самим же грешником. Отвергает не Бог (Он предлагает), а избирает человек.

Исповедник выделяет два апокатастасиса: общее Воскресение и милость просящим, порой сводимых к «неизбежной» Милости. Прощеное Воскресение – лишь просящим, для непроящих – иллюзия восстановления, повод к восстанию, нескончаемо бесплодному бунту. Он не упоминает милости нераскаянным. Таковы антропология, эсхатология, апокалиптика, «апокатастасис» Исповедника, близкие *исповеданию веры* Зосимы.

Сострадание человеку и миру – яркая черта и преп. Максима. Исповедник пишет: «Бог, приводя в бытие разумную и духовную сущность, по высочайшей благодати своей сообщил ей четыре Божественные свойства, посредством которых Он содержит все вместе, оберегает и спасает сущих: бытие, приснобытие, благодать и премудрость. Первые два свойства [Бог] даровал премудрости, а два других – способности воли; то есть сущности Он даровал бытие и приснобытие, а способности воли – благодать и премудрость, чтобы тварь по причастию стала тем, чем Он Сам есть по существу. Поэтому и говорится, что человек создан по образу и по подобию Божию (Быт. 1; 26). “По образу” – как сущий [образ] Сущего и как присносущий [образ] Присносущего: хотя он и не безначален, но зато бесконечен. “По подобию” – как благой, [подобие] Благого и как премудрый, [подобие] Премудрого, будучи по благодати тем, чем [Бог является] по природе. Всякое разумное естество – по образу Божию, но только одни благие и мудрые – по подобию [Его]» [8; 172].

В унисон Исповеднику звучат слова Зосимы: «О, есть и во аде пребывшие гордыми и свирепыми, несмотря уже на знание бесспорное и на созерцание правды неотразимой; есть страшные, приобщившиеся сатане и гордому духу его всецело. Для тех ад уже добровольный и ненасытимый; те уже доброхотные мученики. Ибо сами прокляли себя, прокляв бога и жизнь. Злобной гордостью своею питаются, как если бы голодный в пустыне кровь собственную свою сосать из своего же тела начал. Но ненасытимы во веки веков и прощение отвергают, бога, зовущего их, проклинают. <...> И будут гореть в огне гнева своего вечно, жаждать смерти и небы-

тия. Но не получают смерти...» [3; 293] (выделение и курсив наши. – В. С.). Где здесь отмена Суда и ада?

Есть Христово упование, надежда на вхождение в разум истины, но нет насилия любовью. Даже метафора *бич любви*, принадлежащая Исааку Сирию, не помянута. Есть лишь горечь «страдания о том, что нельзя уже более любить» мир и Господа ответной любовью, ибо времени больше не будет. А милость Господня вызывает сугубую муку – запоздалого раскаяния или бессильной ярости. Не зря воздаяние бессмертием во все времена считалось страшнейшим наказанием, на которое обрекал себя отпавший от Целого и Единого нераскаявшийся преступник. В то же время у Зосимы это не условно-метафорический Суд и страдание пробудившейся совести, сведенные к секулярному морализму и педагогической мере, но ад как духовная реальность.

Смерть – дар единственный, исключительный: дважды не умирают и не воскресают ни физически, ни тем более духовно. Любой опыт единствен в своей уникальности. Вот символ веры Зосимы, диалектической глубиной и тонкостью достойной Отцов Церкви: «Да и отнять у них эту муку духовную невозможно, ибо мучение сие не внешнее, а внутри их. А если б и возможно было отнять, то, мыслю, стали бы от того еще горше несчастными. Ибо хоть и простили бы их праведные из рая, созерцав муки их, и призвали бы их к себе, любя бесконечно, но тем самым им еще более бы приумножили мук, ибо возбудили бы в них еще сильнее пламень жажды ответной, деятельной и благодарной любви, которая уже невозможна. В робости сердца моего мыслю однако же, что самое сознание сей невозможности послужило бы им, наконец, и к облегчению, ибо приняв любовь праведных с невозможностью воздать за нее, в покорности сей и в действии смирения сего, обрящут наконец как бы некий образ той деятельной любви, которую пренебрегли на земле, и как бы некое действие с нею сходное...» [3; 293]. К этому опыту любви сводится «апокатастасис» Достоевского и Святых Отцов, прежде всего Максима Исповедника, Исаака Сирина, Симеона Нового Богослова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архим. Августин (Никитин). Жизнь и деяния святого Франциска Ассизского в оценке русской православной мысли [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.agnuz.info/tl_files/library/books/st_fran_nikitin1/
2. Бердяев Н. О назначении человека. М.: Республика, 1993. 383 с.
3. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 14. Л.: Наука, 1976. 510 с.
4. Котельников В. Средневековые Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 2001. Т. 16. С. 23–31.
5. Котельников В. А. Православная аскетика и русская литература (На пути к Оптиной). М.: Плеяда, 2002. 384 с.
6. Криволапов В. Старец Зосима и Серафим Саровский // Русская литература и культура Нового времени. СПб.: Наука, 1994. С. 133–156.
7. Лихачев Д. Сергей Радонежский и Франциск Ассизский // Наука и религия. 1998. № 6.
8. Максим Исповедник. Главы о любви. III, 25 // Максим Исповедник. Избранные творения. М.: Паломник, 2004.
9. Творения иже во святых отцах нашего Григория, Епископа Нисского. Ч. I. М., 1861.

СВЕТЛАНА СЕМЕНОВНА МУСАНОВА

аспирант кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета, Сыктывкарский государственный университет
musanova_svetlan@mail.ru

ПРИЛУЗСКИЙ ФОЛЬКЛОР В ЗАПИСЯХ А. К. МИКУШЕВА

В статье рассматриваются записи прилузского фольклора, сделанные известным коми фольклористом А. К. Микушевым в результате нескольких экспедиций в Прилузский район Республики Коми (1951, 1961, 1963, 1978 годы). Учитываются предпочтения собирателя, ставятся акценты на особенностях прилузской традиции, тексты оцениваются с точки зрения уникальности и степени введения в научный оборот.

Ключевые слова: фольклор, полевые записи, архивные материалы

Прилузский район расположен на юге Республики Коми, граничит с Кировской и Архангельской областями и является контактной зоной проживания коми и русских. Именно этот факт обусловил интерес собирателей и исследователей к данной локальной традиции [5; 87].

Целью статьи является анализ прилузского фольклорного материала, собранного известным коми фольклористом Анатолием Константиновичем Микушевым в 1951, 1961, 1963, 1978 годах. Кроме того, делается попытка оценить вклад фольклориста в изучение данной традиции по сравнению с другими исследователями Прилузья.

Материалом для данной работы послужили записи из трех архивов Республики Коми, содержащие сведения о поездках А. К. Микушева в Прилузский район, – это Научный архив Коми НЦ УрО РАН (отчеты и расшифровки аудиозаписей за 1961, 1963 годы), Фольклорный фонд ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН (рукопись экспедиции 1951 года, аудиозаписи 1961, 1963 годов). Кроме того, в Фольклорном архиве СыктГУ хранятся записи студенческих экспедиций под руководством А. К. Микушева в с. Мутница и д. Талица Гурьевского с/с Прилузского района в 1978 году.

Итак, в Прилузском районе Анатолий Константинович был несколько раз. В 1951 году начинающий фольклорист А. К. Микушев, будучи аспирантом Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, совершил поездку в села Объячево и Читаево. Оригиналы этих записей в настоящее время являются недоступными, но о некоторых из них можно судить по комментариям к 1-му тому сборника «Коми народные песни», где фольклорист ссылается на 4 песенных образца этого года [6; № 14, 38, 57, 64]. Еще об одном тексте свадебной импровизации в записи 1951 года известно из монографии собирателя [9; 197–198].

В 1961 году, находясь в должности старшего научного сотрудника Сектора литературы и фольклора Коми филиала АН СССР, А. К. Микушев организует экспедицию в села Черныш и Ношуль.

Материалы по данной поездке хранятся в двух архивах Республики Коми: аудиозаписи находятся в Фольклорном фонде ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН [4], текстовые расшифровки – в Научном архиве Коми НЦ УрО РАН [2; № 75–86]. Эти записи представлены небольшим количеством текстов (24 единицы). Так, в с. Ношуль зафиксированы приговор дружки, частушки, свадебные причитания, лирические песни [2; № 77–85]. В с. Черныш А. К. Микушев записал наигрыши на чипсанах [2; № 86].

В 1963 году в сотрудничестве с Ю. Г. Рочевым А. К. Микушев занимался сбором материала в селах Занулье, Читаево и Объячево (деревни Керос, Юговская) [3]. Как отмечает фольклорист в своем отчете, «песенное творчество Сысолы и Прилузья было изучено недостаточно. Именно по этим соображениям и была проведена наша очередная экспедиция» [3; 2]. В ходе поездки собиратели прослушали 21 исполнительницу. Всего выявлено 173 фольклорных произведения преимущественно музыкально-поэтических жанров.

Из обрядовой поэзии собирателями выявлено большое число похоронных и свадебных причитаний. Особо ценным среди собранных текстов является свадебный причет о девьей красоте – «мича нима девья красота» («девья красота с красивым именем»), относящийся в прилузской традиции к числу уникальных и редких записей. Данный текст записан А. К. Микушевым в двух вариантах: в ходе экспедиций 1961 и 1963 годов [4; № 2], [2; 124], [3; № 301]. Причитание в записи 1961 года опубликовано им с небольшим комментарием [6; № 104, 278].

Непосредственно сами материалы экспедиции предваряются достаточно подробным отчетом. Необходимо отметить полноту и содержательность этого отчета, а также анализа собранного материала, в котором чувствуется научный подход в его осмыслении профессиональным фольклористом-собирателем. Например, говоря в отчете о свадебном обряде, А. К. Микушев подчеркивает микролокальные особенности прилуз-

ских деревень, пишет о таких свадебных обычаях, как выкуп невесты (в селах Занулье и Читаево) и «вõйысьём» (от коми глагола «вõйысьны» – проситься) – жених с поезжанами просят войти в дом невесты (в с. Читаево). Обычай выкупа невесты представлен фольклористом в книге [9; 189]. Добавим, что сведения по свадебной обрядности прилузских коми, записанные А. К. Микушевым, позволяют углубить и расширить уже известные знания о свадьбе в Прилузье, описанные в монографии Ф. В. Плесовского [10].

Как опытный собиратель и исследователь А. К. Микушев постоянно делает параллели с соседней сысольской и с другими коми традициями, дает свои оценки собранного материала, характеризуя особенности прилузской традиции [3; 31], пишет о функциональных особенностях песен различных жанров [3; 41]. Большое внимание в своем отчете фольклорист уделяет импровизационному жанру в коми поэзии, называет его «живым творческим началом местной поэзии» [3; 34]. Примечательно, что в сборнике «Коми народные песни» опубликовано несколько текстов данного жанра [6; № 8, 80, 83, 108].

А. К. Микушев использует аналитический подход к материалу, систематизирует выявленные им записи. Так, прилузские песни-импровизации, исполняемые во время трудовых процессов, он делит на два типа: первый тип характеризуется исполнением импровизаций в стиле свадебных причитаний, ко второму типу исследователь относит трудовые песни-импровизации [3; 36–37]. Фольклорист анализирует современную песенную культуру: песни местного происхождения, которые возникали в последние десятилетия. По словам исследователя, все они строились в частушечной форме, которая открывала широкий простор для художественного творчества [3; 35]. Стоит отметить, что зафиксировать песенный репертуар в лузской части района (населенные пункты в бассейне р. Луза – приток р. Юг) в таком объеме, как это было сделано А. К. Микушевым в экспедиции 1963 года, не удалось ни одному собирателю.

Особую ценность и полновесность этому отчету придают характеристики исполнителей, сведения о них [3; 43–46]. Добавим, что в 1-м томе «Коми народных песен» публикуется репертуар девяти прилузских исполнительниц. Экспедиция 1963 года, по замечанию собирателя, была снабжена двумя магнитофонами и фотоаппаратом. Фотографии, сделанные во время этой поездки, в 1989–1990 годах были переданы А. К. Микушевым в Музей истории просвещения Коми края СыктГУ [1].

Записи, выполненные в ходе студенческой фольклорной практики СыктГУ под руководством А. К. Микушева в 1978 году в с. Мутница и д. Талица Гурьевского с/с, хранятся в Фольклорном архиве СыктГУ [7] и представляют со-

бой три аудиокатушки с краткой описью материалов, сделанной рукой А. К. Микушева (49 единиц записи). Собираемыми выявлены тексты, которые не встречаются в других собраниях и в настоящее время представляют собой единичные фиксации целого ряда хороводно-игровых и лирических песен.

Таким образом, в ходе трех экспедиций 1961, 1963 и 1978 годов А. К. Микушевым зафиксировано более 240 фольклорных произведений различных жанров.

Говоря о публикации экспедиционных записей А. К. Микушева из Прилузья, отметим, что часть собранного фольклористом прилузского материала использована в книге «Эпические формы коми фольклора» [9], 13 фольклорных произведений из коллекции 1963 года опубликовано в 1-м томе «Коми народных песен». Всего в сборнике представлено 15 прилузских текстов из четырех лузских сел [6; № 4, 8, 14, 32, 37, 38, 57, 64, 65, 66, 80, 83, 104, 108, 120]. Примечания, сделанные А. К. Микушевым к каждой песне, позволяют полнее представить содержание традиции и ее специфику [8; 64]. В Алфавитном указателе песен 1946–1970 годов из третьего тома «Коми народных песен» [7; 243–253] приводится 61 инципит лузских текстов. Огромный пласт величальных, шуточных песен, детского фольклора, свадебных и похоронных плачей, таким образом, остался неопубликованным.

Научные интересы А. К. Микушева были связаны, прежде всего, со сбором коми фольклора. Вместе с тем нельзя сказать, что он полностью игнорировал фиксацию встречающегося песенного материала на русском языке. Экспедиционные материалы 1963 года свидетельствуют о том, что Прилузье представляет собой классический пример традиции фольклорного двуязычия. Эта особенность ярко выражена в материалах по свадьбе, которые включают в себя и русскоязычную, и комиязычную причет. В ходе экспедиции выявлено 6 русскоязычных и 7 комиязычных свадебных причитаний. Двуязычный характер имеет также песенная культура прилузских коми. Говоря об исторических и эпических песнях в Прилузье, А. К. Микушев отмечает, что их было записано несколько больше, чем в сысольских деревнях, «но значительная часть из них – это русские песни. По всем прилузским деревням хорошо знают историческую песню о Петре I – “За Невагою”, которую, по словам певцов, пели на свадебных пирах» [3; 34]. Кроме того, в Прилузье, как отмечает собиратель, не пришлось столкнуться со специальными коми песнями, приурочиваемыми к каким-нибудь празднествам, но такую функцию здесь берут на себя русские игровые песни [3; 38]. Репертуар прилузских рекуров, по замечанию фольклориста, также был более насыщен русскими песнями: «В них чувствовалось уже не столь бесшабашное ухарство

сквозь слезы, как в коми частых песнях открытое горе» [3; 36].

Поездка 1963 года значительно пополнила коллекцию прилузских русскоязычных песен. А. К. Микушевым зафиксированы тексты разных жанров: 3 свадебные («Из кути вдоль по лавиче», «У Ивана гѡлова учесана», «На чужой-то дальней стороне»), 16 плясовых («Не велят любить Ивана», «Спеть-погулять стало некому», «Вечор был я у любезной во дворе» и др.), 7 лирических («Сокнет-векнет в поле травка», «Запевай-ко, моя любезна», «Очи ево ясны» и др.), 1 историческая («За Невагою»), 4 солдатских (рекрутских) («Рекруты поле катались», «Вы прощайте, девки-женки», «Золотые ваши кудреньки», «Рябинушка моя»), 5 игровых песен («Уж ты хрен», «Роскалися, Валерьян, на четыре», «Каково добрый молодец да жениче», «Покоди да попляши», «Уж по морю синему»), 1 балла-

да («Из-под ельничко»). Таким образом, А. К. Микушев внес существенный вклад в собирание и изучение прилузского фольклора. Благодаря ему прилузская коллекция пополнилась единичными, оригинальными записями, которые уже не фиксируются в ходе современных экспедиций. Выявленный им материал не только характеризуется с точки зрения местных особенностей, но и сравнивается с соседней сысольской традицией, а также с другими коми традициями. Большую ценность имеет отчет фольклориста о своих поездках, дающий сведения о песенной культуре прилузских коми, а также об исполнителях этих песен. Записи прилузского фольклорного материала, сделанные А. К. Микушевым, по большей части являются в настоящее время достоянием научных архивов, значительная часть их требует публикации и введения в научный оборот.

ИСТОЧНИКИ

1. Музей истории просвещения Коми края. ОФ. № 1769. Личный фонд А. К. Микушева.
2. Научный архив Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (НА Коми НЦ). Ф. 1. Оп. 11. Д. 11а.
3. НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 226.
4. Фольклорный фонд Института языка, литературы и истории Коми научного центра Российской академии наук (ФФИЯЛИ). АФ (аудиофонд) 1525.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

5. Власов А. Н., Филиппова В. В. Фольклорное двуязычие в традиционной культуре коми // Традиционная культура. 2000. № 2. С. 87–89.
6. Коми народные песни / Сост. А. К. Микушев, П. И. Чисталев. Сыктывкар, 1966. Т. 1. Вычегда и Сысола. 288 с.
7. Коми народные песни / Сост. А. К. Микушев, П. И. Чисталев, Ю. Г. Рочев. Сыктывкар, 1995. Т. 3. Вымь и Удора. 256 с.
8. Краснополянская Т. В. Жанры «традиционной импровизации» в записях А. К. Микушева и П. И. Чисталева // Духовная культура финно-угорских народов России: Материалы Всерос. науч. конф. к 80-летию А. К. Микушева (1–3 ноября 2006 г., г. Сыктывкар) / Отв. ред. Т. С. Канева. Сыктывкар: ООО «Издательство “Кола”», 2007. С. 63–66.
9. Микушев А. К. Эпические формы коми фольклора. Л.: Наука, 1973. 256 с.
10. Плесовский Ф. В. Свадьба народа коми. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1968. 318 с.

ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА АВДЕЕВА

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Академии гуманитарного и социального образования, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина
avdeeva@rambler.ru

СПЕЦИФИКА НОРМ МОРАЛИ И ПРОБЛЕМА МОРАЛЬНОЙ НОРМАТИВНОСТИ

В статье рассматривается специфика моральных норм, и в этой связи затрагиваются проблемы осмысления морали как типа нормативной регуляции. Ставится проблема актуальности и применимости нормативного подхода в морали и необходимости такого подхода с точки зрения потребности в нормативной регуляции моральной сферы.

Ключевые слова: нормативная мораль, моральная регуляция, моральные нормы, специфика моральной нормы, нормативный подход в этике

Проблема нормативности морали возникла достаточно давно, и философская этика XX века занималась скорее критикой нормативного подхода к пониманию морали. Как результат, в современной философской этике нормативный подход, безусловно, утратил свои когда-то сильные позиции. Целью данной статьи является рассмотрение смыслового наполнения понятия норм морали в соотнесенности с нормативно-функциональной направленностью морали, а также обоснование необходимости реабилитации нормативного подхода в этике в общем контексте подхода к морали как типу нормативной регуляции.

Категория нормативности подвергалась серьезному пересмотру на протяжении всего философского дискурса XX века. В философской этике это было связано в первую очередь с иной философской парадигмой в осмыслении морали и моральных феноменов. Понимание морали как типа нормативной регуляции было признано слишком узким, отражающим лишь определенные черты морального сознания, хотя нормативная функция морали, безусловно, оставалась одним из главных моментов в понимании ее специфики.

По своей сути нормативная этика – это попытка подойти к изучению проблемы форм существования морали с точки зрения средних величин, что предполагает оценку объекта с позиций некоего шаблона, предзаданного основания, оценки и рассуждения. Такое понимание было характерно именно для классической философии (вплоть до немецкой). Это означает сужение предмета исследования. В философии XX века (неклассической и постклассической) это понятие подвергается критике, например в экзистенциализме, феноменологии, философии жизни, постмодернизме и др. Несмотря на то что стремление выйти за общепринятые устои и обосновать этот выход в философии имело место начиная с античности (вспомним, к примеру, киников), масштабный характер эта тенденция во всевозможных вариациях получила именно в Новейшее время. Следует отметить, что движение к этому началось еще в Новое время (например, в филосо-

фии представителя французского Просвещения Ж. О. Ламетри, считавшего, что «человек-машина» не нуждается в морали). Позднее в философии немецких романтиков явно присутствовала идея о том, что природа, в том числе человеческая, стоит вне морального измерения. Эта мысль была продолжена в философии жизни (Ф. Ницше, А. Бергсон и др.), заявившей, что жизнь представляет собой некий единый процесс, не поддающийся понятийной конкретизации и «усреднению» с помощью неких весьма условных категорий. Имморалистский вариант критики норм морали имеет место у Ф. Ницше в работе «По ту сторону добра и зла» (1886), в которой подвергается критике не мораль как таковая, а прежде всего общепринятые нормы поведения. А. Бергсон в работе «Два источника морали и религии» (1932) рассматривает социальную мораль «закрытого» общества как способ подчинения индивида власти целого. Феноменологический вариант предлагает по-новому взглянуть на мораль вообще и на нормы морали в частности. Аксиологический подход М. Шелера («Формализм в этике и материальная этика ценностей») позволяет предположить, что нормы морали не есть выражение представлений человеческого общества о должном поведении, но прежде всего проекция или отражение вечно значимых и априорно существующих ценностей, поэтому они не имеют чем-то еще обусловленной значимости. По сути это не есть нормы в традиционном смысле этого слова, поскольку они вырабатываются не сообществом людей, а зависят от иерархии ценностей. Экзистенциализм в его «светском» варианте (А. Камю, Ж.-П. Сартр и др.) указывает на абсолютную свободу человека от каких бы то ни было предписаний. Представители постмодернизма (М. Фуко, Ж. Делез, Ж. Деррида и др.) размышляли о том, как выйти из-под власти авторитетов, поэтому норма для них – это лишь способ подчинения себя, следовательно, она должна быть отвергнута в том виде, в каком она существует... В противовес преобладающему антинормативизму предпринимались неко-

торые попытки реабилитации нормативности, как, например, в неотомизме (Ж. Маритен), но в целом неклассической и постклассической философии (вторая половина XIX – XX век) подход к изучению явлений с позиций нормативизма и тем более нормоцентризма не свойственен, несмотря на то, что термин «норма» рассматривается как философское понятие издавна.

ПОНЯТИЕ НОРМЫ В МОРАЛИ

Нормативный подход в морали отталкивается, в первую очередь, от понятия нормы, делая его исходной позицией любого последующего рассуждения и анализа. Понятие нормы в практической жизни людей складывалось как обобщение и результат жизненного опыта с тех пор, как появилась человеческая культура. В целом под нормой принято понимать нечто среднее, устоявшееся. Норма (от лат. «руководящее начало, правило, образец») это: 1) средняя величина, характеризующая какую-либо массовую совокупность случайных событий, явлений; 2) понятие, обозначающее границы (меру трансформаций), в которых явления и системы (природные и социокультурные), человеческая деятельность, поведение и общение сохраняют свои качества и функции; задающее их внутреннюю соразмерность (упорядоченность) [1]. Очень часто в современной специальной научной литературе подчеркивается, что понятие «норма» является проблемой, крайне трудной для определения [7]. Тем не менее норма – это обязательное требование к совершению какой-либо деятельности, необходимое для достижения ее целей и распространяемое на определенное множество однотипных действий. Понятие нормы близко к понятию правила (сознательно установленные требования к порядку исполнения какой-либо деятельности). В классической традиции между нормой и правилом наблюдаются существенные различия. Объективное существование нормы и ее обязательный характер отличают норму от правила, которое может меняться по соглашению в зависимости от ситуации и имеет более краткосрочный характер своего существования, соответственно, менее стабильно и более ситуативно. Однако в неклассической традиции, особенно в рамках дискурсивного подхода, понятие нормы оказывается, наоборот, менее устойчиво и непрочны, нежели правила того же дискурса.

Понятие нормы (нормативности) появляется в философской рефлексии еще в античной философии. В «Никомаховой этике» Аристотель определяет норму как среднюю величину между избытком и недостатком: «Ясно, по крайней мере, то, что похвалы заслуживает средний душевный склад, при котором мы испытываем гнев против того, против кого следует, по должному поводу, должным образом и так далее, а избыток и недостаток заслуживают осуждения, причем если

отклонения незначительны – мягкого и если они достаточно велики – сурового. Ясно, разумеется, что следует держаться срединного душевного склада» [4]. При этом Аристотель приравнивает к понятию нормы знаменитый принцип «золотой середины», означающий не только количественную, но прежде всего качественную характеристику [9]. Подобное понимание сохраняется до Нового времени.

Говоря о законах как о всяких формулах, выражающих необходимость действия, И. Кант выделял законы естественные (где действия подчиняются всеобщему правилу), или практические. Практические выражают необходимость свободных действий, и они суть либо субъективные, поскольку они в действительности совершаются людьми, либо же объективные, поскольку они должны совершаться. Моральные законы, наряду с прагматическими, относятся к объективным [6].

Со времени И. Канта в этике традиционно различают категорические и гипотетические моральные предписания: категорические обязывают, разрешают, запрещают абсолютно, независимо от каких бы то ни было условий. Такой характер имеют, к примеру, максимы категорического императива И. Канта: это формулы абсолютного и притом априорного долженствования. Категорическими нормами являются и нормы христианской морали (как и другой религиозной морали вообще). Этот особый содержательный характер требования закрепляется в понимании их как заповедей, исходящих от какого-либо авторитетного лица. Подобные универсальные моральные нормы называют иногда моральными принципами, сводимыми в определенные моральные кодексы, как, например, «Моральный кодекс строителя коммунизма» 1961 года. Гипотетические моральные требования, напротив, обязывают, разрешают, запрещают в зависимости от каких-либо условий, что делает их релятивными и ограниченными ситуацией. Фактически все моральные нормы гипотетические, так как в реальной жизни все требования всегда связаны с какими-либо условиями своей реализации. Несмотря на то что многие философы высказывали максимы должного или благого, люди в своем реальном существовании упорно руководствуются нормами гипотетическими, хотя последние всегда реализуются относительно норм категорических. Так происходит не только в сфере личного поведения, но и в социальной сфере. Например, обилие профессиональных кодексов в различных профессиональных этиках (этика рекламы, этика PR, этика журналиста и т. д.), предписывающих определенный тип морального поведения в профессиональной сфере, тем не менее не обеспечивает абсолютного выполнения этих предписаний во всех ситуациях одинаково. Даже так называемые общечеловеческие нормы изначально регулировали поведение людей лишь в гра-

ницах той или иной, большой или малой, социальной общности. Нынешние моральные принципы, претендующие на некую универсальность, имеют культурные и смысловые оттенки в различных обществах. Например, принцип гуманизма в европейской культуре понимается как придание человеку статуса высшей ценности, наполняя этот статус личностным содержанием. На Востоке, в традиционных обществах, тот же гуманизм понимается несколько иначе. Лишь недавно в европейском философском дискурсе появилось понятие трансгуманизма как гуманного отношения ко всему живому. Парадокс моральной нормативности состоит в том, что в сфере нормативного мышления имеют место ситуации, противоречащие друг другу, нормативные суждения оказываются правомерными в одинаковой степени. С одной стороны, «не убий», а с другой – «человек вправе защищать свою жизнь и жизнь своих близких».

Существование нормы и ее формирование – показатель стремления системы к некоему стабильному состоянию. Регулятивное назначение нормы неоспоримо. Социальная система – сложная структура, а, как известно, чем сложнее система, тем менее она устойчива. В системе социальной жизни, неотъемлемой частью которой выступает мораль, структурная стабильность обеспечивается комплексом общих и частных социальных установлений (как объективных установлений, так и сознательно устанавливаемых правил и норм). Отрицание нормативной компоненты, как показывает опыт прошлого, моральный нигилизм и релятивизм, может привести к краху исторических и социальных практик. В качестве сложной системы следует рассматривать и самого человека. В этом аспекте моральные нормы призваны регулировать отношения человека с самим собой. Таким образом, по данному основанию нормы морали принято делить на гетерономные (внешние обязанности, предписания извне) и автономные (самопредписания личности). Зачастую нормы морали относят именно к последним, однако граница между гетерономными и автономными достаточно условна: для того, чтобы предписания обрели автономию, должны сложиться представления о каких-либо предписаниях вообще. Такие представления приходят именно извне, а затем на уровне субъекта происходит их отбор, определение и возможная эволюция. Речь идет, прежде всего, о характере и специфике формирования и действия моральных норм.

СПЕЦИФИКА МОРАЛЬНОЙ НОРМАТИВНОСТИ

Нормы морали по сравнению с другими регуляторами социальной жизни общества, такими как право и обычай, имеют свою специфику как в формальном, так и в содержательном плане.

В норме выделяют три основных структурных компонента: диспозицию, гипотезу и санк-

цию [3]. Диспозиция – главный элемент нормы, заключающий в себе содержание и характер предъявляемого требования. В языке она может выражаться через обязывание, разрешение-рекомендацию, запрет. Нетрудно понять, что легче всего выполнить норму-запрещение: воздержание, уклонение от поступка большей частью требуют меньше усилий, чем совершение поступка. Диспозиция обязывания, тем более поощрения или рекомендации к свершению должного, самоочевидно, требует от человека большего напряжения сил, воли, решимости. Тем самым требование сверхдолжного ограничивает список его адресатов: нельзя требовать от каждого героических поступков. С одной стороны, это несколько ограничивает поле морального, но, с другой, диспозиция моральной нормы значительно шире, чем диспозиция норм других типов нормативной регуляции.

Гипотеза – структурный элемент нормы, указывающий на условия ее исполнения. В качестве гипотезы может выступать адресация требования (указание на определенный круг исполнителей). Единообразно повторяющейся гипотезой всех норм профессиональной этики выступает обязательное указание на адресата – представителя той или иной профессии. «Не навреди» – профессиональная заповедь врача, «соблюдай честность мысли, служи только истине» – ученого и т. п. Также гипотеза может указывать на внешние обстоятельства свершения действия, ограничивающие ситуации, в которых может быть предъявлено требование, тем самым лишаящее последнее универсального характера. К примеру, разрешается убить на войне, скрыть правду, когда она может вызвать тяжелые и необратимые последствия... Гипотеза не всегда бывает представлена в словесной формулировке нормы, но она всегда подразумевается. Поэтому не существует реально, фактически абсолютных норм, с бесконечно универсальной, ничем не ограниченной адресацией. Всякая норма морали, таким образом, в той или иной степени гипотетична.

Наконец, норма всегда подразумевает санкцию, выражающую способ или средства обеспечения ее реальной действенности. Чаще всего санкцией в морали выступает одобрение или осуждение в разных формах: в форме общественного мнения, славы или бесславия, бойкота, «товарищеского суда» или, на индивидуальном уровне, суда собственной совести. В нормах морали санкция всегда переменна, зависит от уровня развития морального сознания индивида, от социального статуса и прочих подобных условий. Вследствие этого в морали возможны подчас противоположные санкции-оценки одного и того же поступка разными людьми. Один из парадоксов морали заключается в проблеме «а судьи кто?»: тот, кто мог бы вынести моральную оценку поступка, не станет этого делать,

а кто хотел бы это сделать, тому нельзя этого доверять...

Содержательная и функциональная специфика моральной нормы в первую очередь связана с проблемой природы самой морали. Натуралистические теории будут исходить из единого предназначения нормы: поддержания стабильности природного сообщества, инстинкта самосохранения. Супранатуралистические стремятся обосновать происхождение норм наличием некоего абсолютного и трансцендентного источника, а потому норма в этом контексте будет пониматься как абсолютное требование должного, обусловленное внешними причинами. Антропологические теории объясняют стремление к упорядочению человеческой жизни посредством нормативности особыми человеческими свойствами и качествами, которых нет ни у одного другого биологического вида. Социологизаторские теории видят в нормах степень упорядочения социальности, обусловленную потребностями общества. По источнику нормативности (в совокупности с другими специфическими чертами) выделяются религиозная мораль и светская мораль, а по степени воздействия на личное и массовое сознание налицо отличие между моральными ориентирами восточного и западноевропейского сознания.

Безусловно, содержательная специфика нормы всегда зависит от социокультурных условий ее формирования. Ни одна моральная норма не имеет всеисторической значимости, так как характер развития моральных представлений и морального сознания зависит не от количественного приращения норм, оценок, представлений о добре и благе, а связан со сменой качественных состояний. Следует отметить, что есть некие нравственные установки и константы морального сознания, которые успешно проходят отбор и сохраняются на протяжении многих культурно-исторических эпох. К примеру, норма «не убий» пусть и не абсолютна, а в философском дискурсе создала весьма широкое проблемное поле, однако является константой морального сознания вот уже несколько тысячелетий. Таких норм в истории нравственности, имеющих параллели в различных культурах, наблюдается несколько: не убий, не укради, не прелюбодействуй, соблюдай меру, не лжесвидетельствуй. Сложились они, по мнению большинства исследователей, уже в I тысячелетии до н. э. в Индии, Китае, Европе, на Ближнем Востоке и к началу нашей эры получили формальное выражение в ряде источников. Безусловно, есть исторические типы морали, мораль классов (при формационном подходе), мораль сословий в различных культурах, культурная специфика представлений о нравственности (при цивилизационном подходе), однако, думается, есть некое ядро, которое составляет основу морального сознания и в сути своей не меняется,

когда стремительно меняются социальные установки и ориентации. Эта общая основа имеет общечеловеческое измерение. Рассматривая ту или иную систему морали с точки зрения ее места и роли в общей линии исторического развития морали, с точки зрения ее вклада в сокровищницу морального опыта человечества, мы определяем меру ее общечеловечности, отмечает А. А. Гусейнов [5].

Другой особенностью моральной нормы, не менее интересной в плане философского анализа, является вопрос об объекте и субъекте нормативной регуляции. В различных видах нормативной регуляции, будь то право, обычай или мораль, объектом, на который направлено действие нормы, является социум в целом, а точнее, общественные отношения. Однако сфера применения норм морали и права, к примеру, разная по своему масштабу: нормы морали более всеохватывающи, касаются большего числа сторон человеческой жизни, а характер их не только запретительный или ограничительный с четко определенной санкцией, а очень часто рекомендательный. В результате этого степень воздействия на объект у норм права и норм морали разная. Более того, вследствие ее большей степени воздействия на различные сферы жизни каждого человека моральная норма всегда более переживается лично, нежели норма права, то есть более действенна субъективно. К тому же нормы права и обычая часто действуют на объект через систему посредников, будь то искусственно или естественно созданные общественные институты и общественные организации, государственные учреждения, должностные и авторитетные лица, наделенные властью. Моральные нормы более обращены непосредственно к человеку.

Субъектом регуляции в правовой норме выступает некая социальная общность, включенная в понятие государства, где это государство выступает как некий обязующий авторитет, обладающий формальной властью и нормативно организующий как нормотворчество, так и массовое поведение. Субъектом норм морали, как и обычая, выступает массовое коллективное сознание, которое в процессе исторического развития занимается нормотворчеством. При этом рассчитаны эти нормы на то, чтобы стать личностными ориентирами каждого носителя коллективного сознания, выражаясь именно через сознание индивидуальное. Человек либо принимает их как личные установки в процессе социализации и интериоризации, либо отвергает. Таким образом, и в этике это не раз подчеркивалось, нормы морали, с одной стороны, имеют объективное значение и по своему содержанию не зависят от склонностей и предпочтений человека, его произвола, а с другой стороны, требования и предписания, выраженные в моральных нормах, не могут быть сугубо объективными по

своей природе. В определенные эпохи источником нормы (новой или переосмысленной старой) мог выступить сам человек, на основании чего можно говорить о феноменах моральной гениальности, как, например, Христос, Мухаммед, Будда, Джина Махавира, а в наше время – А. Швейцер, М. Ганди и др.

При создании тех или иных норм подчас многое зависело от социального статуса субъектов нормотворчества, вследствие чего в этике фигурировали такие понятия, как «мораль рабов и господ», «классовая мораль», «рыцарский этос», «мещанский этос» и другие, отражающие интересы той или иной группы людей. В силу особенностей нормативной регуляции нормы морали всегда считались выражением чьего-то веления: воли коллектива, как считали, например, Т. Гоббс, а затем в XX веке представители психоанализа; воли определенной социальной группы, как считали представители эпохи Просвещения, а затем марксисты; Бога или Абсолюта, как считали представители религиозной этики и объективные идеалисты. Тем не менее норма только тогда осознавалась нормой морали, когда содержащееся в ней требование принималось самим человеком как внутреннее веление самому себе, как субъективная необходимость. Причем неинституциональность моральной нормы усиливала эту тенденцию. Безусловно, такой подход сразу ставит под сомнение общепризнанное рассмотрение моральной нормы как нормы объективно-закономерной и имеющей опытное происхождение. В данном случае противоречия нет, поскольку феномены моральной гениальности возникали также не на пустом месте, а отчасти были культурно и исторически обусловлены. Известный философ начала XX века А. Бергсон в книге «Два источника морали и религии» выделил два типа морали: мораль большинства и мораль личностную. Однако первая только на первый взгляд противостоит второй, поскольку указанная бинарность является сама по себе одним из движущих факторов возможного нормотворчества.

МОРАЛЬНЫЕ НОРМЫ И ЦЕННОСТИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Недостаток нормативного подхода к объяснению морали в целом состоит в том, что норма имеет смысл и значение только тогда, когда исследователь рассматривает вопрос именно в социальной парадигме, с социологизаторских позиций. Вследствие этого нормативный подход подвергается критике, когда речь идет о некоторых личностных феноменах, не укладывающихся в рамки диспозиции «норма – аномалия». Не каждую аномалию можно считать патологией, и к тому же многими философами (А. Бергсон, Н. Бердяев, Ж.-П. Сартр и др.) было отмечено, что часто именно отклонение от нормы является толчком для последующего развития. Современ-

ная эпоха, характеризующаяся как эпоха постиндустриальная, постмодернистская, информационная, отличается релятивизацией общепринятых ценностей, их индивидуализацией и, соответственно, размытием всякого рода нормативности. Однако то же самое социальное основание происхождения нормы заставляет посмотреть на проблему с другой стороны. Как правило, норма – это требование, предъявляемое обществом (коллективом) к индивиду, общезначимое по характеру и обязательное по выполнению. Эта общезначимость означает, что за каждой нормой стоит та или иная ценность, признаваемая большинством членов данного общества. Таким образом, нормативность всегда неразрывно связана с системой общественных ценностей. Отсюда вытекает ряд неоднозначных моментов в оценке нормативного подхода:

1. Индивидуальные ценности в общем контексте нормативного подхода могут, напротив, ослабить (усилить) эту нормативность, которая в определенной мере уже может быть оценена как отклонение.
2. Другая проблема: ценности, стоящие за нормой, носят исторический, а следовательно, изменчивый характер. Поэтому изменчива и сама норма, которая на определенном историческом этапе может превратиться в догмат или, наоборот, потерять универсализм [8].

Норма тесно связана с понятием ценностей и, соответственно, коррелирует с потребностями. Однако, как показывала не один раз практика, ценности не всегда могут выступать как позитивные ориентации (антиценности). В этом случае роль регулятора ценностной сферы может выполнить моральная норма, проверяя ценности на пригодность к нормальной жизнедеятельности личности и общества. В этой связи среди объектов, находящихся в границах нормы, выделяют оптимальный, или идеальный. Затем различают объекты, все более отступающие от идеала, но остающиеся в границах нормы. Наконец, дифференцируют и объекты, находящиеся за ее границами. Норма служит здесь контрольно-предвосхищающей схемой, предопределяющей шаги, ведущие к достижению некой благой цели, отождествляемой с ценностью.

Вопрос о соотношении моральной нормы и ценности, конечно же, не так однолинеен и прост. Соотнося поступок с критерием нормы, мы оцениваем его как хороший или плохой. Осуществляется оценка, которая путем сопоставления данного явления с неким обобщенным, абстрактным эталоном, в конечном счете, формирует представление о ценности. Норма зачастую и выполняет в этом случае роль такого эталона. Безусловно, процессы формирования ценностей не столько прямолинейны и однозначны, поскольку некоторые варианты аксиологической онтологии и трансцендентализм отстаивают первичность

именно ценностей. Разводить каким-то принципиальным образом эти понятия и тем более противопоставлять их друг другу не является принципиальным моментом данной статьи. Важнее оказывается вопрос значения существования нормы для существования ценности. Принципиальный вывод из всего вышесказанного следует только один: для существования общества и культуры необходимы ценности особого рода (нематериальные, духовные и т. п.), а для поддержания и создания таких ценностей необходимы нормы, главным образом нормы морали. Современный синергетический подход решительно определил открытые системы стремиться к достижению стабильного состояния тем сильнее, чем выше мера хаоса в данной системе. Норма – показатель стабильности. В какой-то степени даже современная этика дискурса (в особенности этические взгляды Ю. Хабермаса) может быть интерпретирована как новый подход к исследованию путей достижения стабильности моральной сферы общественной жизни посредством выработки норм [10]. Безусловно, нормативный подход утратил свою универсальность в сферах, где формализация невозможна. Однако в сочетании с другими подходами он позволяет подойти к комплексно-

му изучению вопроса существования моральных феноменов. Тем более что нельзя обоснованно судить о процессах и явлениях, не имея представления о том, что такое нормальное состояние, особенно когда дело касается прикладных проблем этики и проблемы этической кодификации профессиональных сфер деятельности, стремящихся к саморегуляции (набирающая обороты современная этическая тенденция). Поэтому в современной этике, на наш взгляд, возрастает интерес к исследованию именно нормальных состояний, естественных и гармоничных в противовес негативной проблематике аномалий и прочих отклонений от нормы [2]. Современный кризис нравственной сферы и утрата незыблемых ценностных ориентиров – черта эпохи. Имморализм, аморализм, нигилизм, релятивизм – симптомы морального сознания европейской культуры XX века. Философия как выражение содержания нематериальной культуры чутко их уловила. Она же способна предложить и новые ориентиры. Возможно, в поиске моральной философией путей выхода из этого кризиса нормативный подход внесет свой вклад в переосмысление статуса и содержания моральных норм, бывших и будущих, а потому (по факту своего существования) вечных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абушенко В. Л. Норма // Новейший философский словарь / Под ред. А. А. Грицанова. М.: Изд-во В. М. Скакун, 1998. 896 с.
2. Авдеева И. А. Идеал в системе нравственного воспитания // Электронное научное издание «Актуальные инновационные исследования: наука и практика». 2010. № 3.
3. Анисимов С. Ф. Введение в аксиологию. М.: Современные тетради, 2001. 169 с.
4. Аристотель. Сочинения. М.: Мысль, 1984. Т. 4.
5. Гусейнов А. А. Золотое правило нравственности. М.: Молодая гвардия, 1988. 208 с.
6. Кант И. Лекции по этике. М.: Республика, 2000. 431 с.
7. Неплох Я. М. Человек, познай себя. Записки психиатра. СПб.: Наука, 1991. 208 с.
8. Плахов В. Д. Социальные нормы. Философские основания общей теории. М.: Мысль, 1985. 250 с.
9. Спиркин А. Г. Философия: Учебник. 2-е изд. М.: Гардарики, 2006. 726 с.
10. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. под ред. Д. В. Складнева, послесл. Б. В. Маркова. СПб.: Наука, 2000. 380 с.

МИХАИЛ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ АННЕНКОВзаместитель министра, Министерство труда и занятости
Республики Карелия
*Annenkov@czrk.onego.ru***ТАТЬЯНА МИХАЙЛОВНА ШУМИЛОВА**кандидат экономических наук, главный специалист, Мини-
стерство труда и занятости Республики Карелия
*TMShumilova@czrk.onego.ru***ИЗ ОПЫТА МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
В РАЗВИТИИ РЫНКА ТРУДА КАРЕЛИИ В 1991–2011 ГОДАХ**

В статье дана краткая история развития рынка труда РК за двадцатилетний период. Рассмотрены меры и действия по борьбе с безработицей, реализуемые в рамках международных проектов. Приведены направления совместной деятельности с иностранным участием. Показаны результаты деятельности республиканской службы занятости населения, полученные от внедрения зарубежного опыта.

Ключевые слова: содействие занятости, безработица, рынок труда

Вот уже более 20 лет в Российской Федерации действуют территориальные органы по трудоустройству граждан. За двадцатилетний период своего существования карельская служба занятости выдвинулась в число авторитетных структур на рынке труда, вобрав в себя все лучшее и передовое из отечественной практики и аналогов мирового опыта [1].

Зарождение органов службы занятости (СЗ) пришлось на непростые перестроечные годы. В 1990-е годы в сфере трудовой деятельности складывались рыночные отношения, новые принципы и взгляды, шло формирование рыночных рычагов и механизмов в управлении рынком труда. Действенное участие в улучшении инфраструктуры рынка играла государственная политика в области содействия занятости, которая была возложена на органы службы занятости. Наряду с этим выстраивалась организационная сеть территориальных структур по трудоустройству, создавался ее кадровый актив.

В первое десятилетие XXI века важная роль в отлаживании рыночной среды принадлежала институту социального партнерства и существующим законодательным нормам регулирования сферы занятости. В непростой обстановке налаживались контакты и деловые связи с коллегами из российских регионов. Складывался и расширялся обмен опытом с коллегами приграничной Финляндии, Швеции и другими государствами Европейского союза. С 1991 года общереспубликанская государственная служба занятости включилась в приграничное сотрудничество (по обмену опытом и специалистами) со службой занятости Финляндии на основании протоколов (далее меморандумов) о сотрудничестве в области труда и занятости. В 1993–1995 годах многие работники службы занятости, принявшие участие в международных семинарах, практиках и стажировках, получили дополнительные зна-

ния в Чехии, Германии, Австрии, Франции, США. В общей сложности более 50 % работников стали участниками этих мероприятий.

В 1996 году, благодаря участию республики в пилотном проекте «Реформирование профессионального образования и обучения в Северо-Западном регионе России», государственная служба занятости населения получила возможность попробовать себя в новом качестве в формате международного сотрудничества. На начальном этапе продвижения проекта служба занятости внесла свой позитивный вклад в достижение приоритетных целей, связанных в том числе с развитием социального партнерства [6]. С 1997 года началось сотрудничество с Управлением рынка труда Швеции в рамках проекта программы по организации «Модельного Центра занятости» в Ленинградской области и Республике Карелии (г. Петрозаводск). По программе проекта за период 1998–1999 годов было проведено пять семинаров в целях обучения руководителей и специалистов ноу-хау в управлении рынком труда, активизирована работа с работодателями, по шведской технологии открыт информационный зал в г. Петрозаводске, создано 2 киоска вакансий для безработных граждан. Тогда же продолжилась реализация начатого в 1996 году пилотного проекта «Реформа профессионального образования и обучения в Северо-Западном регионе России». В соответствии с проектом (следующий этап) состоялось знакомство с практической работой по организации профессионального обучения и деятельности службы занятости Франции и Финляндии, а также изучение опыта Швеции в части составления прогноза рынка труда в разрезе профессий и специальностей. Департамент Федеральной государственной службы занятости по РК (далее Департамент) совместно с Республиканским учебным центром службы занятости разработал модульную программу «Технология по-

иска работы» с учетом международных требований, и этот курс стал обязательным для включения в учебные планы при обучении учащихся уровня начального профессионального образования и безработных граждан. Участие в мероприятиях проекта позволило укрепить взаимодействие социальных партнеров (Департамента, Министерства образования РК, учебных заведений) в сфере организации профессионального образования, в том числе незанятого населения, совершенствовать работу по контролю качества обучения безработных граждан.

Очень важно отметить тот факт, что шведская сторона подтолкнула к необходимости разработки и открытия собственного веб-сервера службы занятости РК, а также установлению электронных киосков вакансий. Переход к современному информационным технологиям, связанный со вступлением общества в эру Интернета и телекоммуникаций, придал заметный импульс развитию карельской службы занятости, внес по-настоящему новое качество в работу ее структур. Реализация международного проекта «Модернизация Службы занятости в Республике Карелия II» осуществлялась между Службами занятости губернии Вестерботтен (города Умео, Шелефтио) и центрами занятости городов Петрозаводск и Кондопога. При организационной и финансовой поддержке Управления рынка труда Швеции были установлены электронные киоски вакансий в Кондопожском (апрель 2001 года) и Сортавальском (июнь 2001 года) городских центрах занятости населения. В 2002 году все центры занятости Карелии были оборудованы такими киосками, в 2003 году – объединены в общую информационную сеть республиканской службы занятости.

В 1998 году Министерство труда и занятости РК (далее Министерство), центры занятости населения десяти районов республики приступили к совместной работе с финскими коллегами по содействию во временном трудоустройстве (на сельскохозяйственные работы) студенческой молодежи в летнее время. Во временных работах в Финляндии приняли участие 47 человек.

Взаимодействие карельской службы занятости с коллегами и международными организациями из европейских стран и США особенно активизировалось в период после 2000 года. Именно в это время благодаря помощи иностранных партнеров служба занятости начала в новом формате выстраивать, развивать, совершенствовать важнейшие организационно-технические процедуры регулирования рынка труда. Был запущен мониторинг трудоустройства безработных граждан после окончания курсов обучения в образовательных учреждениях. Заявили о себе такие новые формы работы с незанятыми гражданами, как профилирование безработных граждан, мониторинг трудоустройства выпускников

учреждений профессионального образования всех уровней. С 2001 года началось активное использование информационных интернет-ресурсов (организация интернет-видеоярмарок, работа собственного web-сайта Департамента, затем Управления Федеральной государственной службы занятости населения по РК (www.czrk.onego.ru) и др.). В 2004 году состоялась первая Всероссийская научно-практическая интернет-конференция под эгидой Федеральной службы по труду и занятости с использованием глобальной сети Интернет на Web-портале «Рынок труда и рынок образовательных услуг. Регионы России» (<http://labourmarket.ru>).

В мае 2005 года на основе договора между Федеральной службой по труду и занятости Российской Федерации и Национальным агентством занятости Швеции на территории Карелии стартовал проект «Профессиональная реабилитация и занятость людей с ограниченными возможностями в России». К 2005 году завершился карело-финский проект, начатый в 1998 году на средства международной организации «ТАСИС». Проект включал организацию обучения безработных граждан строительным специальностям с использованием современных финских технологий на строительстве ряда социальных объектов в пос. Калевала и ремонтно-реставрационных работах в историческом здании бывшей женской гимназии в г. Сортавале, а также обучения незанятого населения предпринимательской деятельности со стажировкой на предприятиях Финляндии. В дальнейшем эта форма сотрудничества с финской стороной получила свое развитие, к 2011 году ее участниками стали 525 безработных граждан.

К 2007 году Республика Карелия полностью выполнила условия проекта «Профессиональная реабилитация и занятость людей с ограниченными возможностями в России», в результате чего на базе Республиканского учебного центра подготовки и переподготовки незанятого населения был создан Центр профессиональной реабилитации и социально-средовой адаптации. В процессе реализации проекта количество обратившихся в службу занятости населения инвалидов возросло на 22 % по сравнению с допроектным периодом (3303 против 2700 человек). Численность трудоустроенных инвалидов увеличилась на 6 % (888 против 839 человек). Тогда же был реализован другой международный проект «Модель местного партнерства», который стартовал в апреле 2007 года. Он проходил в два этапа под патронажем специалистов польского Института сотрудничества и партнерства на местном уровне совместно с Департаментом занятости США. При участии представителей Управления и Кондопожского центра занятости населения, органов местного самоуправления, общественных и научных организаций Карелии

и Псковской области в рамках проекта были разработаны собственные модели / схемы по активизации экономики на местном уровне.

В 2008 году в рамках международного сотрудничества по содействию «вторичной занятости» студентов в свободное от учебы время на работы в Финляндию выехало наибольшее количество российских граждан – 1200 человек. Всего за время реализации этого проекта около 9 тыс. студентов было оказано содействие в трудоустройстве за границей. К этому времени республиканская служба занятости на основе реализации международных проектов и внедрения их результатов в практику работы с безработными гражданами продвинулась далеко вперед в развитии своих структур. В 2007–2008 годах в службе занятости населения были установлены усовершенствованные электронные системы самостоятельного поиска работы (антивандалные сенсорные киоски). Продолжились работы по модернизации интернет-портала Управления, затем Министерства труда и занятости РК (www.mintrud.karelia.ru). Для активизации доступа к информационному portalу были размещены баннеры на других порталах республики, позволяющие интернет-пользователям посещать сайт Министерства.

На основе опыта финских и шведских коллег и с целью повышения эффективности управления в сфере занятости населения реализовывалась программа по модернизации существующей ИТ-инфраструктуры Министерства и центров занятости населения, а также созданию защищенной корпоративной мультисервисной сети передачи данных. Параллельно начались работы по реализации комплекса мер по защите информации.

Наработки и апробации, полученные в ходе успешного завершения пилотных проектов и семинаров, проводимых с иностранными специалистами, позволили СЗ подняться на новый качественный уровень как организационно, так и технически, стать современной, динамично развивающейся службой. При этом не только перейти на современные технологии, процедуры и регламенты, но и за сравнительно короткое время выдвинуться в число передовых региональных служб, заслужить уважение и пользоваться поддержкой коллег из регионов России.

За период 2000–2008 годов использование мировой практики и полученных результатов от проектов с иностранными партнерами (в части социального партнерства на муниципальном уровне; организации трудового посредничества и профессионального обучения безработных граждан, испытывающих трудности в поиске работы; внедрения информационных компьютерных технологий; развития предпринимательских и деловых навыков у начинающих бизнесменов или организаторов собственного дела; расширения

доступа рынка труда в рамках приграничного сотрудничества) дало возможность службе занятости повысить эффективность и результативность мер и действий на карельском рынке труда. Взаимодействие ее структур с государственными и муниципальными органами исполнительной власти, Объединением организаций профсоюзов, предпринимательскими структурами, образовательными учреждениями, консультационными и профориентационными центрами, неправительственными общественными организациями и движениями, инициативными лидерами и иными социальными партнерами позволило очень многим гражданам интегрироваться в трудовую деятельность.

Исходя из необходимости формирования прогноза потребности в подготовке кадров для экономики и социальной сферы РК, а также определения потребности в привлечении иностранных работников с учетом зарубежных методов и форм оценки наиболее востребованных видов экономической деятельности, профессий, специальностей и квалификаций в 2008 году учебный центр службы занятости населения был реорганизован в автономное учреждение РК «Центр обучения и мониторинга трудовых ресурсов».

После кризиса 2008–2009 годов, с оживлением экономики и появлением новых заказов у предприятий появились дополнительные потребности в кадрах. Новая ситуация потребовала организации на базе Центра обучения и мониторинга трудовых ресурсов прогнозно-аналитической работы по изучению перспективной потребности работодателей в кадрах для планирования учреждениями профессионального образования приема студентов на последующие годы [2], [3]. В 2010 году был издан первый информационный бюллетень «Результаты реализации в 2010 году региональной целевой программы “Развитие кадрового потенциала Республики Карелия” на период 2008–2012 гг.» [5]. Наряду с этим опубликована аналитическая справка «Результаты анкетных опросов граждан, обучавшихся по направлению службы занятости населения в 2009 году» [4]. В документе был приведен обобщенный анализ качества профессионального обучения безработных граждан республики.

Несмотря на трудные кризисные годы, служба занятости продолжала участвовать в международных программах, особенно в рамках приграничного сотрудничества. Так, 20 октября 2010 года в соответствии с международным карело-финским проектом открылся Информационный пункт в г. Петрозаводске для содействия мобильности трудовых ресурсов и студентов между регионами Восточной Финляндии и РК.

В 2011 году на региональном рынке труда произошло закрепление всех стабилизационных тенденций, проявившихся в 2010 году, и обеспечение заделов для устойчивого и последователь-

ного посткризисного развития в части повышения качества и профессиональной мобильности рабочей силы, эффективного использования трудовых ресурсов. Этому способствовали меры скорейшего восстановления экономики и процессов на рынке труда в рамках реализации программ активной политики содействия и поддержки занятости населения. В 2011 году успешно продолжилось развитие международного сотрудничества. При участии руководителей и специалистов органов службы занятости населения прошли международные семинары, в том числе российско-финские в рамках Меморандума о взаимопонимании по организации сотрудничества между Министерством труда и занятости РК и Центрами экономического развития, транспорта и окружающей среды Северной Карелии и региона Кайнуу в сфере труда и занятости на 2011–2012 годы. В июне 2011 года в рамках международного сотрудничества между новой службой труда и социального обеспечения Норвегии (далее NAV) и Рострудом прошел первый семинар «Опыт применения информационных систем в органах службы занятости Норвегии и России, в том числе на региональном уровне». В работе семинара приняли участие карельские специалисты. Они выступили с докладами по теме конференции. По программе проекта NAV были заслушаны доклады норвежских и российских коллег по темам: «Перспективы применения и развития информационных технологий», «Оказание госу-

дарственных услуг в электронном виде», «Состояние защиты информации персональных данных». В ходе поездки российские специалисты детально изучили передовую норвежскую практику по созданию NAV, ее возможности и перспективы. Обсуждение и обмен мнениями специалистов по развитию информационных технологий выявил общие подходы к их развитию в двух странах, а также по оказанию государственных услуг в электронном виде. Планируется, что дальнейшая реализация проекта поможет российской стороне в будущем осуществить переход к оказанию услуг клиенту в «рамках единого окна» на основе объединения информационных систем государственных и муниципальных органов в одну информационную систему.

В результате реализации международных проектов с финской стороной, а также Управлением рынка труда Швеции, польским Институтом сотрудничества и партнерства на местном уровне и другими зарубежными партнерами служба занятости Республики Карелия приобрела богатый положительный опыт. Это и реальные дела, и прикладные наработки, и конкретные результаты. По всем практическим достижениям виден грандиозный масштаб работы, связанный с налаживанием и совершенствованием системы государственного регулирования рынка труда, повышением эффективности системы управления человеческими ресурсами в кризисное и послекризисное время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 20 лет на рынке труда Карелии: информационно-статистический сборник / Министерство труда и занятости РК; Отв. ред. Т. М. Шумилова и др. Петрозаводск: Центр культурных инициатив, 2011. 100 с.
2. Выпускники учреждений профессионального образования 2009 года на рынке труда Республики Карелия: информационно-статистический бюллетень / Министерство труда и занятости РК. Петрозаводск, 2010. 33 с.
3. Показатели спроса и предложения рабочей силы на рынке труда Республики Карелия в 2007 году: информационно-аналитический бюллетень / Министерство труда и занятости РК; Сост. Е. Е. Фролова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. 133 с.
4. Результаты анкетных опросов граждан, обучавшихся по направлению службы занятости населения в 2009 году: аналитическая справка / Министерство труда и занятости РК; Сост. И. В. Гаврилов, С. Ю. Храпенкова. Петрозаводск, 2010. 23 с.
5. Результаты реализации в 2010 году региональной целевой программы «Развитие кадрового потенциала Республики Карелия» на период 2008–2012 гг.: информационный бюллетень / Министерство труда и занятости РК; Сост. И. В. Гаврилов, М. А. Дедюхина. Петрозаводск, 2010. 72 с.
6. Рекомендации по использованию технологий социального партнерства в реализации политики занятости на муниципальном уровне / Северо-Западный филиал федерального государственного научного учреждения «Российский научный центр государственного и муниципального управления»; Отв. исп. С. А. Иванов и др. СПб.; Петрозаводск, 2001. 205 с.

НАТАЛИЯ ЮРЬЕВНА ГАРИФУЛЛИНА

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник
Управления научных исследований, Петрозаводский государственный университет
garifullina@psu.karelia.ru

ВЫПУСКНИКИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ СИСТЕМЫ ПРОФОБРАЗОВАНИЯ И ИХ ВОСТРЕБОВАННОСТЬ НА РЫНКЕ ТРУДА РЕГИОНА

Одной из важнейших социально-экономических проблем всех субъектов Российской Федерации является обеспечение квалифицированными кадрами отраслей экономики региона. На примере города Москвы в статье проводится анализ востребованности выпускников учреждений профессионального образования на региональном рынке труда.

Ключевые слова: образовательные учреждения, система профессионального образования, рынок труда

Подготовка квалифицированных специалистов, которым позволяло быть конкурентоспособными на рынке труда освоенные за время обучения знания, умения, а также приобретенные профессиональные и общекультурные компетенции, является главной задачей каждого образовательного учреждения системы профессионального образования.

Ответ на вопрос, насколько успешно образовательные учреждения справляются с поставленной задачей, можно получить, если провести сравнительный анализ данных, характеризующих показатели выпуска из учреждений высшего (ВПО), среднего (СПО) и начального профессионального образования (НПО), с данными, позволяющими оценить уровень трудоустройства выпускников.

Рассмотрим степень востребованности на региональном рынке труда выпускников образовательных учреждений системы профобразования на примере города Москвы, являющегося крупнейшим образовательным мегаполисом РФ.

ПОДГОТОВКА КАДРОВ В СИСТЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В настоящее время в городе Москве создана и функционирует система подготовки квалифицированных кадров:

- более 600 учреждений профессионального образования и организаций осуществляют обучение по программам начального, среднего и высшего профессионального образования, профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров;
- ежегодный выпуск вузов столицы составляет свыше 270 тыс. человек;
- ежегодный выпуск рабочих кадров и специалистов среднего звена составляет около 200 тыс. человек.

Специфика рынка образовательных услуг города Москвы заключается в том, что в рамках реализации программы «Рабочие кадры» в 2005–2010 годах в системе профессионального образо-

вания столицы была проведена структурная интеграция городской сети образовательных учреждений и создан новый, структурно интегрированный тип учреждения среднего профессионального образования – колледж, реализующий сопряженные образовательные программы начального и среднего профессионального образования. В колледжах реализуются непрерывные образовательные программы начального профессионального образования – по 113 профессиям, среднего профессионального образования – по 101 специальности [1].

Поскольку основными «поставщиками» столичного рынка труда являются не только город Москва, но и Московская область, при оценке востребованности выпускников образовательных учреждений профобразования на рынке труда столицы, по нашему мнению, следует рассматривать данные, характеризующие выпуск из системы профобразования и одного, и другого региона. Следует отметить, что вследствие роста числа негосударственных образовательных учреждений высшего и среднего профессионального образования за последние 10 лет (период 2000–2010 годов) произошло увеличение общего количества вузов и ссузов в рассматриваемых субъектах РФ (соответственно на 85 ед., или в 1,46 раза, и на 27 ед., или в 1,19 раза, – по городу Москве, и на 1 ед., или в 1,03 раза, и на 13 ед., или в 1,12 раза, – по Московской области). Для учреждений, функционирующих в этот период времени в сфере начального профессионального образования, характерна обратная тенденция: по городу Москве в 2010 году этот показатель составил 34,7 % от уровня 2000 года, по Московской области – 90,7 %. В результате изменений количественного состава учреждений профессионального образования изменилась и структура в соотношении между уровнями образования: так, если в 2000 году на один вуз столицы приходилось в среднем 0,77 учреждений СПО и 0,91 учреждений НПО, то в 2010 году это соотношение выглядело как 1:0,63:0,22. По Московской области за период

2000–2010 годов изменения в структуре по уровням образования были менее значительными: в 2000 году на один вуз области приходилось в среднем 3,4 учреждения СПО и 3,8 учреждения НПО, в 2010 году это соотношение составило 1:3,7:3,3. Всего на территории города Москвы и Московской области по состоянию на 1 сентября 2010 года функционировало 300 учреждений ВПО, 287 учреждений СПО и 165 учреждений НПО, из них:

- на территории города Москвы: 268 учреждений ВПО, 168 учреждений СПО и 58 учреждений НПО;
- на территории Московской области: 32 учреждения ВПО, 119 учреждений СПО и 107 учреждений НПО.

В табл. 1 приведены данные, позволяющие дать оценку выпуска специалистов государственными образовательными учреждениями города Москвы по различным формам обучения.

Анализ данных табл. 1 позволяет выявить следующие тенденции:

- увеличение в 1,5 раза общего выпуска из образовательных учреждений ВПО города Москвы в 2010 году по сравнению с 2001-м, обусловленное, в первую очередь, существенным увеличением выпуска студентов, которые обучались в вузах с полным возмещением затрат (ПВЗ), – в 2,5 раза;
- общий выпуск из образовательных учреждений СПО по городу Москве в 2010 году составил 89,5 % от уровня 2001 года. Однако по ссузам столицы отмечается незначительное увеличение выпуска учащихся, которые обучались на платной основе (106,5 %), связанное с ростом этого показателя по очно-заочной форме обучения (130,2 %);
- более чем в 2 раза уменьшился выпуск специалистов, обучавшихся по программам НПО: в 2010 году он составил 44,1 % от уровня 2001 года.

Общие тенденции, выявленные при анализе данных табл. 1, совпадают с существующими тенденциями по выпуску специалистов из учреждений профобразования Московской области. Однако, если в столице увеличение выпуска из учреждений ВПО коснулось всех трех форм обучения, то по вузам Московской области увеличение произошло только по очной и заочной формам обучения. Выпуск из учреждений ВПО Московской области по очно-заочной форме обучения составил 72,0 % по сравнению с выпуском 2001 года, что можно рассматривать как результат сокращения в вузах количества бюджетных мест по очно-заочной (вечерней) форме обучения.

Анализ сложившейся за последние десять лет структуры выпуска по городу Москве и Московской области по формам обучения показал, что она также имеет некоторые различия. В первую очередь речь идет о подготовке специалистов

в учреждениях ВПО. В столице преобладает очная форма получения высшего профессионального образования (как правило, более 50 %), в Московской области такой приоритет – на стороне заочной формы обучения. Еще одно отличие заключается в том, что показатели выпуска по очно-заочной форме обучения из вузов города Москвы в общей структуре выпуска, принимаемой за 100 %, выше, чем по области (в начале рассматриваемого периода – в 1,5 раза, начиная с 2005 года – в 2–3 раза). Общая структура выпуска из учреждений СПО и НПО (выпускники, прошедшие обучение по программам НПО) по городу Москве примерно совпадает с общей структурой выпуска из аналогичных образовательных учреждений Московской области.

В табл. 2 представлены данные о выпуске из негосударственных вузов и ссузов города Москвы и Московской области специалистов, получивших образование по очной форме обучения.

Анализ данных табл. 2 показал, что в Московской области наблюдаются тенденции, аналогичные тем, которые существуют по городу Москве. А именно:

- увеличение выпуска из учреждений ВПО в 2010 году по сравнению с 2003-м (по городу Москве – в 3,4 раза, по Московской области – в 3,3 раза);
- увеличение количества учащихся, выпускаемых из системы СПО, в 2010 году по сравнению с 2003-м (по городу Москве – в 5,24 раза, по Московской области – в 1,95 раза).

Эти данные характеризуют растущий спрос со стороны абитуриентов на образовательные услуги коммерческих вузов и ссузов, а также их филиалов.

ТРУДОУСТРОЙСТВО ВЫПУСКНИКОВ СИСТЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года одним из условий повышения качества профессионального образования выдвинуто «создание эффективной системы содействия трудоустройству выпускников, включая развитие целевой контрактной подготовки, формирование у всех выпускников вузов... готовности к самоопределению в вопросах подбора работы...» [2]. В соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 19 сентября 1995 года № 942 «О целевой контрактной подготовке специалистов с высшим и средним профессиональным образованием» [3] в вузах столицы осуществляется целевая контрактная подготовка специалистов, основной задачей которой является удовлетворение потребностей в высококвалифицированных кадрах предприятий, организаций и учреждений.

Проведенный анализ проекта контрольных цифр приема (КЦП) в учреждения высшего и среднего профессионального образования города Моск-

Таблица 1

Выпуск специалистов государственными образовательными учреждениями высшего и среднего профессионального образования города Москвы, а также специалистов, обучавшихся по программам начального профессионального образования, чел.

Уровень образо- вания	Год	Все формы обучения			Очная форма обучения		Очно-заочная форма обучения		Заочная форма обучения	
		всего	ПВЗ	бюджет	всего	бюджет	всего	бюджет	всего	бюджет
Город Москва										
ВПО	2001	111 681	34 387	77 294	56 515	49 123	13 035	8 859	39 852	19 215
	2002	107 653	32 699	74 954	61 234	52 482	13 403	8 939	22 982	13 409
	2003	135 523	55 433	80 090	65 344	54 199	16 432	10 215	28 304	15 372
	2004	132 652	53 995	78 657	66 707	54 636	16 085	10 121	31 397	13 762
	2005	122 990	47 977	75 013	70 061	54 677	14 664	8 894	24 923	11 357
	2006	151 954	69 325	82 629	77 739	58 846	16 990	9 255	42 800	14 383
	2007	159 905	76 242	83 663	81 602	59 618	17 911	9 301	45 379	14 710
	2008	168 010	83 180	84 830	85 616	60 014	18 442	9 107	48 650	15 573
	2009	172 217	87 748	84 469	89 340	60 719	19 173	8 607	50 685	15 114
	2010	167 967	86 140	81 827	89 677	59 906	19 999	8 068	47 763	13 811
СПО	2001	31 689	5 580	26 109	24 484	20 970	1 404	994	5 801	4 145
	2002	32 576	6 288	26 288	25 408	21 218	1 707	1 243	5 311	3 677
	2003	32 656	7 382	25 274	25 440	20 555	1 812	1 202	5 404	3 517
	2004	31 050	8 043	23 007	24 292	19 024	1 642	981	4 948	3 000
	2005	28 785	7 597	21 188	22 916	17 816	1 526	811	4 144	2 521
	2006	29 706	8 329	21 377	23 722	17 827	1 332	893	4 279	2 642
	2007	30 523	7 966	22 557	25 240	19 427	1 279	772	3 486	2 246
	2008	29 766	7 508	22 258	25 157	19 872	958	594	3 252	1 789
	2009	30 503	6 908	23 595	25 453	21 170	1 047	655	3 077	1 725
	2010	28 365	5 942	22 423	23 442	19 947	1 354	820	2 823	1 522
НПО	2001	29 743	1 277	28 466	27 997					
	2002	26 317	1 232	25 085	24 601					
	2003	25 161	1 476	24 019	23 685					
	2004	23 827	656	23 171	23 069					
	2005	21 317			21 317					
	2006	21 384	299		21 384					
	2007	19 618	6 014		19 618					
	2008	16 330	1 166	16 330	16 330					
	2009	14 579	1 609	12 970	12 970					
	2010	13 126	1 229	11 897	11 897					

Таблица 2

Выпуск специалистов, получивших образование по очной форме обучения, из негосударственных учреждений ВПО и СПО города Москвы и Московской области за период 2003–2010 годов, чел.

Уровень	Регион	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
ВПО	Московская область	1 037	789	1 300	1 782	2 321	2 115	2 357	3 517
	Москва	7 036	7 536	8 269	11 596	13 953	13 970	24 814	22 945
СПО	Московская область	200	300	200	400	400	316	432	389
	Москва	500	500	1400	2000	2500	2809	2042	2622

вы на 2010, 2011 и 2012 годы, поступавших на согласование в Департамент труда и занятости населения города Москвы, показал, что это направление подготовки специалистов, предусматривающее установление тесных контактов с потенциальными работодателями, используется в городе Москве не в полной мере (показатели значительно ниже, чем установленная в соответствии с действующим законодательством квота, равная 30 %):

- доля студентов-целевиков в 2010 и 2011 годах планировалась на уровне 5,5 % от КЦП по очной форме обучения;
- доля учащихся ссузов, подготовка которых планировалась в рамках целевой контрактной подготовки, составляла в 2011 году 0,68 % от проекта КЦП по очной форме обучения.

Для оценки уровня трудоустройства выпускников использовались данные Росстата [4], [5], [6], [7], [8], [9] о численности выпускников учреждений профобразования всех уровней, получивших направление на работу (условно их можно считать трудоустроившимися), а также их доле по отношению к выпуску.

Наши данные позволяют говорить о том, что в 2010 году сохранилась тенденция последних лет к уменьшению доли выпускников, прошедших обучение по программам НПО и получивших направление на работу, по отношению к выпуску: если в 2006 году в Москве трудоустроивались 64,8 % выпускников системы НПО, то в 2010 году доля таких выпускников составила лишь 46 %. Доля трудоустроившихся выпускников учреждений ВПО в 2010 году упала ниже уровня 2006 года и составила 37 %. В то же время доля трудоустроившихся в 2010 году выпускников учреждений СПО была максимальной за последние четыре года и составила 50 %, то есть работу нашел каждый второй выпускник ссузов.

Информация, содержащаяся в сборниках Росстата, позволяет оценить уровень трудоустройства и трудоустройства по специальности относительно выпуска текущего года. Однако, по нашему мнению, для более объективной оценки этого показателя расчет доли трудоустроившихся необходимо осуществлять с учетом корректировки выпуска в сторону его уменьшения, поскольку часть выпускников продолжает обучение на следующем уровне.

Если говорить об укрупненных группах специальностей (УГС), по которым этот показатель выше среднего, то по городу Москве следует особо выделить специальность 010000 «Физико-математические науки», где доля продолживших обучение в выпуске текущего года на протяжении пяти лет (с 2006 по 2010 год) составляла 45 % и выше, а также 140000 «Энергетика, энергетическое машиностроение и электротехника», где эта доля равнялась 35–39 %. По Московской области к таким УГС можно отнести 010000 «Фи-

зико-математические науки» (32–47 %) и 020000 «Естественные науки», где последние три года этот показатель варьировался от 51 до 90 %. Следовательно, по указанным УГС показатели Росстата, без учета их корректировки на численность продолживших обучение, не в полной мере отражают ситуацию как по трудоустройству выпускников, так и по их трудоустройству по специальности. В целом доля тех, кто продолжил обучение в столичных вузах на следующем уровне по очной форме обучения в общем количестве выпуска, в 1,5–2 раза выше, чем в вузах Московской области.

Анализ данных по трудоустройству выпускников учреждений ВПО после учета количества продолживших обучение показывает, что процент трудоустроившихся выпускников вузов и трудоустроившихся по специальности в целом по Московской области увеличивается на 1–4 %, а по городу Москве – на 7–11 %.

В табл. 3 приведена информация о численности выпускников, обратившихся в 2009–2010 годах в службу занятости города Москвы в поиске подходящей работы.

Данные, представленные в табл. 3, позволяют сделать вывод о том, что в 2010 году, по сравнению с предыдущим годом, количество выпускников, обратившихся за содействием в поиске подходящей работы в службу занятости города Москвы, уменьшилось на 15,6 %, что следует рассматривать как положительную динамику. Количество выпускников, прошедших обучение по программам НПО и СПО и обратившихся в службу занятости, уменьшилось соответственно на 37,3 и 16,1 %. В то же время число студентов, закончивших вузы и обратившихся за помощью в службу занятости города Москвы, за год увеличилось на 390 человек и составило 114,3 % в 2010 году по сравнению с 2009 годом.

Проведенный анализ данных, позволяющих оценить, выпускники каких специальностей чаще всего обращались за содействием в поиске

Таблица 3

Численность выпускников учреждений профобразования, обратившихся за содействием в поиске подходящей работы в службу занятости города Москвы в 2009–2010 годах, чел.

Показатели	2009 год	2010 год
Выпускники, всего	7 831	6 609
из них:		
прошедшие обучение по программам НПО	1 043	685
прошедшие обучение по программам СПО	1 919	1 610
прошедшие обучение по программам ВПО	2 736	3 126

подходящей работы в ГУ Центры занятости населения города Москвы в 2009–2011 годах, показал, что наибольшие затруднения при решении вопросов, связанных с трудоустройством, испытывают выпускники учреждений всех уровней профобразования, получившие специальности инженера, учителя, техника, экономиста, юриста-консультанта. Также затруднения при трудоустройстве на работу испытывают операторы ЭВМ, рабочие предприятий общественного питания или пищевой промышленности (буфетчики, кондитеры, официанты, пекари, повара), рабочие слесарных и слесарно-сборочных работ, а также рабочие строительных профессий (маляры, плотники, столяры строительные).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что проблема трудоустройства выпускников учреждений профессионального образования на рынке труда города Москвы не просто существует, но и усугубляется несбалансированностью предложения со стороны образовательных учреждений (объемов и направлений подготовки специалистов) и потребностей рынка труда региона.

В 2010 году из общего числа выпускников, обратившихся за содействием в поиске подходящей работы в службу занятости города Москвы, почти половина – выпускники учреждений высшего профессионального образования. По нашему мнению, в сфере ВПО такая ситуация в значитель-

ной степени обусловлена наличием большого количества коммерческих вузов (59,3 % от общего числа вузов), а также государственных и негосударственных филиалов, которые, как правило, готовят выпускников исходя из имеющегося спроса у населения (последний носит скорее психологический, чем рациональный характер). Как показывает практика, большинство абитуриентов, потенциальных потребителей образовательных услуг, сегодня делают свой выбор в пользу специальностей, относящихся к гуманитарному и социально-экономическому профилю. Кроме того, в государственных образовательных учреждениях по этим же специальностям активно идет процесс развития платных образовательных услуг, оказываемых сверх установленных контрольных цифр приема, что еще более усугубляет ситуацию и негативно сказывается на соотношении предложения со стороны учреждений профессионального образования и потребностей, существующих на рынке труда региона.

Статья подготовлена в рамках выполнения Государственного контракта № 12/11-4к от 14 октября 2011 года на оказание услуг по прогнозированию потребностей экономики города Москвы в трудовых ресурсах с периодичностью, учитывающей длительность циклов подготовки специалистов в системе образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Комплексная программа развития начального и среднего профессионального образования города Москвы на 2011–2015 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.niirpo.ru/docs/normativbaza/kpr-28.02.2011.doc>
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 19 сентября 1995 г. № 942 «О целевой контрактной подготовке специалистов с высшим и средним профессиональным образованием» / КонсультантПлюс
3. Приказ Министерства образования Российской Федерации от 11 февраля 2002 г. № 393 «О Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года» / КонсультантПлюс
4. Сведения о направлении на работу выпускников, окончивших образовательное учреждение высшего профессионального образования по очной форме обучения / Форма государственной статотчетности № 1-Вуз. М.: ГМЦ Росстата, 2006–2009.
5. Сведения о направлении на работу выпускников, окончивших средние профессиональные учебные заведения по очной форме обучения / Форма государственной статотчетности № 1-техникум. М.: ГМЦ Росстата, 2007–2009.
6. Сведения о численности учащихся образовательных учреждений, реализующих программы начального профессионального образования, по профессиям / Форма государственной статотчетности № 1 (профтех). М.: ГМЦ Росстата, 2002–2010.
7. Сведения об образовательном учреждении, реализующем программы высшего профессионального образования / Форма государственной статистической отчетности № ВПО-1. М.: ГМЦ Росстата, 2010.
8. Сведения об образовательном учреждении, реализующем программы среднего профессионального образования / Форма государственной статистической отчетности № СПО-1. М.: ГМЦ Росстата, 2010.
9. Сведения об образовательных учреждениях, реализующих программы начального профессионального образования / Форма государственной статотчетности № 5 (профтех). М.: ГМЦ Росстата, 2002–2010.

ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ ВАСИЛЬЕВдоктор технических наук, профессор, президент, Петрозаводский государственный университет
*prezident@psu.karelia.ru***ВАЛЕРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ГУРТОВ**доктор физико-математических наук, профессор, директор Центра бюджетного мониторинга, Петрозаводский государственный университет
*vgurt@psu.karelia.ru***ВИКТОРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА ГОЛУБЕНКО**младший научный сотрудник Центра бюджетного мониторинга, Петрозаводский государственный университет
golubenko@psu.karelia.ru

ПЕРЕЧЕНЬ КОМПЕТЕНЦИЙ РАБОТНИКОВ ПРИОРИТЕТНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

В статье выявлены профессионально значимые компетенции, формируемые у выпускников вузов в рамках образовательных программ для приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в РФ: «Информационно-телекоммуникационные системы» и «Индустрия наносистем».

Ключевые слова: профессиональные компетенции, приоритетные направления науки, технологий и техники

Выбор среднесрочных и долгосрочных приоритетов социально-экономического развития страны и их реализация исключительно важны для обеспечения эффективности экономики России. В Российской Федерации в настоящее время приоритетные направления в том или ином виде сформулированы в трех концептуальных документах. В Концепции долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 года (КДР-2020) в качестве приоритетов определены 6 высокотехнологических секторов экономики: авиационная промышленность и двигателестроение, ракетно-космическая промышленность, судостроительная промышленность, радиоэлектронная промышленность, атомный энергопромышленный комплекс, информационно-коммуникационные технологии. Комиссия при Президенте РФ по модернизации и технологическому развитию экономики России выделила 5 ключевых направлений модернизации и технологического развития экономики России: «Энергоэффективность», «Ядерные технологии», «Космос и телекоммуникации», «Фармацевтика», «Стратегические компьютерные технологии и программное обеспечение». Эти приоритеты в интегрированном виде включены в основной нормативный документ – приоритетные направления развития науки, технологий и техники в РФ, утвержденный Указом Президента РФ [8]. Цель выделения приоритетных направлений развития науки, технологий и техники – консолидировать финансовые, материальные и интеллектуальные ресурсы на стратегически значимых точках роста. Основными критериями отбора приоритетных направлений и критических технологий были выбраны обеспечение национальной безопасности, снижение риска техногенных катастроф, ожидаемый вклад в ускорение роста ВВП и повышение кон-

курентоспособности экономики [6]. Приоритетные направления в рамках критических технологий являются главным «локомотивом», обеспечивающим движение страны к инновационной экономике. Указом Президента РФ от 7 июля 2011 года № 899 «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации» определены восемь приоритетных направлений, первые два из которых относятся к сфере национальной безопасности: безопасность и противодействие терроризму; перспективные виды вооружения, военной и специальной техники; индустрия наносистем; информационно-телекоммуникационные системы; науки о жизни; рациональное природопользование; транспортные и космические системы; энергоэффективность, энергосбережение, ядерная энергетика [8]. В структуре приоритетных направлений особо выделены 27 критических технологий, которые могут обеспечить ускоренный подъем экономики страны в посткризисный период, а также служат ориентирами для отечественного научно-технического комплекса с учетом среднесрочных социально-экономических задач развития страны [6]. Реализация новых качественных изменений в структуре экономики в значительной мере определяется наличием квалифицированных кадров, обладающих необходимыми профессиональными компетенциями. Компетенции работников – это способность применять знания, умения и личностные качества для успешной деятельности в определенной области. Согласно существующей классификации компетенций, принято выделять следующие виды [5].

- *Универсальные компетенции* – качества характера, общие способности, мотивация и об-

разцы поведения человека, приводящие или проявляющиеся в эффективной деятельности, которые, в свою очередь, делятся на социально-личностные и общекультурные.

- *Профессиональные компетенции* – способность применять знания, умения и практический опыт для успешной деятельности в определенной профессиональной области, среди которых выделяют: общепрофессиональные, научно-исследовательские, производственно-технологические, проектно-конструкторские.

Для российской экономики последних десятилетий характерен дисбаланс между спросом и предложением по профессионально-квалификационному составу и качеству подготовки специалистов. С точки зрения работодателя, уровень компетентности выпускников системы профессионального образования зачастую не соответствует требованиям современного рабочего места [2]. В то же время формирование перечня профессионально значимых компетенций, которыми должны обладать работники, задача достаточно сложная.

В настоящее время в России существует два вида официальных документов, где в том или ином виде присутствуют перечни и описание компетенций – это федеральные образовательные стандарты (ФГОСы), формируемые Министерством образования и науки РФ [9], и профессиональные стандарты, формируемые Национальным агентством развития квалификаций [7].

В Европейском союзе перечень и описание компетенций приводятся в «European Qualifications Framework», где компетенции отнесены к отраслям экономики [11]. Перечень компетенций для ИКТ сектора приведен в «European Commission Communication on e-Skills» [10]. В США детализация компетенций доведена до уровня профессий. В «Occupational Outlook Handbook» приведены перечни компетенций для 700 профессий, которые отражают специфику профессии в рамках производственной деятельности [12].

Требования к знаниям, умениям и практическому опыту работника, приведенные в профессиональных стандартах, описывают компетенции, которыми должен обладать работник, чтобы успешно выполнять свои должностные обязанности. Логично использовать перечень компетенций из профстандартов для создания ФГОСов и соответствующих образовательных программ, чтобы готовить будущих работников с необходимыми экономике компетенциями. На данный момент разработан 21 профстандарт, а в системе высшего профессионального образования существуют ФГОСы для 138 направлений подготовки для бакалавриата, 119 – для магистратуры, 81 – для моноспециальностей. Из них к приоритетным направлениям в рамках критических технологий относятся 115 направлений подготовки / специальностей, а профстандарты покрыва-

ют только малую часть из них [7]. Небольшое количество разработанных профстандартов обусловлено тем, что формирование перечня востребованных компетенций в профессиональной деятельности, повторим, очень сложная задача [3].

Для того чтобы сформировать более полный перечень профессионально значимых компетенций для приоритетных направлений, предлагается подход, который концептуально описывается следующим образом:

1. Сначала формируется базовый перечень профессиональных компетенций на основе ФГОСов, которые разрабатывались Учебно-методическими объединениями вузов с учетом требований работодателей.
2. Затем этот перечень рассматривается экспертами для уточнения и дополнения значимыми, на их взгляд, профессиональными компетенциями.
3. Уточненный перечень корректируется работодателями.
4. Далее перечень профессиональных компетенций оценивается работниками с точки зрения владения ими и источников получения требуемых знаний, умений и практического опыта.
5. На завершающем этапе перечень востребованных профессиональных компетенций возвращается для включения во ФГОСы и используется для корректировки образовательных программ.

Для апробации описанного выше подхода был сформирован перечень профессионально значимых компетенций, которые получают выпускники системы высшего профессионального образования для двух приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в РФ – «Информационно-телекоммуникационные системы» (ИТС) и «Индустрия наносистем».

Выбор этих приоритетных направлений основан на том, что они ориентированы на перспективные рынки, инновационные продукты и услуги, которые могут быть представлены на этих рынках, а также на разработку технологий, позволяющих получить данные продукты и услуги. Реализация приоритетного направления «Индустрия наносистем» позволит создать новые перспективные материалы, приборы и устройства с низкой материалоемкостью и весом конструкции, что будет способствовать укреплению национальной безопасности, повышению качества жизни, а также активизирует процессы выхода на внешние рынки. Реализация приоритетного направления «Информационно-телекоммуникационные системы» создаст современную национальную информационную инфраструктуру, построенную на базе отечественных производств высокого технологического уровня, что позволит нашему государству выйти на внешние рынки, а также активизировать процессы импортозамещения [6].

Формирование перечня профессионально значимых компетенций для приоритетного направления «Индустрия наносистем» было выполнено в рамках критических технологий в данной области [8]. Отнесение критических технологий к тому или иному приоритетному направлению проводилось экспертным путем. В результате этого были выделены следующие критические технологии, последняя из которых является мультидисциплинарной:

1. Технологии получения и обработки конструкционных наноматериалов.
2. Технологии получения и обработки функциональных наноматериалов.
3. Технологии диагностики наноматериалов и наноустройств.
4. Технологии наноустройств и микросистемной техники.
5. Компьютерное моделирование наноматериалов, наноустройств и нанотехнологий.
6. Нано-, био-, информационные, когнитивные технологии.

Далее на основании перечня направлений подготовки высшего профессионального образования РФ и Общероссийского классификатора специальностей по образованию ОК 009-2003 методом экспертной оценки определялась принадлежность направления подготовки и специальности приоритетному направлению «Индустрия наносистем».

На основании анализа Федеральных государственных образовательных стандартов по профильным направлениям подготовки бакалавров / магистров и специальностей ВПО был составлен перечень компетенций для приоритетного направления «Индустрия наносистем» в разрезе четырех основных групп: общепрофессиональные, научно-исследовательские, производственно-технологические и проектно-конструкторские компетенции. Следует отметить, что для бакалавров и магистров компетенции, которыми они должны обладать для работы в профильном секторе экономики, одинаковы. Отличие заключается лишь в их квалификации – степени (уровне) профессиональной обученности работника [5]. Перечень профессиональных компетенций приоритетного направления «Индустрия наносистем» насчитывал более трехсот записей. Некоторые компетенции из этого перечня повторялись как буквально, так и с точки зрения синонимичности, тождественности смысловой нагрузки. Поэтому экспертным путем с использованием ключевых морфем внутри каждой группы был сформирован перечень из 20 уникальных компетенций, отсортированных по убыванию частоты вхождения во ФГОСы. С учетом этого в группу *общепрофессиональных компетенций* входят следующие:

- готовность учитывать современные тенденции развития электроники, измерительной и вычислительной техники, информационных

технологий в своей профессиональной деятельности;

- использование знаний о строении вещества, природе химической связи в различных классах химических соединений для понимания свойств материалов и механизма химических процессов, протекающих в окружающем мире;
- способность выявлять естественно-научную сущность проблем, возникающих в ходе профессиональной деятельности, привлекать для их решения соответствующий физико-математический аппарат;
- способность владеть основными методами организации безопасности жизнедеятельности производственного персонала и населения, их защиты от возможных последствий аварий, катастроф, стихийных бедствий.

Научно-исследовательские компетенции:

- способность осуществлять сбор и анализ научно-технической информации, обобщать отечественный и зарубежный опыт в сфере биотехнических систем и технологий, в области электроники и нанoeлектроники, проводить анализ патентной литературы;
- готовность формировать презентации, научно-технические отчеты по результатам выполненной работы, оформлять результаты исследований в виде статей и докладов на научно-технических конференциях;
- способность идентифицировать новые области исследований, новые проблемы в сфере профессиональной деятельности;
- способность применять современные методы исследования физико-технических объектов, процессов и материалов, проводить стандартные и сертификационные испытания технологических процессов и изделий с использованием современных аналитических средств технической физики.

Производственно-технологические компетенции:

- готовность работать на современном технологическом оборудовании, используемом в производстве материалов и компонентов нано- и микросистемной техники;
- способность использовать технические средства для определения, измерения и контроля основных параметров технологического процесса, изучения свойств физико-технических объектов, изделий и материалов;
- владение навыками использования традиционных и новых технологических процессов, операций, оборудования, нормативных и методических материалов по технологической подготовке производства, качеству, стандартизации и сертификации изделий и процессов с элементами экономического анализа и учетом правил техники безопасности, производственной санитарии, пожарной безопасности и норм охраны труда;

- готовность обосновывать принятие конкретного технического решения при разработке технологических процессов и изделий, выбирать технические средства и технологии с учетом экономических и экологических последствий их применения.

Проектно-конструкторские компетенции:

- владение методами безопасного обращения с химическими материалами с учетом их физических и химических свойств, способность проводить оценку возможных рисков;
- способность применять современные программные средства для разработки и редакции проектной и технологической документации, владеть элементами инженерной и компьютерной графики;
- способность в составе коллектива исполнителей участвовать в эксплуатации и техническом обслуживании технологических систем, используемых при производстве наноматериалов, изделий на их основе, контроле качества оборудования;
- готовность и способность рассчитывать, проектировать и конструировать в соответствии с техническим заданием типовые системы, приборы, детали и узлы техники на схематехническом и элементном уровнях, в том числе с использованием стандартных средств компьютерного проектирования.

Для приоритетного направления «Индустрия наносистем», включающего в себя различные виды экономической деятельности, профессиональные стандарты не разработаны. РОСНАНО для отдельных видов производств разработало перечень востребованных компетенций и образовательные программы переподготовки и повышения квалификации, обеспечивающие эти компетенции [3]. Сравнительный анализ компетенций, описанных во ФГОСах, и компетенций для отдельных видов производств показывает более высокий уровень детализации последних.

Аналогичный алгоритм определения профессионально значимых компетенций был применен для приоритетного направления «**Информационно-телекоммуникационные системы**» [1]. Его профессиональные компетенции включают:

Общепрофессиональные компетенции:

- способность использовать основные естественно-научные законы, применять математический аппарат в профессиональной деятельности, выявлять сущность проблем, возникающих в ходе профессиональной деятельности;
- способность учитывать современные тенденции развития информатики и вычислительной техники, компьютерных технологий в своей профессиональной деятельности;
- способность организовывать и поддерживать выполнение комплекса мер по информационной безопасности, управлять процессом их реализации с учетом решаемых задач и орга-

низационной структуры объекта защиты, внешних воздействий, вероятных угроз и уровня развития технологий защиты информации;

- способность использовать языки, системы и инструментальные средства программирования в профессиональной деятельности.

Научно-исследовательские компетенции:

- способность готовить обзоры научной литературы и электронных информационно-образовательных ресурсов для профессиональной деятельности;
- умение готовить презентации, оформлять научно-технические отчеты по результатам выполненной работы, публиковать результаты исследований в виде статей и докладов на научно-технических конференциях;
- способность передавать результат проведенных физико-математических и прикладных исследований в виде конкретных рекомендаций, выраженных в терминах предметной области изучавшегося явления;
- способность приобретать новые научные и профессиональные знания, используя современные образовательные и информационные технологии.

Производственно-технологические компетенции:

- способность решать задачи производственной и технологической деятельности на профессиональном уровне, включая разработку алгоритмических и программных решений в области системного и прикладного программирования;
- способность применять технологии обеспечения информационной безопасности телекоммуникационных систем и нормы их интеграции в государственную и международную информационную среду;
- умение организовать и осуществить систему мероприятий по охране труда и технике безопасности в процессе эксплуатации, технического обслуживания и ремонта телекоммуникационного оборудования;
- способность использовать технические, программные средства и языки программирования для разработки алгоритмов и программ в области интеллектуального анализа данных, интеллектуальных и информационных систем.

Проектно-конструкторские компетенции:

- способность проектировать и разрабатывать автоматизированные информационно-аналитические системы, прикладные средства современных информационных технологий;
- способность проводить сбор и анализ исходных данных для проектирования систем защиты информации;
- способность использовать метод системного моделирования при исследовании и проектировании программных систем;

- способность формировать рабочую техническую документацию с учетом действующих нормативных и методических документов в области безопасности информации.

В заключение следует отметить, что в результате проведенного исследования был получен перечень из восьмидесяти наиболее значимых профессиональных компетенций для двух приоритетных направлений развития науки, техники и технологий РФ «Индустрия наносистем» и «Информационно-телекоммуникационные системы», структурированный по четырем группам.

Перечень компетенций формировался на основе ФГОСов с использованием матриц соответствия «виды экономической деятельности – направления подготовки / специальности». Далее полученный перечень профессиональных компетенций планируется откорректировать с учетом мнения работодателей ведущих предприятий наноиндустрии и IT-сектора. Это позволит определить,

насколько подготовка выпускников вузов в соответствии с действующими ФГОСами обеспечивает приоритетные отрасли экономики специалистами, обладающими необходимыми знаниями, умениями и практическим опытом для успешной профессиональной деятельности, а также послужит базой для корректировки образовательных программ.

Предлагаемая методика может быть использована для определения перечня профессионально значимых компетенций как для приоритетных направлений развития науки, технологий и техники РФ, так и для других видов экономической деятельности.

Исследование проводилось в рамках выполнения ГК от 29 июня 2011 г. № 13.511.11.1002 по теме «Исследование долгосрочного спроса на кадры, обладающие компетенциями в сфере технологических инноваций».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гуртов В. А., Голубенко В. А. Профессионально-значимые компетенции выпускников вузов, соответствующие профилю деятельности IT-сектора // Информационная среда вуза XXI века: Материалы V Междунар. науч.-практ. конф. (26–30 сентября 2011 года). Петрозаводск, 2011. С. 67–70.
2. Гуртов В. А., Серова Л. М., Степуть И. С. Прогнозирование потребности высокотехнологичных секторов экономики в кадрах с высшим профессиональным образованием. М.: ФИРО, 2010. Вып. 8. 85 с.
3. Дайджест образовательных программ и проектов РОСНАНО [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rusnano.com/Document.aspx/Download/31997>
4. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/strategicplanning/concept/doc1248450453794>
5. Потемкин В. К. Управление персоналом: Учебник для вузов. СПб.: Питер, 2010. 432 с.
6. Пояснительная записка к Указу Президента РФ от 7 июля 2011 г. № 899 «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mon.gov.ru/dok/npa/prez/8479/>
7. Профессиональные стандарты [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nark-rspp.ru/index.php/lang-ru/professional-standards/national-register-.htm>
8. Указ Президента РФ от 7 июля 2011 г. № 899 «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=116178>
9. Федеральные государственные образовательные стандарты [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mon.gov.ru/pro/fgos/>
10. European Commission Communication on e-Skills [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ec.europa.eu/enterprise/sectors/ict/files/comm_pdf_com_2007_0496_f_en_acte_en.pdf
11. European Qualifications Framework [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ond.vlaanderen.be/hogeronderwijs/bologna/news/EQF_EN.pdf
12. Occupational Outlook Handbook, 2010-11 Edition [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.bls.gov/oco/oonh_index.htm

НАТАЛЬЯ ЮРЬЕВНА ЕРШОВА

кандидат физико-математических наук, доцент кафедры информационно-измерительных систем и физической электроники физико-технического факультета, Петрозаводский государственный университет
ershova@karelia.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА ПРИ ПОДГОТОВКЕ ИНЖЕНЕРНЫХ КАДРОВ В ОБЛАСТИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В статье рассмотрены особенности разработки компетентностно-ориентированных рабочих программ образовательных модулей. Предложен алгоритм действий, направленных на реализацию компетентностного подхода в процессе подготовки инженерных кадров в области информационных технологий.

Ключевые слова: компетентностный подход, компетентностно-ориентированные рабочие программы

В последнее время всесторонне обсуждается проблема качества инженерного образования. Перед системой высшего профессионального образования ставится задача подготовки высококвалифицированных, конкурентоспособных на рынке интеллектуального труда специалистов, ориентированных на разработку и внедрение высоких технологий. В условиях развитого информационного общества эта задача определяет новые требования к качеству инженерного образования, прежде всего в области информационных технологий. Примечательно, что одними из первых на требования общества откликнулись работодатели в сфере информационных технологий, представив в терминах компетенций профессиональные стандарты, удовлетворяющие потребностям современного производства по десяти востребованным на рынке труда профессиям: администратор баз данных, менеджер информационных технологий, менеджер по продажам решений и сложных технических систем, программист, системный аналитик, системный архитектор, специалист по информационным системам, специалист информационной безопасности, специалист по информационным ресурсам, специалист по системному администрированию [8].

Компетентностный подход реализован и в Федеральных государственных образовательных стандартах (ФГОС) высшего профессионального образования. В ФГОС вводится понятие компетенции как способности применять знания, умения и личностные качества для успешной деятельности в определенной области и выделяются компетенции общекультурные (ОК) и профессиональные (ПК). В структуре основной образовательной программы (ООП) нового поколения в каждом цикле обучения выделяют базовую и вариативную части. При этом если в базовой части иногда указаны названия образовательных модулей, а содержательное наполнение по определенному направлению подготовки является прерогативой вуза, то в вариативной части и тема-

тическое, и содержательное наполнение программ отдано вузам. Поэтому именно рабочие программы дисциплин составляют содержательный базис компетентностно-ориентированных ООП.

При разработке рабочей программы образовательного модуля преподаватель, анализируя компетенции направления обучения, должен обозначить те компетенции, на формирование которых ориентирован учебный процесс. При этом рекомендуется разделять основные компетенции модуля, формируемые в процессе изучения дисциплины через результаты обучения в виде знаний, умений и навыков на основе предметного содержания модуля, и сопутствующие компетенции, формируемые дополнительно к основным как результаты применения соответствующих технологий преподавания и не связанные с предметным содержанием модуля [5]. Например, в процессе изучения дисциплины «История развития информационных систем и технологий» вариативной части гуманитарного, социального и экономического цикла ООП бакалавриата направления 230100 «Информатика и вычислительная техника» согласно ее содержательному наполнению формируются следующие основные *общепрофессиональные компетенции*:

- способность осознавать сущность и значение информации в развитии современного общества; владеть основными методами, способами и средствами получения, хранения, переработки информации (ОК-11);
- способность применять навыки работы с компьютером как средством управления информацией (ОК-12);
- способность работать с информацией в глобальных компьютерных сетях (ОК-13).

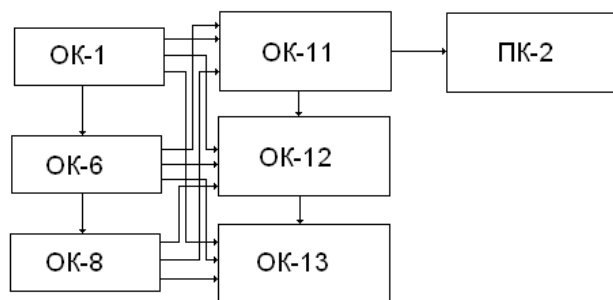
Одновременно формируются и перечисленные ниже *сопутствующие компетенции*:

- способность к обобщению, анализу, восприятию информации, постановке цели и выбору путей ее достижения, владение культурой мышления (ОК-1);

- способность к саморазвитию, повышению своей квалификации и профессионального мастерства (ОК-6);
- осознание социальной значимости своей будущей профессии, высокая мотивация к выполнению профессиональной деятельности (ОК-8).

Эти компетенции формируются вследствие использования в процессе обучения таких педагогических технологий, как представление и защита электронных презентаций, подготовленных студентами по заданной тематике, деловая игра «Шесть шляп мышления», девизом которой стали слова Эдварда де Боно: «Какую шляпу на себя наденем, такую мысль в ней и породим!», и т. д.

Дисциплина «История развития информационных систем и технологий» кроме общекультурных закладывает основы и профессиональной компетенции бакалавров – способности осваивать методики использования программных средств для решения практических задач (ПК-2) (см. рисунок).

Причинно-следственные связи между результатами освоения компетенций выпускника в дисциплине «История развития информационных систем и технологий»

Компетентностно-ориентированную рабочую программу образовательного модуля отличает та особенность, что в ней кроме содержания модуля, форм и методов преподавания и обучения преподаватель должен заявить средства и способы оценивания результатов освоения данной программы. При этом нужно задать и ожидаемый уровень освоения компетенций студента по дисциплине. Создание единого общеузовского или факультетского тарификатора, задающего дескрипторы уровней знаний, умений, навыков, существенно облегчает работу преподавателя. Например, в Санкт-Петербургском государственном университете информационных технологий, механики и оптики предложена таксономическая таблица результатов обучения, задающая дескрипторы уровней знаний:

- знание-знакомство – 31,
- знание-копия – 32,
- знание-продукция (аналитические знания) – 33,
- знание-трансформация (системные знания) – 34,

дескрипторы уровней умений:

- первичные умения – У1,
- репродуктивные умения – У2,
- продуктивные умения (умелая деятельность) – У3,
- исследовательские умения – У4

и дескрипторы уровней личностных качеств:

- безответственность – 0,
- ответственность – СЛ1,
- инициативная ответственность – СЛ2

с подробным описанием заданных уровней [5].

Используя эти дескрипторы, преподаватель может задать уровни освоения компетенций дисциплины, необходимые для получения соответствующей итоговой оценки: «удовлетворительно», «хорошо» или «отлично». Так, планируемые результаты освоения образовательного модуля «Информатика» базовой части математического и естественно-научного цикла бакалавриата направления 230100 «Информатика и вычислительная техника» для формирования основной общекультурной компетенции – способности осознавать сущность и значение информации в развитии современного общества; владеть основными методами, способами и средствами получения, хранения, переработки информации (ОК-11) – могут быть заданы:

- «удовлетворительно» – 31, У1, СЛ1;
- «хорошо» – 33, У3, СЛ1;
- «отлично» – 34, У4, СЛ2.

Для направления подготовки 040400 «Социальная работа» уровни освоения модуля «Информатика» можно задать в дескрипторах:

- «удовлетворительно» – 32, У2, СЛ1;
- «хорошо» – 32, У2, СЛ1;
- «отлично» – 33, У3, СЛ2.

Реализация компетентностного подхода приводит и к перестраиванию системы контроля на основе введения в учебный процесс компетентностно-ориентированных заданий. С этим требованием хорошо согласуется использование балльно-рейтинговой системы (БРС) оценки результатов обучения. Для оценивания достижений студентов, как правило, используется текущий, промежуточный и рубежный (итоговый) контроль. Разработчик рабочей программы дисциплины должен при первой встрече со студентами подробно объяснить принципы распределения баллов. Студенты должны знать, какие критерии оценки использует преподаватель, когда, как и по каким темам будут проводиться тестирование и контроль выполнения самостоятельной работы, какой суммой баллов будет оцениваться тот или иной вид их деятельности. При этом важно формировать личностные качества студентов, стимулируя ответственное отношение к учебе, учитывая, например, количество попыток при сдаче тестов, домашних заданий, отчетов по лабораторным работам (см. таблицу).

На физико-техническом факультете (ФТФ) Петрозаводского государственного университета (ПетрГУ) в составе комплекса многоплановой поддержки образовательного процесса ФТФ ПетрГУ, разработанного и поддерживаемого коллективом студентов и сотрудников кафедры информационно-измерительных систем и физической электроники, эксплуатируется автоматизированная система «Кондуиты» – электронный учет текущей посещаемости и успеваемости студентов с балльно-рейтинговой оценкой всех видов деятельности. В системе «Кондуиты» интегрированы система регистрации и единой удаленной сквозной авторизации студентов и система онлайн-тестирования знаний студентов (iq.karelia.ru), что обеспечивает регулярность и оперативность контроля и позволяет студентам спрогнозировать успешность освоения той или иной темы или вида работ [2].

В настоящее время первоочередной задачей, стоящей перед преподавателями, является разработка в рамках компетентного подхода средств, оценивающих результаты обучения, поскольку за исключением отчетов по практикам, курсовых работ и научно-исследовательской деятельности ни одна из традиционных форм контроля не позволяет достаточно полно оценить степень сформированности какой-либо компетенции. Как правило, по мере изучения образовательных модулей проверяются знания, умения, навыки и освоение компетенций конкретной дисциплины, а профессиональные компетенции выпускника целесообразнее оценивать на этапе итоговой аттестации [3]. При этом собственно результаты образования признаются важными после окончания обучения, следовательно, уже сегодня необходимо сформировать перечень профессионально значимых компетенций, которые будут востребованы инновационной экономикой России [1].

Анализируя актуальные компетенции выпускников в области информационных технологий по разным источникам [4], [7], [1], [8], [9], можно сформировать перечень значимых общекультурных компетенций, таких как:

- способность и готовность к непрерывному образованию, постоянному совершенствованию, выявлению сущности проблем, возни-

кающих в ходе профессиональной деятельности, переобучению и самообучению, профессиональной мобильности;

- умение проводить обучение и консультирование;
- способность учитывать современные тенденции развития информатики и вычислительной техники, компьютерных и критических технологий в профессиональной деятельности;
- способность организовывать и поддерживать выполнение комплекса мер по информационной безопасности, управлять процессом их реализации с учетом решаемых задач и организационной структуры объекта защиты, внешних воздействий, вероятных угроз и уровня развития технологий защиты информации;
- умение работать самостоятельно и способность эффективно работать в команде, готовность к работе в высококонкурентной среде, способность управлять проектами;
- широкое владение иностранными языками, включая способность к свободному бытовому, деловому и профессиональному общению на английском языке.

Составить перечень профессионально значимых компетенций выпускников в области информационных технологий, востребованных работодателем через 5–10 лет, гораздо сложнее. Здесь необходимо учитывать не только заявленные в профессиональных стандартах компетенции, которыми сегодня должен обладать работник для успешного занятия профессиональной деятельностью, но и перспективы развития информационных и критических технологий, чтобы выпускник был востребован на рынке труда завтра. Подспорьем в этом направлении являются типовые образовательные программы (ТОП) от вендоров программного обеспечения и технологий. В настоящее время выполняются проекты по созданию ТОП компаниями Cisco, Microsoft и Лабораторией Касперского совместно с Московским государственным техническим университетом им. Н. Э. Баумана [6].

Таким образом, реализация компетентного подхода в процессе подготовки инженерных кадров в области информационных технологий предполагает следующий алгоритм действий:

Расчет рейтинга по дисциплине «Операционные системы» (практика)
(2011/12 уч. год, I семестр)

№ п/п	Вид деятельности	Балл	Штрафные санкции	Примечания
1	Посещение занятия	1	–1 (прогул)	
2	Отчет по лабораторной работе	1–5	Отчет по лабораторным работам должен быть сдан в течение 2 недель с даты, обозначенной в кондуите. В противном случае – штраф 1 балл за каждую просроченную неделю	Для программ и скриптов составляется программная документация по ГОСТ-19 (ЕСПД) (http://dfe.karelia.ru/koi/teaching/soft_rules.html)
3	Программа или скрипт	1–10		
Условие допуска к экзамену: все контрольные точки должны быть заполнены и рейтинг должен быть не меньше 80 баллов				

1. Разработка основной образовательной программы по направлению подготовки в рамках компетентностной модели выпускника с учетом рекомендаций работодателей, с ориентацией на профессионально значимые компетенции, которые будут востребованы инновационной экономикой России через 5–7 лет для формирования обратной связи с системой подготовки и переподготовки кадров [1].
 2. Создание компетентностно-ориентированных рабочих программ образовательных модулей с указанием формируемых модулем основных и сопутствующих общекультурных и профессиональных компетенций.
 3. Определение уровней освоения компетенций выпускника в дисциплине по единому тарификатору результатов обучения, задающему дескрипторы уровней знаний, умений и личностных качеств.
 4. Формирование банка средств, оценивающих результаты обучения.
 5. Использование в отзыве научного руководителя и рецензии на защищаемую выпускную работу терминологии общекультурных и профессиональных компетенций, перечисленных в соответствующих стандартах [9].
- Введение компетентностного подхода затрагивает все компоненты образовательного процесса, требует существенного пересмотра содержания, педагогических технологий, методов и способов обучения, интеграции учебной и исследовательской работы. Следовательно, высшей школе необходимы сегодня компетентные преподаватели, умеющие сочетать традиционные методы и средства проверки знаний, умений, навыков и инновационные подходы, ориентированные на комплексную оценку формирующихся компетенций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гуртов В. А., Голубенко В. А. Профессионально-значимые компетенции выпускников вузов, соответствующие профилю деятельности ИТ-сектора // Информационная среда вуза XXI века: Материалы V Междунар. науч.-практ. конф., 26–30 сентября 2011 г. Петрозаводск, 2011. С. 67–70.
2. Ершова Н. Ю., Кипрушкин С. А., Соловьев А. В. Практика использования современных педагогических технологий в преподавании компьютерных дисциплин // Открытое и дистанционное образование. 2010. № 1 (37). С. 43–49.
3. Ершова Н. Ю., Курсков С. Ю., Штыков А. С. Компетентностный подход в проектировании и реализации научно-исследовательской деятельности будущих инженеров // Наука и образование (МГТУ им. Н. Э. Баумана). 2011. № 9 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://technomag.edu.ru/doc/212355.html>
4. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.economy.gov.ru/minrec/activity/sections/strategicplanning/concept/doc1248450453794>
5. Лисицына Л. С., Лямин А. В., Шехонин А. А. Разработка рабочих программ дисциплин (модулей) в составе основных образовательных программ, реализующих ФГОС ВПО: Метод. пособие. СПб.: СПбГУ ИТМО, 2011. 63 с.
6. Открытая система интеграции образовательных ресурсов ИКТ-вендоров в основные и дополнительные образовательные программы вузов (СИОР ИКТ) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://technical.bmstu.ru/LTEP/Projects/TOP/index.htm>
7. Пояснительная записка к Указу Президента РФ от 7 июля 2011 г. № 899 «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mon.gov.ru/dok/npa/prez/8479/>
8. Профессиональные стандарты в области информационных технологий. М.: ФП КИТ, 2008. 616 с.
9. Федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) по специальностям и направлениям обучения ПетрГУ [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://petersu.karelia.ru/Abit/doc_FGOS/index.html

АНДРЕЙ ГЕРМАНОВИЧ КОРОВКИН

доктор экономических наук, заведующий лабораторией прогнозирования трудовых ресурсов, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН
akor@ecfor.ru

ИРИНА НИКОЛАЕВНА ДОЛГОВА

кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории прогнозирования трудовых ресурсов, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН
ecfor1809@mail.ru

ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА ЕДИНАК

младший научный сотрудник лаборатории прогнозирования трудовых ресурсов, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН
ecfor1809@mail.ru

ИВАН БОРИСОВИЧ КОРОЛЕВ

старший научный сотрудник лаборатории прогнозирования трудовых ресурсов, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН
ecfor1809@mail.ru

ОЦЕНКА ПЕРСПЕКТИВНОЙ ДИНАМИКИ ЗАНЯТОСТИ И РЫНКА ТРУДА РФ

В статье рассматривается перспективная динамика российского рынка труда при сохранении сложившихся в ретроспективе тенденций. Даются оценки перспективной нехватки рабочей силы при различных соотношениях темпов роста ВВП и производительности труда. Обсуждаются возможности повышения эффективности использования рабочей силы в России.

Ключевые слова: рынок труда, ретроспективные тенденции, дефицит рабочей силы, эффективность

Состояние сферы занятости и рынка труда в России в значительной степени определяется сложившимися демографическими тенденциями. В связи с этим при прогнозировании перспективной динамики основных параметров занятости и рынка труда актуальны оценка перспективной динамики занятости и рынка труда, анализ возможностей возникновения нехватки рабочей силы и поиск путей повышения эффективности ее использования.

Оценка перспективной динамики занятости и рынка труда. Сохранение сформировавшихся за истекший период в сфере занятости и на рынке труда РФ тенденций представляет собой инерционный, пассивный вариант развития сферы занятости и рынка труда. Их исследование (рассматриваемые периоды: 1998–2010 и 2002–2010 годы) в методологии баланса трудовых ресурсов позволяет характеризовать ситуацию следующим образом (табл. 1, 2). Численность трудовых ресурсов к 2025 году сокращается (по сравнению с 2010 годом) на 10,0–10,5 %. Численность занятого населения в прогнозном периоде заметно сокращается, причем более интенсивно, чем численность трудовых ресурсов.

Падает доля занятого российского населения в трудоспособном возрасте, то есть численность занятого населения активных возрастов сокращается более интенсивными темпами, чем общая численность занятого населения. В структуре трудовых ресурсов доля занятого населения в трудоспособном возрасте сокращается с 65,2 %

в 2010 году до 59,2–61,6 % в 2025 году. Численность занятого российского населения старше трудоспособного возраста заметно возрастает. Общая численность работающих пенсионеров (по старости) в соответствии с полученными оценками может составить в 2025 году 5,8–6,5 млн человек. Сформировавшиеся в разные временные периоды тенденции изменения численности работающих пенсионеров по старости непротиворечивы и несколько различаются только оценкой роста численности этой группы.

Сохранение сложившихся в базовом периоде тенденций приводит к увеличению численности иностранных трудовых мигрантов и их доли в общей численности занятого населения. Это, прежде всего, следствие значительного роста численности иностранных трудовых мигрантов в период 2002–2008 годов. В этот период постоянно пересматривались в сторону увеличения размеры квот на выдачу разрешений на привлечение иностранной рабочей силы. Инерция развития, характерная для тенденций 2002–2010 годов, приводит к несколько более существенному увеличению численности иностранных трудовых мигрантов. Несмотря на значительное сокращение потребности в иностранной рабочей силе в период финансово-экономического кризиса 2008–2009 годов, инерция уже сложившихся тенденций может быть оценена как высокая. Кроме того, рост численности занятых в экономике иностранных граждан в перспективе может быть связан с «выходом из тени» части нелегальных

Таблица 1

Инерционная оценка перспективной структуры занятого населения по видам экономической деятельности, в % к 2010 году, тенденции (1998–2010)

	2011	2012	2013	2014	2015	2020	2025
Занятые в экономике	101,1	100,6	100,6	100,6	100,6	100,5	100,3
Раздел А. Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	98,2	97,7	97,7	97,7	97,7	97,7	97,6
Раздел В. Рыболовство, рыбоводство	100,4	100,0	100,0	99,9	99,9	99,7	99,6
Раздел С. Добыча полезных ископаемых	99,5	99,1	99,0	99,0	99,0	98,9	98,8
Раздел D. Обрабатывающие производства	99,7	99,3	99,3	99,3	99,3	99,2	99,1
Раздел E. Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	101,0	100,5	100,5	100,5	100,5	100,4	100,2
Раздел F. Строительство	101,7	101,2	101,1	101,1	101,0	100,8	100,6
Раздел G. Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	102,8	102,3	102,2	102,1	102,0	101,6	101,3
Раздел H. Гостиницы и рестораны	102,3	101,8	101,8	101,7	101,6	101,3	101,1
Раздел I. Транспорт и связь	101,2	100,8	100,7	100,7	100,7	100,5	100,4
Раздел J. Финансовая деятельность	103,4	102,9	102,7	102,6	102,5	102,0	101,6
Раздел K. Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	101,5	101,1	101,0	101,0	100,9	100,8	100,6
Раздел L. Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение	102,2	101,8	101,7	101,6	101,6	101,3	101,1
Раздел M. Образование	100,6	100,1	100,1	100,1	100,1	100,0	99,9
Раздел N. Здравоохранение и предоставление социальных услуг	101,2	100,8	100,7	100,7	100,7	100,6	100,4
Раздел O. Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	102,0	101,5	101,5	101,4	101,4	101,1	100,9
Раздел P. Предоставление услуг по ведению домашнего хозяйства	104,5	103,7	103,4	103,1	102,9	102,0	101,3
Раздел Q. Деятельность экстерриториальных организаций	107,1	106,0	105,5	105,0	104,6	103,1	102,1

трудовых мигрантов. Соответственно, даже при условии реализации ограничительной внешней миграционной политики можно ожидать увеличения числа занятых иностранных трудовых мигрантов.

По оценкам, численность учащихся в трудоспособном возрасте, обучающихся с отрывом от работы, заметно сокращается (на 10–20 %). Структура занятого населения по видам экономической деятельности претерпевает значительные изменения. Все виды экономической деятельности можно условно с некоторыми исключениями разделить на две неравные группы: в одних видах экономической деятельности численность занятого населения заметно падает, в других – интенсивно растет. В структуре занятости по видам занятий наблюдается сокращение удельного веса занятий, не требующих высокого уровня квалификации. Этот вывод справедлив как при рассмотрении тенденций 1998–2010 годов, так и при учете более современных тенденций.

Наряду с инерционным прогнозом может быть осуществлен и факторный прогноз численности занятого населения с использованием сценарных условий МЭР РФ по видам экономической деятельности (табл. 3). Опыт предыдущих исследо-

ваний показывает, что для этого могут быть использованы односекторные и многосекторные модели согласования спроса на рабочую силу [2], [4]. Предварительные результаты расчетов с использованием многосекторной модели, реализованной для 17 видов экономической деятельности, в целом согласуются с полученными по инерционному варианту оценками.

Оценка масштабов перспективной нехватки рабочей силы. При такой оценке целесообразно рассмотреть три качественно разные ситуации в зависимости от соотношения темпов роста ВВП и темпов роста производительности труда [5]. Если темпы роста ВВП превышают темпы роста производительности труда, то имеет место ситуация экстенсивного экономического роста и увеличения спроса на рабочую силу. Если эти темпы приблизительно соответствуют друг другу, то спрос на рабочую силу остается неизменным. Наконец, когда темпы производительности труда выше темпов роста ВВП, спрос на рабочую силу в экономике будет сокращаться. Принимая различные предположения о соотношении темпов роста ВВП и темпов роста производительности труда в перспективе, получаем оценки перспективной динамики спроса на рабочую силу.

Таблица 2

Инерционная оценка перспективной структуры занятого населения по видам экономической деятельности, в % к 2010 году, тенденции (2002–2010)

	2011	2012	2013	2014	2015	2020	2025
Занятые в экономике, всего	101,0	100,5	100,5	100,5	100,5	100,4	100,3
Раздел А. Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	98,0	97,6	97,6	97,6	97,6	97,5	97,4
Раздел В. Рыболовство, рыбоводство	102,0	101,5	101,4	101,4	101,3	101,0	100,7
Раздел С. Добыча полезных ископаемых	98,9	98,5	98,5	98,5	98,5	98,4	98,3
Раздел D. Обрабатывающие производства	99,1	98,6	98,6	98,6	98,6	98,6	98,5
Раздел E. Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	100,8	100,3	100,3	100,3	100,3	100,2	100,1
Раздел F. Строительство	102,1	101,7	101,6	101,5	101,5	101,2	100,9
Раздел G. Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	102,6	102,1	102,1	102,0	101,9	101,6	101,3
Раздел H. Гостиницы и рестораны	102,2	101,7	101,7	101,6	101,6	101,3	101,1
Раздел I. Транспорт и связь	101,1	100,7	100,7	100,7	100,6	100,5	100,4
Раздел J. Финансовая деятельность	104,2	103,6	103,4	103,2	103,1	102,4	101,9
Раздел K. Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	101,3	100,9	100,8	100,8	100,8	100,6	100,5
Раздел L. Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение	102,4	102,0	101,9	101,8	101,8	101,5	101,2
Раздел M. Образование	100,4	100,0	100,0	100,0	100,0	99,9	99,8
Раздел N. Здравоохранение и предоставление социальных услуг	101,4	100,9	100,9	100,9	100,9	100,7	100,6
Раздел O. Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	101,9	101,4	101,4	101,3	101,3	101,1	100,9
Раздел P. Предоставление услуг по ведению домашнего хозяйства	106,3	105,3	104,8	104,3	104,0	102,6	101,7
Раздел Q. Деятельность экстерриториальных организаций	102,1	101,6	101,5	101,4	101,3	101,0	100,6

Например, если темпы роста ВВП составляют 107 %, а темпы роста производительности труда – около 107,5 %, то темп изменения спроса на рабочую силу меньше единицы и составляет 0,995.

Приняв ряд гипотез о перспективной динамике численности нетрудоспособного населения в трудоспособном возрасте, численности учащихся трудоспособного возраста, численности трудоспособного населения, не занятого в экономике, при заданном экзогенно варианте демографического прогноза получаем оценку предложения отечественной рабочей силы в трудоспособном возрасте.

Эту величину корректируем на оценку перспективной численности занятого населения в возрасте старше и младше трудоспособного возраста (исходя из экспертной оценки уровня экономической активности людей соответствующих возрастов). Получаем оценку величины предложения отечественной рабочей силы. Сравнение величин спроса на рабочую силу и ее предложения показывает наличие или отсутствия нехватки отечественной рабочей силы. Расчеты при предположении о сохранении в перспективе инерционных тенденций двух разных по продолжительности периодов представлены в табл. 4. В случае воз-

никновения дефицита он может быть компенсирован за счет привлечения иностранной рабочей силы. Общий вывод состоит в том, что только большие по сравнению с темпами роста ВВП темпы роста производительности труда позволяют обеспечить количественное соответствие спроса и предложения рабочей силы в экономике России. Уже при неизменном в перспективе спросе на рабочую силу возникает ее дефицит. Он будет умеренным при условии эффективного процесса согласования спроса на рабочую силу и ее предложения и низкого естественного уровня безработицы. В противном случае на рынке труда будет сосуществовать и ощутимый дефицит рабочей силы, и заметная безработица.

Для покрытия дефицита рабочей силы в случае экстенсивного экономического роста потребуются значительная численность трудовых мигрантов. При неизменной величине перспективного спроса на рабочую силу (соотношение темпов роста производительности труда и темпов роста ВВП – единица) инерционная оценка показывает наличие дефицита рабочей силы в размере 11,3–12,6 млн человек. Только при условии заметного превышения темпов роста производительности труда над темпами роста ВВП дефи-

Таблица 3

Оценка перспективной динамики занятого населения в структуре видов экономической деятельности, на основе факторного прогноза, в % к 2010 году

	2011	2012	2013	2014	2015
Занятые в экономике, всего	100,3	100,3	100,4	100,5	100,5
Раздел А. Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	95,6	95,7	95,6	95,4	95,2
Раздел В. Рыболовство, рыбоводство	101,6	101,7	101,5	101,2	101,2
Раздел С. Добыча полезных ископаемых	98,1	98,2	98,2	98,3	98,2
Раздел D. Обрабатывающие производства	98,0	97,9	98,0	98,3	98,3
Раздел E. Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	100,0	100,1	100,1	100,1	100,1
Раздел F. Строительство	102,3	102,4	102,2	102,2	102,1
Раздел G. Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	102,1	102,3	102,3	102,4	102,4
Раздел H. Гостиницы и рестораны	103,4	102,6	102,9	103,5	103,3
Раздел I. Транспорт и связь	100,6	100,5	100,6	100,6	100,6
Раздел J. Финансовая деятельность	101,5	101,6	102,0	102,1	102,0
Раздел K. Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	100,4	100,4	100,5	100,5	100,5
Раздел L. Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение	102,9	102,6	102,5	102,5	102,4
Раздел M. Образование	99,5	99,5	99,6	99,6	99,6
Раздел N. Здравоохранение и предоставление социальных услуг	101,6	101,5	101,5	101,4	101,4
Раздел O. Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	101,6	101,6	101,6	101,5	101,5
Раздел P. Предоставление услуг по ведению домашнего хозяйства	107,3	106,5	106,0	105,5	105,2
Раздел Q. Деятельность экстерриториальных организаций	102,3	102,3	102,1	101,8	101,8

цита рабочей силы не возникает. Отметим, что приведенные оценки возможных объемов дефицита исходят из того, что из-за структурных дисбалансов, социально-демографических особенностей рабочей силы на рынке труда одновременно с дефицитом будет сохраняться и некоторый объем безработицы.

Основные направления решения проблемы возможной нехватки отечественной рабочей силы. Они связаны с ростом производительности труда; повышением экономической активности населения; смягчением структурных проблем рынка труда; упорядочением и активизацией прежде всего внутренней, а также внешней миграции, как общей, так и трудовой [5], [7].

Необходимым и чрезвычайно важным направлением превентивной политики смягчения возникающего ограничения предложения труда в экономике является решение проблемы структурной безработицы [2], [3], [4], [7], [8]. Структурная безработица, особенно в региональном и отраслевом разрезе, находится на достаточно высоком уровне.

Показатель региональной структурной безработицы по сравнению с началом 1990-х годов значительно вырос [8]. В 2000-е годы значения

уровня региональной структурной безработицы колеблются в диапазоне 30–40 %. Минимальный уровень региональной структурной безработицы за рассматриваемый период фиксируется в 2007 году. В 2010–2011 годах уровень региональной структурной безработицы продолжает оставаться высоким.

Отраслевая структурная безработица в 1990-е годы достигла 43 % общей безработицы. На фазе экономического роста 2000-х годов она составляет около 40 %. Отраслевая и региональная компоненты структурной безработицы не всегда полностью совпадают. Существуют также и другие асимметрии: профессиональные, квалификационные, образовательные, возрастные. При этом, как показывает зарубежный опыт, профессиональные и квалификационные проявления структурной безработицы масштабнее. Поэтому реальный вклад структурной компоненты в российскую безработицу заметно выше обозначенных оценок и, на наш взгляд, перед кризисом 2008–2009 годов приближался к 100 %. В этих условиях без реализации мер по борьбе со структурной безработицей и причинами ее возникновения трудно ожидать дальнейшего существенного снижения численности безработных в ближайшей пер-

Таблица 4

**Инерционная оценка перспективной величины дефицита рабочей силы
на рынке труда России, тыс. человек**

Вариант прогноза	Тенденции 1998–2010 годов			Тенденции 2002–2010 годов		
	2015	2020	2025	2015	2020	2025
Оценка перспективной величины предложения рабочей силы	65917,9	61476,2	59231,3	67077	63537	62099
Вариант 1						
Оценка перспективной величины спроса на рабочую силу	72045,9	75721,0	79583,5	72045,9	75721,0	79583,5
Темпы изменения спроса на рабочую силу	1,010	1,010	1,010	1,010	1,010	1,010
Оценка дефицита рабочей силы	10571,2	17941,4	23642,0	10189,3	17121,4	22325,2
Вариант 2						
Оценка перспективной величины спроса на рабочую силу	70280,2	72054,8	73874,3	70280,2	72054,8	73874,3
Темпы изменения спроса на рабочую силу	1,005	1,005	1,005	1,005	1,005	1,005
Оценка дефицита рабочей силы	8805,5	14275,2	17932,8	8423,6	13455,2	16616,0
Вариант 3						
Оценка перспективной величины спроса на рабочую силу	68549,2	68549,2	68549,2	68549,2	68549,2	68549,2
Темпы изменения спроса на рабочую силу	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000
Оценка дефицита рабочей силы	7074,5	10769,6	12607,7	6692,6	9949,6	11290,9
Вариант 4						
Оценка перспективной величины спроса на рабочую силу	66852,6	65197,9	63584,1	66852,6	65197,9	63584,1
Темпы изменения спроса на рабочую силу	0,995	0,995	0,995	0,995	0,995	0,995
Оценка дефицита рабочей силы	5377,8	7418,2	7642,6	4995,9	6598,3	6325,8
Вариант 5						
Оценка перспективной величины спроса на рабочую силу	65189,6	61994,7	58956,3	65189,6	61994,7	58956,3
Темпы изменения спроса на рабочую силу	0,990	0,990	0,990	0,990	0,990	0,990
Оценка дефицита рабочей силы	3714,9	4215,1	3014,8	3333,0	3395,1	1698,0
Вариант 6						
Оценка перспективной величины спроса на рабочую силу	63560,0	58933,9	54644,4	63560,0	58933,9	54644,4
Темпы изменения спроса на рабочую силу	0,985	0,985	0,985	0,985	0,985	0,985
Оценка дефицита рабочей силы	2085,3	1154,2	-1297,1	1703,4	334,3	-2613,9

спективе. Отметим, что полученные оценки структурной безработицы могут быть в дальнейшем использованы при определении уровня естественной безработицы в экономике России. Для каждого из видов структурных дисбалансов соответствующая ему структурная безработица означает возможность снижения безработицы при данном количестве вакансий, если переместить часть безработных в группы с такими характеристиками, которые будут соответствовать существующим вакансиям. Для отраслевой структурной безработицы это означает перемещение безработных между отраслями, для региональной – между регионами и, наконец, для профессионально-квалификационной – между профессиональными группами. Каждый из представленных основных типов структурной безработицы может быть оценен через показатели соответствия между структурами вакансий и безработных, рассчитанных по данному признаку.

Комплексный подход к проблеме сокращения структурной безработицы подразумевает, с одной стороны, проведение активных мер со стороны предложения труда, с другой – осуществление политики в области регулирования спроса на труд, а именно изменение структуры вакантных рабочих мест путем открытия новых современных и закрытия старых морально и физически устаревших рабочих мест. Для расчета количества вакантных рабочих мест, которые необходимо перераспределить между регионами в целях снижения структурного неравновесия, может быть предложен индекс, аналогичный индексу структурной безработицы. Его величина в абсолютном выражении давала бы представление о числе вакансий по стране, которые надо перераспределить (открыть, создать, закрыть) по секторам для достижения структурного равновесия при заданной структуре безработных.

Вопросы широкого использования замещающей миграции для обеспечения экономики рабочей силой связаны в настоящее время с неудовлетворительным решением проблем внутренней (в том числе трудовой) миграции собственного населения России. Яркой характеристикой этого является высокая региональная структурная безработица. В результате задача выбора направлений и интенсивности, а также согласования внутренних и внешних миграционных потоков обостряется.

В данном случае не рассматриваются нелегальные трудовые мигранты, которые уже сейчас активны на российском рынке рабочей силы. Низкие издержки использования их труда делают его очень привлекательным для покрытия возникающих дефицитов.

Значительный приток квалифицированной рабочей силы по существующим направлениям иммиграции маловероятен. Современная практика и сложившиеся тенденции позволяют говорить о том, что поток внешних трудовых мигрантов в значительной степени будет состоять из низкоквалифицированной рабочей силы. Доля притока высококвалифицированных специалистов невысока, их привлечение требует значительных материальных затрат и создания специальных режимов наибольшего благоприятствования.

Успешность решения существующих в сфере занятости проблем в средне- и долгосрочной перспективе будет определяться следующими основными факторами: демографическими тенденциями, изменениями структуры производства под влиянием научно-технического прогресса, параметрами финансово-кредитной и инвестиционной политики, характером государственного регулирования национального и локальных (региональных, отраслевых, профессиональных) рынков труда и системы образования, институциональными факторами.

Учет воздействия отмеченных факторов на динамику сферы занятости и рынка труда предполагает факторный прогноз. Оценка влияния каждого из них может быть рассмотрена при различных вариантах динамики значений показателей, отражающих их влияние. Рассмотрим основные факторы, которые будут определять положение дел в сфере занятости и на рынке труда в средне- и долгосрочной перспективе, более подробно.

Помимо чисто демографических факторов сокращения населения трудоспособного возраста, существует целый ряд других, приводящих к уменьшению трудового потенциала и увеличению численности нетрудоспособного населения в трудоспособном возрасте (алкоголизм, наркомания, психические расстройства, заболеваемость хроническими болезнями, временная утрата трудоспособности в связи с заболеваемостью и травматизмом). Их действие – предмет специального рассмотрения.

Удовлетворение потребности в рабочей силе за счет внешних трудовых мигрантов может иметь неблагоприятные последствия из-за притока низкоквалифицированной рабочей силы (область использования которой сильно ограничена, особенно в условиях высокой безработицы); усиления напряженности на локальных рынках труда (прежде всего в южных регионах страны, где она и так высока); проблем социально-культурной адаптации мигрантов; потребности в обеспечении их набором социальных благ (в первую очередь жильем). Возможности использования иностранной рабочей силы активно обсуждаются в профессиональной среде. Например, используя в целом аналогичный предложенному в [5] подход, в работе [1] оценивается перспективная потребность экономики в иностранной рабочей силе.

Экономический рост выступает одним из основных факторов, повышающих спрос на рабочую силу. Ретроспективный анализ показывает, что в России рост ВВП сопровождался хотя и существенно меньшими по абсолютным значениям, но положительными темпами роста численности занятого населения.

Повышение экономической активности населения предполагает вовлечение на рынок труда части экономически неактивного населения. До кризиса наблюдалась тенденция некоторого повышения уровня экономической активности населения. Тем не менее возможности дальнейшего роста экономической активности могут быть оценены как весьма ограниченные в связи со сложностью привлечения отдельных категорий экономически неактивного населения на рынок труда.

Для повышения производительности труда в ближайшей перспективе необходимы комплексные усилия по повышению качества рабочей силы и рабочих мест; смягчению структурных проблем общероссийского рынка труда в контексте социально-экономического и демографического развития страны в целом, ее регионов и отраслей. Один из необходимых шагов в этом направлении – проведение современного аналога советской профессиональной переписи для уточнения профессионально-квалификационной структуры рабочей силы, ее соответствия структуре спроса на рабочую силу и существующей системе рабочих мест. Как уже отмечалось выше, более эффективное использование рабочей силы предполагает в первую очередь более рациональное ее распределение по отраслям производства и сокращение потерь рабочего времени. Активный вариант развития, исходящий из опережающего динамику ВВП роста производительности труда, повлечет за собой заметные изменения в структуре спроса на рабочую силу.

Смягчение структурных проблем рынка труда в этом случае тесно связано с вопросом эффективности взаимодействия сферы занятости

и системы профессионального образования в условиях обострения демографического кризиса и начала продолжительного периода сокращения численности населения в трудоспособном возрасте.

Функционирование системы профессионального образования слабо согласовано с динамичной перспективной спроса экономики на рабочую силу. Отраслевая принадлежность подготовленных специалистов плохо соотносится с существующими на рынке труда вакансиями. Нерациональная структура выпускников учебных заведений, их профессиональный состав и уровень подготовки накладывают свой отпечаток на отраслевую структуру безработицы, что, кроме прочего, подтверждает тесную связь отраслевой структурной безработицы с профессионально-квалификационной. Оперативно демпфировать складывающиеся дисбалансы могла бы система дополнительного профессионального образования. К сожалению, пока этого не происходит.

Инновационный вариант развития позволяет создать предпосылки для реализации потенциала экономического роста и, следовательно, уско-

рения его темпов при условии значимого продвижения в решении обозначенных проблем развития сферы занятости и рынка труда. Реализация специальных мер по совершенствованию системы воспроизводства рабочей силы и по интенсификации экономического развития представляет собой «активный» вариант развития событий. Он ориентирован на ускоренную динамику роста производительности труда и соответствующую ей оценку спроса на рабочую силу в экономике и ее секторах. Вариант может быть дополнен или модифицирован при предположении о реализации дополнительных мер в сфере воспроизводства рабочей силы и кадров в инновационной экономике и их результативности. Возможны дополнительные условия, например, связанные с ограничениями роста производительности труда в связи с дефицитом энергии или металла. Динамика предложения рабочей силы ограничена, прежде всего, демографическими тенденциями, которые на протяжении всего прогнозного периода носят негативный характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Денисенко М. Б. Международная миграция в России: осознаваемая необходимость. Аналитический доклад. 2011 [Электронный адрес]. Режим доступа: <http://2020strategy.ru/g7/documents/32583003.html>
2. Коровкин А. Г. Динамика занятости и рынка труда: вопросы макроэкономического анализа и прогнозирования. М.: МАКС Пресс, 2001.
3. Коровкин А. Г. Структурная асимметрия // Отечественные записки. 2003. № 3.
4. Коровкин А. Г. Проблемы согласования спроса на рабочую силу и ее предложения на российском рынке труда // Проблемы прогнозирования. 2011. № 2.
5. Коровкин А. Г., Долгова И. Н., Королев И. Б. Дефицит рабочей силы в экономике России: макроэкономическая оценка // Проблемы прогнозирования. 2006. № 4.
6. Коровкин А. Г., Долгова И. Н., Королев И. Б., Подорванова Ю. А., Полежаев А. В. Занятость и рынок труда в России: проблемы и ограничения // Проблемы прогнозирования. 2005. № 5.
7. Коровкин А. Г., Королев И. Б., Долгова И. Н., Андрюнин А. В., Единак Е. А. Макроэкономическая оценка состояния сферы занятости и рынка труда в России 2010–2025 годов: препринт. М.: МАКС Пресс, 2011.
8. Коровкин А. Г., Парбузин К. В. Оценка несбалансированности спроса и предложения на российском рынке труда // Проблемы прогнозирования. 1997. № 4.

НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА ЛОКТЮХИНА

кандидат экономических наук, доцент, начальник Аналитического управления, Департамент труда и занятости населения г. Москвы
au@labor.ru

УЧАСТИЕ ОРГАНОВ ВЛАСТИ ПО ТРУДУ И ЗАНЯТОСТИ В СОГЛАСОВАНИИ КОНТРОЛЬНЫХ ЦИФР ПРИЕМА В ВУЗЫ: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Существующий в России порядок согласования с региональными органами государственной власти в области труда и занятости контрольных цифр приема в вузы не позволяет качественно оценить соответствие представленных специальностей потребностям рынка труда. В статье предлагаются меры, направленные на решение данной проблемы, а также рассматриваются требующие корректировки противоречия между рынком труда и рынком образовательных услуг.

Ключевые слова: рынок труда, рынок образовательных услуг, контрольные цифры приема

Согласно утвержденному Приказом Минобрнауки России от 23.06.2009 № 223 Административному регламенту Рособразования по исполнению государственной функции «Определение для образовательных учреждений профессионального образования, находящихся в ведении Агентства, контрольных цифр приема граждан, обучающихся за счет средств федерального бюджета, а также квот по целевому приему» (далее – Административный регламент) [9], органы государственной власти по труду и занятости участвуют в согласовании контрольных цифр приема в учреждения профессионального образования, в том числе высшего. Как показывает практика, реализация данного направления работы связана с рядом проблем, рассмотренных далее.

В соответствии с Административным регламентом региональный орган государственной власти по труду и занятости населения принимает участие в согласовании контрольных цифр по учреждениям профессионального образования, расположенным в соответствующем субъекте РФ, а наличие такого согласования – обязательное требование к документам, представляемым образовательным учреждением на конкурс на размещение соответствующего государственного задания. Согласующими организациями также являются: орган государственной власти в сфере образования субъекта РФ, совет директоров образовательных учреждений, региональные (межрегиональные) объединения работодателей.

Вся предусмотренная Административным регламентом процедура должна осуществляться в достаточно сжатые сроки (80 дней). Однако период согласования предложений по контрольным цифрам с органом государственной власти по труду и занятости еще меньше. Так, на основании письма Минобрнауки России от 20.07.2011 № 12-1502 вузы, подведомственные Минобрнауки России, должны были представить предложения по контрольным цифрам приема на 2012 год не позднее 1 сентября 2011 года, то есть на проведение про-

цедур согласования отводилось чуть более месяца. Аналогичные сжатые сроки для согласования контрольных цифр устанавливались в предыдущие годы.

Как показывает опыт Департамента труда и занятости населения города Москвы, реализация процедур Административного регламента сводится к тому, что в течение месяца, отведенного для согласования контрольных цифр, в Департамент обращаются руководители московских вузов. При этом в ряде случаев необходимые документы от вузов подаются буквально накануне срока окончания подачи заявок. Как следствие, существующий порядок ограничивает возможности анализа всего комплекса заявок на предмет соответствия представленных в них специальностей требованиям рынка труда и не позволяет оценить масштабы предлагаемых показателей приема в вузы по тем или иным специальностям. Отметим, что для Москвы рассматриваемая проблема более чем актуальна, поскольку здесь располагаются десятки вузов, подведомственных Минобрнауки РФ. Всего в столице более 100 государственных вузов и более 250 частных [10; 177].

Для решения рассмотренной проблемы в Административный регламент, утвержденный приказом Минобрнауки России от 23.06.2009 № 223, целесообразно внести изменения и дополнения следующего содержания:

- увеличить сроки формирования вузами предложений по контрольным цифрам за счет периода увеличения сроков согласования соответствующих документов с предусмотренными регламентом структурами;
- обязать образовательные учреждения подавать предложения к контрольным цифрам в органы государственной власти субъектов Российской Федерации по труду и занятости в течение определенного срока (например, в течение 15 дней), а еще 15 дней предоставлять указанным структурам на их комплексный анализ и последующее согласование.

Кроме того, целесообразно принять единый административный регламент для рассматриваемой государственной услуги, утвердив его приказами Минобрнауки и Минздравсоцразвития РФ. Практика реализации единых регламентов хорошо себя зарекомендовала в связи с выдачей работодателям заключений о привлечении и об использовании иностранных работников (Административный регламент, утвержденный Приказом Федеральной миграционной службы России № 1, Минздравсоцразвития России № 4, Минтранса России № 1, Госкомрыболовства России № 2 от 11.01.2008).

Ключевым основанием для того, чтобы органы государственной власти субъектов РФ по труду и занятости отказывали учреждениям профессионального образования в согласовании контрольных цифр приема, может быть наличие фактов регистрации в качестве безработных выпускников соответствующего учреждения и специальности, причем выпускников, обучившихся за счет средств федерального бюджета. Финансирование приема на подобные специальности представляется вдвойне затратным, поскольку государство вынуждено оплачивать мероприятия по содействию занятости их выпускников.

Однако специфика сферы высшего образования в Москве такова, что значительная часть выпускников после окончания учебного заведения уезжает в иные субъекты РФ, где такие выпускники могут испытывать сложности в трудоустройстве и регистрироваться в органах службы занятости населения в качестве безработных. Например, по данным опроса, проведенного в 2010 году, 11,3 % студентов московских вузов планировали после окончания обучения уехать в иные субъекты РФ [7]. Однако Департамент труда и занятости населения Москвы не обладает информацией о том, как сложилось трудоустройство таких выпускников в силу отсутствия в России единой системы проведения соответствующего мониторинга. В данной связи в целях совершенствования механизма формирования государственного задания на подготовку кадров в учреждениях профессионального образования целесообразно наладить взаимодействие участвующих в данном процессе органов по труду и занятости населения субъектов РФ, создать единую информационную систему мониторинга трудоустройства выпускников учреждений профессионального образования.

Отмеченные выше проблемы и предложения по их разрешению связаны с взаимодействием органов исполнительной власти при формировании государственного задания на подготовку кадров в учреждениях профессионального образования. Вместе с тем сама процедура формирования контрольных цифр приема в вузы вызывает ряд противоречий между современными рынками труда и образовательными услугами.

Первое противоречие. Требование о согласовании контрольных цифр приема в вузы органами государственной власти субъектов РФ по труду и занятости представляется не совсем логичным в условиях, когда прием студентов на бюджетные места не гарантирует, а главное, не обязывает их трудоустроиваться по специальности. С переходом России к рыночной экономике на смену обязательному распределению по рабочим местам пришло право гражданина распоряжаться своей способностью к труду, что закреплено статьей 37 Конституции РФ. Принцип свободно избранной занятости означает, что человек волен выбирать: быть ему наемным работником, работодателем или не иметь определенного места работы. Как следствие, в современной России выпускник вуза, обучившийся за счет бюджетных средств, может трудоустроиваться и выстраивать карьеру исходя из своих предпочтений, то есть необязательно по полученной специальности.

В то же время в современных условиях на образование тратятся огромные бюджетные средства, а следовательно, налогоплательщики вправе рассчитывать на отдачу соответствующих вложений. Такой отдачей могла бы быть обязанность выпускников, получивших образование за счет бюджетных средств, работать в социально-значимых сферах занятости, а также на рабочих местах, приоритетных для экономики, но недостаточно востребованных с точки зрения трудоустройства.

В настоящее время ситуация во взаимодействии российских рынка образования и значительной части рынка образовательных услуг такова, что федеральный и региональный бюджеты финансируют частного собственника, поставляя ему необходимые профессиональные кадры. Как следствие, российский работодатель не заинтересован вкладывать финансовые и другие ресурсы в сферу образования, полагаясь в данном вопросе на государство. Более того, учитывая значительные масштабы такого явления, как утечка мозгов, финансируя отечественное высшее образование, наши налогоплательщики финансируют еще и экономику зарубежных стран, где трудоустраиваются выпускники российских вузов. Получая образование, студенты приобретают знания, навыки и опыт, необходимые им самим в будущем для получения достойной заработной платы, профессионального и карьерного роста. В данной связи полагаем справедливым, если обучение будет покрываться, прежде всего, самими студентами, а не налогоплательщиками.

С учетом данных проблем, по мнению автора статьи, на смену масштабному бюджетному финансированию сферы высшего образования постепенно должен приходиться принцип «деньги следуют за студентом», а бюджетное финансирование должно осуществляться при условии, что после окончания вуза студент будет работать «на

государство» либо в иной значимой сфере деятельности. В такой системе органы государственной власти по труду и занятости могут решать часть задач по определению спектра специальностей, обучение на которых целесообразно осуществлять за счет средств налогоплательщиков.

Постепенное введение предлагаемой системы возможно только при условии, что оно не ограничит доступ к получению качественного образования для тех, кто его заслуживает. В этом смысле показательным является зарубежный опыт, отмечаемый К. И. Сониным: «...большинство ведущих вузов в мире, в том числе частные американские, перешли в последние годы к такой системе, при которой материальные трудности семьи не являются препятствием для обучения в вузе. То есть, если у семьи нет денег, чтобы платить за обучение, то студент получает поддержку в таком объеме, что ее хватало на оплату обучения, общежитие, питание и все необходимое. <...> В ведущих аспирантурах... ежегодно сотни ребят из всех стран мира едут в американские аспирантуры, получая стипендии, которые покрывают все расходы» [8]. Иными словами, взамен масштабного и, как показывает практика, не всегда эффективного бюджетного финансирования сферы высшего профессионального образования в России необходимо создавать систему доступных образовательных кредитов, целевой контрактной подготовки и адресной государственной поддержки талантливых студентов.

Второе противоречие. Процедура определения контрольных цифр приема в вузы не позволяет в полной мере реализовать ключевые принципы функционирования системы профессионального образования в условиях рыночной экономики. В числе таковых принципов: граждане вправе получать образование по выбранной ими траектории; система образования представляет собой рынок образовательных услуг, где «покупатель» предъявляет спрос, на который «продавец» отвечает предложением организовать обучение по требуемой профессии и специальности с соответствующим качеством и стоимостью.

На такие принципы указывают как эксперты [1], [4], [11; 38–40], так и (в иных формулировках) законодательные акты, регламентирующие разработку и реализацию государственной политики в области образования [3], [5]. Признавая справедливыми данные принципы, считаем, что государственное регулирование количества и структуры выпуска специалистов (например, директивное ограничение приема на юридические или экономические специальности) ограничивает конституционное право граждан на получение образования. Кроме того, спускаемые сверху контрольные цифры приема на специальности, подкрепленные финансированием соответствующих бюджетных мест, тормозят формирование в России конкурентной среды в сфере

образования. Конкурентным преимуществом образовательного учреждения в таких условиях становится предоставление услуг за счет налогоплательщиков, а не качество образования.

Учитывая отмеченные проблемы, автор статьи поддерживает мнение И. И. Федюкина о том, что роль государства в рыночной системе профессионального образования должна состоять «в том, чтобы создавать необходимые рыночные условия, позволяющие поставщикам эффективно удовлетворять возникающий со стороны потребителей спрос, обеспечивать качество услуг, защищать интересы потребителей и работников, при необходимости создавать стимулы для появления новых мощностей, не допускать монополизма и развивать конкуренцию и т. д.» [11].

Третье противоречие. Одной из задач процедуры согласования контрольных цифр приема в образовательные учреждения является уменьшение приема на популярные экономические и юридические специальности, особенно в непрофильных для отмеченных специальностей вузах. Вместе с тем устоявшаяся в России убежденность о «перепроизводстве» юристов и экономистов представляется достаточно сомнительной. Так, развитие Москвы как международного финансового центра должно сформировать на московском рынке труда устойчивый спрос на кадры экономического и юридического профиля. В качестве отступления отметим, что современное российское общество еще недостаточно как юридически, так и экономически грамотно, вследствие чего следует не свертывать, а напротив, развивать систему образования юридического и экономического профилей.

Перспективы данных направлений подготовки видятся в рамках реализации в России концепции обучения на протяжении всей жизни (lifelong learning), предполагающей развитие и расширение масштабов системы дополнительного профессионального образования [2]. Отмеченная стратегия признается во всем мире основным вектором развития современных образовательных систем, поскольку отвечает потребностям общества, основанного на знаниях, требованиям рынка труда. Так, конкурентоспособность собственника рабочей силы на рынке труда возрастет, если таковым, например, будет дипломированный инженер, проектирующий информационные системы для предприятия и одновременно разбирающийся в экономических процессах. При этом экономическое образование, рассматриваемое в данном примере, может быть получено в «непрофильном» техническом вузе.

Анализ документов, определяющих приоритеты развития страны и отдельных регионов, подтверждает экспертные оценки о том, что в России будет расти потребность в специалистах узкого профиля, в том числе экономистах и юристах, для решения задач, имеющих отраслевую специ-

фику [4]. Даже личный опыт автора статьи, столкнувшегося с проблемой внедрения в Москве новых отраслевых систем оплаты труда работников бюджетной сферы, позволяет утверждать о существовании насущной потребности работодателей в экономистах, специализирующихся на вопросах оплаты труда, что усугубляется постепенным уходом из сферы занятости воспитанников советской школы экономики труда.

Четвертое противоречие. Боязнь ограничения числа приема на бюджетные места является одним из факторов, который закономерно мотивирует учреждения высшего профессионального образования помимо предоставления образовательных услуг заниматься трудоустройством выпускников. Соответствующие задачи ставят перед вузами органы государственной власти. В частности, ряд показателей трудоустройства выпускников Минобрнауки России учитывает при проведении конкурсного отбора региональных программ развития образования в целях предоставления субсидий бюджетам субъектов РФ [6].

Безусловно, заинтересованность студентов в обучении повышают такие мероприятия учебных заведений, как организация служб содействия трудоустройству, создание условий для совмещения учебы с работой (свободный график посещения, дистанционное образование), налаживание партнерских отношений с предприятиями, организация практик и стажировок студентов, приглашения потенциальных работодателей для презентаций и участия в ярмарках вакансий и т. д. Однако успешное трудоустройство прежде всего зависит от активных действий студента, от

полученных им в период обучения знаний и навыков. Как следствие, первоочередная мера, которую способны предпринять вузы для содействия трудоустройству своих выпускников, – это обеспечение качественного образования, являющегося важнейшим условием конкурентоспособности соискателя рабочего места. В данной связи основная задача, которая должна ставиться органами государственной власти перед вузами, – предоставление качественного образования. В данном контексте требования о содействии в трудоустройстве выпускников, предъявляемые к вузам, должны носить рекомендательный характер, а соответствующие мероприятия финансироваться за счет результатов внебюджетной деятельности вузов.

Участие региональных органов государственной власти субъектов РФ по труду и занятости в согласовании контрольных цифр приема в учреждения высшего профессионального образования вскрывает ряд проблем и противоречий, связанных с взаимодействием российских рынков труда и системы образования в условиях бюджетного финансирования последней. Однако если решение проблем взаимодействия органов исполнительной власти при формировании государственного задания на подготовку кадров представляется достаточно простым, то разрешение противоречий между рынком труда и рынком образовательных услуг требует принятия более существенных мер, рассчитанных на долгосрочную перспективу и связанных с корректировкой сложившихся в настоящее время в России подходов к обучению и трудоустройству граждан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Доклад Общественной палаты Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.oprf.ru/files/tcp_ip/doklad_s_oblozhkoi.pdf
2. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2008 год. М., 2009. 208 с.
3. Закон Российской Федерации от 10.07.1992 № 3266-1 (ред. от 17.07.2009) «Об образовании» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>
4. Карпенко М. П., Семёнова Т. Ю., Березовский В. А. Формирование рынка труда в обществе знаний // Материалы междунар. науч.-практ. интернет-конф. «Телеобучение – образование, опережающее время» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.conf.muh.ru/090630/index_04_3.htm
5. Конституция Российской Федерации // Российская газета. 2009. № 7.
6. Объявление о проведении конкурсного отбора региональных программ развития образования в целях предоставления бюджетам субъектов Российской Федерации субсидий на поддержку реализации мероприятий Федеральной целевой программы развития образования на 2011–2015 годы по направлению «Разработка и внедрение программ модернизации систем профессионального образования субъектов Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mon.gov.ru/work/konk/8826/>
7. Письмо первого заместителя руководителя Департамента семейной и молодежной политики города Москвы А. В. Гусева от 07.06.2010 № 3479/1-15.
8. Полит.ру [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.polit.ru/news/2011/01/20/sonin.html>
9. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 23.06.2009 № 223 «Об утверждении Административного регламента Федерального агентства по образованию по исполнению государственной функции «Определение для образовательных учреждений профессионального образования, находящихся в ведении Агентства, контрольных цифр приема граждан, обучающихся за счет средств федерального бюджета, а также квот по целевому приему» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2009. № 47.
10. Российские вузы. Справка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ria.ru/spravka/20100519/236060079.html>
11. Федюкин И. И. Управление спросом и предложением на российском рынке образования [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/?numid=37&article=1471>

АНДРЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ОЛЕЙНИК

доктор технических наук, заместитель директора по научной работе Института информатики и математического моделирования технологических процессов, Кольский научный центр РАН (г. Апатиты)
oleynik@iimm.kolasc.net.ru

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ ЛОМОВ

стажер-исследователь Института информатики и математического моделирования технологических процессов, Кольский научный центр РАН (г. Апатиты)
lomov@arcticsu.ru

РАЗВИТИЕ СРЕДСТВ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ

В статье представлены результаты исследований по развитию средств информационной поддержки решения задач кадрового обеспечения. Описан комплекс процедур инструментальной системы сравнительного анализа образовательных стандартов. Рассмотрены вопросы разработки и применения онтологических моделей для решения задач, требующих учета семантики понятийного аппарата предметной области.

Ключевые слова: кадровое обеспечение, информационное обеспечение, онтология

ВВЕДЕНИЕ

Первоочередной задачей системы профессионального образования является обеспечение социально-экономической системы высококвалифицированными кадрами, способными эффективно решать профессиональные задачи в динамичных современных условиях. Именно такие кадры будут «по-настоящему интересны работодателям и готовы к участию в модернизации экономики» [8]. Очевидна необходимость высокой адаптивности системы профобразования, ее способности достаточно оперативно и гибко реагировать на изменение потребностей рынка труда предложением адекватных образовательных услуг. В противном случае крайне проблематично обеспечение финансирования системы профобразования со стороны бизнес-сообщества. Как уже отмечали авторы [3], [6], дополнительной сложностью, присущей региональным системам профобразования на Севере России, является ограниченность как числа потенциальных абитуриентов, так и материальных и преподавательских ресурсов для реализации образовательных процессов, что выдвигает особо жесткие требования к рациональному использованию в этих регионах имеющихся образовательных ресурсов. Современные информационные технологии обеспечивают возможность создания адекватных средств информационной и аналитической поддержки решения задач организации деятельности и планирования развития региональных систем профессионального образования. В работе [3] в качестве инструмента аналитической поддержки представлены разработанные авторами средства имитационного моделирования. Настоящая работа посвящена результатам, полученным авторами в области создания средств информационной поддержки.

СРЕДСТВА СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ

Необходимость сравнительного анализа образовательных стандартов может возникнуть при решении различных задач. В частности, при рассмотрении вопроса о возможности перевода студентов на другую специальность. Приказом Министерства образования РФ № 1272 от 26 марта 2001 года [7] предусматривается необходимость ликвидации академической задолженности, возникающей при переводе из-за различий образовательных программ, учебных и рабочих планов. Наличие и объем задолженности во многом определяются учебным заведением на основании сравнения структуры и содержания дисциплин, которые изучены студентом, и дисциплин, которые необходимо было изучить в рамках рабочего плана специальности, на которую переводится студент. На основании выявления сходных по содержанию, но различных по названиям дисциплин могут быть приняты решения об организации потоковых лекций для студентов различных специальностей, что позволит учебному заведению сократить затраты на реализацию учебного процесса. Сравнение стандартов необходимо и при оценке возможностей открытия новых специальностей, программ дополнительного образования и повышения квалификации.

Возможность создания средств автоматизированного сравнения государственных образовательных стандартов (ГОС) обусловлена структурированностью текста этих документов. Инструментальная система сравнения содержания стандартов реализована средствами среды Visual Studio с использованием языка программирования C# и СУБД Microsoft SQL Server.

Для реализации алгоритмов сравнения текстовые файлы ГОС загружаются в реляционную

базу данных, которая состоит из трех взаимосвязанных таблиц: «Направления»; «Специальности» и «Стандарты». Первые две таблицы предназначены для хранения данных из классификатора направлений и специальностей высшего и среднего профессионального образования. В полях таблицы «Стандарты» размещаются данные из раздела ГОС, содержащего описание содержания образовательной программы. Следует отметить, что в базе можно разместить как стандарты нового поколения, так и предыдущего. Алгоритм загрузки стандарта в базу данных основан на поиске в тексте ключевых слов, определяющих границы конкретных разделов стандарта, и размещении фрагментов текста этих разделов в соответствующие поля таблицы «Стандарты».

Применение типовых процедур систем управления базами данных к данным, представленным в таблицах «Направления» и «Специальности», обеспечивает оперативный выбор и при необходимости формирование целевых групп объектов для проведения сравнения. Входные данные для алгоритмов сравнения выбираются из таблицы «Стандарты» на основе фильтров, формируемых пользователем в диалоговом режиме с использованием специальных форм инструментальной системы.

Ниже представлены варианты сравнения, реализуемые инструментальной системой.

Сравнение «по одной дисциплине» позволяет выяснить, в стандартах каких специальностей присутствует заданная дисциплина и в рамках каких циклов она изучается. В качестве входов для процедуры задается дисциплина из анализируемого стандарта и список специальностей, с которыми проводится сравнение. Развитие процедуры сравнения по одной дисциплине позволяет оценить совпадение состава дисциплин в различных стандартах в процентном соотношении, а также сформировать сводку о совпадающих и различных дисциплинах в каждом из циклов для двух специальностей. В первом случае результат сравнения представляется в виде таблицы, в которой указан перечень специальностей, с которыми проходило сравнение, и процент совпадения дисциплин, изучаемых в каждом цикле. Во втором случае выводится таблица, в которой для каждого цикла представлены три столбца: дисциплины, входящие в оба стандарта; дисциплины, представленные только в 1-м стандарте; дисциплины, представленные только во 2-м стандарте. Следует отметить, что в указанных вариантах критерием сравнения является название дисциплины, а ее содержание не анализируется. Поэтому полученные результаты будут достаточно формальными и в большинстве случаев могут рассматриваться как предварительные. Тем не менее они позволяют ограничить набор специальностей, для которых имеет

смысл проводить более детальный анализ содержательной части образовательных программ.

Сравнить специальности по содержанию циклов дисциплин позволяет процедура, в рамках которой реализуется сопоставление текстов стандартов, определяющих либо наполнение дисциплины, либо знания, умения и навыки, которые студент должен получить в ходе освоения образовательной программы. Однако и данная процедура не обеспечивает сравнение содержания стандартов по смыслу, она осуществляет поиск одинаковых слов в соответствующих текстах и рассчитывает процент совпадений по каждому циклу. Разработанная инструментальная система сравнительного анализа образовательных стандартов проходит апробацию в Кольском филиале ПетрГУ.

Формального сравнения состава образовательных программ бывает достаточно при решении целого ряда задач, некоторые из них были указаны в начале настоящего раздела. Но только анализ семантики наполнения образовательных программ позволяет более реально оценить их близость. Например, в цикле общепрофессиональных дисциплин стандарта 2000 года специальности «Автоматизированные системы обработки информации и управления» имеется дисциплина «Базы данных», а в стандарте 2005 года специальности «Информационные системы и технологии» – дисциплина «Управление данными» [1], которые при формальном анализе будут считаться различными. В то же время специалисту достаточно очевидно довольно большое сходство смыслового содержания этих дисциплин, позволяющее организовать их преподавание в одном потоке без нарушения требований стандартов.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОНТОЛОГИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ В ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОДДЕРЖКЕ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

В настоящее время онтологическое моделирование находит широкое применение для представления и использования знаний в различных областях человеческой деятельности. Онтологии позволяют представить знания об объектах, сущностях и явлениях реального мира так, что они становятся пригодными для машинной обработки.

Онтологии реализуют представление об объектах как о множестве взаимосвязанных сущностей, характеризуемых некоторым набором свойств. Данные сущности состоят между собой в определенных отношениях и формируют в соответствии с определенными признаками некоторые группы (классы). В результате описания объектов и их свойств предметная область представляется как сложная иерархическая база знаний, позволяющая производить интеллектуальную обработку данных.

Использование онтологических моделей позволяет существенно расширить функциональ-

ные возможности средств информационной поддержки решения задач кадрового обеспечения, реализовать более гибкие сценарии обработки данных, направленные на повышение адаптационных возможностей системы профессионального образования.

Тезаурус разнородных онтологий кадрового обеспечения

Разработка онтологий различных предметных областей и задач является достаточно трудоемким процессом, который обычно включает этапы отбора описываемых терминов и дальнейшего определения в онтологии их свойств и отношений. Даже в случае описания одной предметной области или задачи, как правило, существует несколько способов организации понятийной системы в онтологии. Выбор того или иного способа определяет круг решаемых задач и возможности повторного использования полученной онтологии. Хорошей практикой в этом случае является использование некоторого общего основания, которое определяет не только формальную сторону описания системы понятий, но и общую методологию описания понятийной семантики, а также агрегирует понятия уже существующих и создаваемых онтологий с установлением между ними отношений, отражающих их семантическую близость. Использование такого основания позволит облегчить разработку онтологий за счет общего представления базового набора понятий, что обеспечит соответствие между описанными в онтологиях системами понятий. В итоге это создаст базу для разработки семантически интероперабельных систем. В качестве варианта реализации общего основания авторами предлагается использовать разделяемый тезаурус [2].

Тезаурус определяется как совокупность множеств элементов типа «Объект» – $\{O_i\}$, представляющих понятия исходных онтологий и связанных между собой отношениями синонимии, антонимии, гипонимии, ассоциации. С объектами сопоставляются элементы множеств тезауруса «Свойства» – $\{P_j\}$, «Значения свойств» – $\{R_i\}$ и «Атомарных значений» – $\{V_i\}$, представляющие соответствующие атрибуты – $\{C_i\}$ понятий – $\{A_i\}$ онтологий и их значения. Для каждого элемента тезауруса также определено множество использующих его онтологий. На множествах различных элементов тезауруса заданы отношения, среди которых основными являются:

$HP \subseteq (O \times O) \cup (P \times P) \cup (V \times V)$ – отношение гипонимии,

$PR \subseteq O \times P$ – отношение принадлежности свойства объекту тезауруса,

$VL \in (P \times V) \cup (P \times O) \cup (P \times R)$ – отношение принадлежности свойству множества значений,

$SYN \subseteq (O \times O) \cup (P \times P)$ – отношение синонимии,

$ASC \subseteq (O \times O) \cup (P \times P)$ – отношение ассоциации.

Отношения синонимии и ассоциации атрибутивированы показателями веса.

В процессе создания онтологий на основе тезауруса для разработчика очень важно понимать смысловое содержание того или иного термина в тезаурусе. При этом следует подчеркнуть, что важно отразить значение термина как в узком смысле – в контексте предметной области или отдельной задачи, так и в более широком – как некоторую сущность окружающего мира. Это позволит более точно оценить, подходит ли какой-либо термин тезауруса в каждом конкретном случае, и, соответственно, снизить количество ошибок, связанных с использованием термина в нескольких онтологиях в неверных интерпретациях. Для решения данной задачи были рассмотрены и включены в тезаурус понятия и отношения онтологий верхнего уровня: Descriptive Ontology for Linguistic and Cognitive Engineering (DOLCE) [11], Descriptions and Situations (DnS) [9]. Наряду с этим были рассмотрены и включены в тезаурус в виде функций и дополнительных отношений метасвойства методологии Ontoclean [10]. Использование элементов онтологии DOLCE и Ontoclean позволило задать в тезаурусе семантический базис, инвариантный по отношению к предметным областям. Наличие в тезаурусе метасвойств Ontoclean позволяет произвести необходимую аннотацию атрибутов и, соответственно, дополнительно подчеркнуть их семантическую значимость для определенного понятия.

На основе рассмотренных элементов в тезаурусе были определены обобщенные понятия предметной области. Они представляют абстракции сущностей, процессов и явлений, описываемых в большинстве информационных и аналитических ресурсов, используемых в задачах кадрового обеспечения. В частности, в тезаурусе были формализованы в виде атомарных атрибутов и значений фасеты общероссийских классификаторов – ОКИН, ОКЭД и др. Использование тезауруса в качестве базиса при разработке онтологий для задач кадрового обеспечения позволило облегчить и ускорить данный процесс.

Использование онтологий для решения задач кадрового обеспечения

На основе тезауруса средствами свободно расширяемой среды онтологического моделирования Protégé были разработаны онтологии кадровых потребностей и онтология профессионального обучения. Основное назначение первой онтологии – информационная поддержка работодателей и работников в процессе поиска ими оптимальных условий для установления трудовых взаимоотношений. Вторая онтология призвана представить семантику организации профессионального обучения.

Понятийная система онтологии кадровых потребностей включает такие понятия, как: «Специальность», «Рабочее место», «Работник», «Уч-

реждение (организация)», «Квалификационные требования» и др. Состав понятий и структура взаимосвязей являются достаточно универсальными и могут быть применены для описания кадровых потребностей различных областей деятельности. Специфика области деятельности учитывается на уровне определения атрибутов понятий (слотов) и условных взаимосвязей.

С прагматической точки зрения разработанная онтология может использоваться как своего рода «виртуальная биржа труда». Для реализации этих функций разработан комплекс встроенных интерактивно настраиваемых запросов как для потенциального работника, так и для работодателя. Каждый такой запрос представляет собой определение нового понятия в онтологии, включающее формальное описание необходимых условий, и последующее проведение процедуры логического вывода. В результате с определенным в запросе понятием соотносятся экземпляры, представляющие работодателей или работников, удовлетворяющих заданным в определении условиям.

Пользователь имеет возможность удаленного обращения к онтологии с использованием сервера, встроенного в редактор онтологий Protégé. Это позволяет нескольким пользователям оперативно вносить различные изменения в соответствии с ситуацией на рынке труда. Пользователи в этом случае разделяются на группы с целью регламентации доступа к информации. Минимальными полномочиями (просмотр иерархии классов и выполнение запросов), не требующими регистрации, наделяется любой пользователь, обращающийся к онтологии.

При разработке онтологии профессионального обучения использованы классификаторы, обеспечивающие формальную структуризацию направлений и программ профессионального образования, а также представленные в тезаурусе определения отраслей и видов хозяйственной деятельности (ОКСО, ОКПДТР, ОКОНХ, ОКВЭД и др.). Основное внимание при разработке онтологии уделялось представлению структуры процессов профессионального обучения. Верхние уровни иерархической таксономии профессионального образования образуют укрупненные группы специальностей. Они декомпозируются на направления и специальности. Структура подготовки по определенной специальности или направлению представляется графом структуры обучения, отражающим содержание образовательного стандарта. Терминальными вершинами графа являются базовые дисциплины, а также навыки и компетенции, которыми должен обладать абитуриент, успешно закончивший общеобразовательный курс. Области народного хозяйства и виды экономической деятельности представлены в онтологии укрупненно, как «потребители» выпускников системы профессионального образования. В онтологии также предусмотрено представление име-

ющихся в регионе учреждений профессионального образования. Соответствующие связи отражают факт реализации определенных программ обучения каждым из образовательных учреждений.

В отличие от описанных выше процедур сравнения текстов образовательных стандартов, средства работы с онтологиями позволяют анализировать смысловые взаимосвязи понятий предметной области. Это дает возможность получения качественно новых решений задач кадрового обеспечения. Рассмотрим несколько примеров, иллюстрирующих эти возможности.

В работе [3] рассматривалась задача покрытия дефицита определенных специалистов за счет перепрофилирования студентов, обучающихся по родственным специальностям. Имитационное моделирование позволяет оперативно рассмотреть варианты перераспределения студентов и образовательных ресурсов между специальностями. Однако для реализации моделирования нужно задать начальные условия и имеющиеся ограничения. С помощью запросов к онтологии образовательных процессов можно получить необходимые для этого сведения о наличии в регионе образовательных ресурсов, которые могут быть использованы для решения задачи, и о реализуемых образовательных программах, от которых можно «забрать» студентов, уже получивших некоторый базис для новой специальности. Онтология кадровых потребностей, в свою очередь, позволит оценить наличие спроса на принимаемых к рассмотрению специалистов и определить ограничения на объемы и механизмы перепрофилирования.

Использование онтологий обеспечивает поддержку решения задач поиска кадров субъектами хозяйственной деятельности. Обращение к онтологии образовательных процессов позволяет работодателю выяснить, предусматривает ли специальность, обучение по которой прошел соискатель рабочего места, получение необходимых знаний и компетенций. Возможно также и решение обратной задачи – определение круга специальностей, в рамках которых даются требуемые компетенции. Это позволяет работодателю оценить, например, целесообразность и объем необходимых инвестиций в целевую специализацию соответствующих студентов.

Путем применения процедур вывода можно определить, какие образовательные программы и каким образом могут быть реализованы в региональной системе профобразования с использованием имеющихся образовательных ресурсов. Для решения на онтологиях подобных задач разработаны специализированные алгоритмы анализа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе кратко представлены некоторые результаты исследований и разработок

в области создания и развития средств информационного обеспечения поддержки принятия решений в сфере организации кадрового обеспечения региональных социально-экономических систем. Авторы хотели бы особо подчеркнуть перспективность использования онтологий при создании средств поддержки принятия решений в рассматриваемой предметной области. Непосредственное обращение к семантике понятийного аппарата предметной области позволяет во многом преодолеть сложности, возникающие в связи с процессами модификации системы профессионального образования. Формирование вариантов решений с помощью средств анализа онтологий улучшит адаптационные возможности сферы профессионального образования, повысит качество прогнозирования кадровых по-

требностей и расширит спектр возможных сценариев удовлетворения этих потребностей.

Благодарность

Авторы выражают благодарность студентам факультета информатики и прикладной математики Кольского филиала ПетрГУ А. И. Шишкиной, А. Н. Корккоеву, Т. Н. Авраменко, принимавшим участие в реализации представленных разработок.

Представленный материал развивает теоретические разработки и практические решения, описанные в работах [3], [5], [4] в отношении использования современных методов и технологий онтологического моделирования. Исследования были поддержаны РФФИ (проекты № 07-07-96900 и № 09-07-98800-р-север-а) и Правительством Мурманской области.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив государственных образовательных стандартов, примерных учебных планов и программ высшего профессионального образования. Федеральный портал «Российское образование» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.edu.ru/db/portal/spe/index.htm>
2. Ломов П. А., Шишаев М. Г. Интеграция онтологий с использованием тезауруса для осуществления семантического поиска // Информационные технологии и вычислительные системы. 2009. № 3. С. 49–59.
3. Олейник А. Г., Горохов А. В., Лексиков А. Н. Компьютерное моделирование как инструмент поддержки управления деятельностью региональной системы профессионального образования // Спрос и предложение на рынке труда и рынке образовательных услуг в регионах России: Сб. докл. по материалам Шестой Всерос. науч.-практ. интернет-конф. (28–29 октября 2009 г.). Кн. 1. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. С. 169–181.
4. Олейник А. Г., Лексиков А. Н. Инструментальные средства интерактивного формирования имитационных моделей деятельности региональной системы профессионального образования // Труды Института системного анализа Российской академии наук. Прикладные проблемы управления макросистемами / Под ред. Ю. С. Попкова, В. А. Путилова. Т. 39. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2008. С. 267–276.
5. Олейник А. Г., Лексиков А. Н., Федоров А. М. Создание компьютерной модели и инструментальной среды для анализа функционирования и потенциальных возможностей региональной системы подготовки кадров // Научное обеспечение развития техносферы Заполярья: база знаний и пакет инновационных предложений / Отв. ред. А. Н. Виноградов. Мультимедийный информационный диск. Апатиты: КНЦ РАН, 2007.
6. Олейник А. Г., Шишаев М. Г., Скуфина Т. П. О необходимости и возможности создания вуза нового типа на Европейском Севере России // Вестник Кольского научного центра РАН. 2009. № 1. С. 121–125.
7. Приказ Министерства образования Российской Федерации от 26 марта 2001 г. № 1272 (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 23 апреля 2001 г., регистрационный № 2679. Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2001. № 18) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.edu.ru/db/mo/Data/d_01/1272.html
8. Развитие профессионального образования должно стать частью процесса модернизации экономики. Сайт «Президент России» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kremlin.ru/news/8785>
9. Gangemi A., Mika P. Understanding the Semantic Web through Descriptions and Situations // Lecture Notes in Computer Science. Vol. 2888/2003: On the Move to Meaningful Internet Systems 2003: CoopIS, DOA, and. ODBASE, 2003. P. 689–706.
10. Guarino N., Welty C. An overview of OntoClean // Handbook on Ontologies / Eds. S. Staab, R. Studer. Berlin: Springer, 2004. P. 151–172.
11. Masolo C., Borgo S., Gangemi A., Guarino N., Oltramari A., Schneider L. DOLCE: a Descriptive Ontology for Linguistic and Cognitive Engineering [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.loa-cnr.it/DOLCE.html>

ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ПИТУХИН

доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой математического моделирования систем управления математического факультета, Петрозаводский государственный университет
eugene@petrsu.ru

АННА АЛЕКСАНДРОВНА ЯКОВЛЕВА

младший научный сотрудник Центра бюджетного мониторинга, Петрозаводский государственный университет
annyak@psu.karelia.ru

МОНИТОРИНГ ТРУДОУСТРОЙСТВА ВЫПУСКНИКОВ: ФАКТИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ И РЕКОМЕНДАЦИИ ПО УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ

В статье приводится анализ современного состояния мониторинга трудоустройства выпускников учреждений профессионального образования в Российской Федерации. Система показателей мониторинга оценивается с точки зрения полноты и достоверности; в соответствии с результатами оценки формулируются рекомендации по дальнейшему усовершенствованию системы мониторинга.

Ключевые слова: трудоустройство, профессиональное образование, выпускники, мониторинг

В современных условиях рыночной экономики трудоустройство выпускников является основным показателем эффективности работы образовательного учреждения. Именно этот показатель позволяет оценить степень соответствия между спросом экономики на трудовые ресурсы и предложением со стороны системы профессионального образования [5]. Для своевременного выявления дисбаланса спроса и предложения необходим всесторонний мониторинг трудоустройства выпускников. На настоящий момент мониторинг осуществляется Минобрнауки (ежемесячный мониторинг распределения выпускников всех форм обучения по каналам занятости) и Государственной службой статистики (ежегодный мониторинг трудоустройства выпускников очной формы обучения).

Целью исследования являлся анализ существующих систем мониторинга трудоустройства выпускников и выработка рекомендаций по их усовершенствованию. Концепция исследования основана на мониторинге, анализе и обработке доступных статистических данных, представленных в виде макроэкономических показателей, которые отражают процессы коллективного, а не индивидуального поведения выпускников. В основе математических расчетов лежит модель переноса вещества, что позволяет записать потоки людей в виде балансовых уравнений на основе закона сохранения их численности.

Входными переменными модели являются численности выпускников системы профессионального образования. Выходными переменными являются численности трудоустроенных выпускников на рынке труда. Таким образом, внешней средой по отношению к трудоустройству выступают рынок труда и рынок образовательных услуг [6]. Внутренними параметрами модели являются факторы, связывающие выходные и входные

переменные. Например, детализирующие их в разрезе уровней профессионального образования, укрупненных групп специальностей, видов экономической деятельности и т. п.

Предлагаемая концептуальная модель функционирования системы мониторинга трудоустройства выпускников представлена на рисунке.

Алгоритм функционирования такой системы нацелен на поддержание реальных показателей трудоустройства выпускников N_m вблизи от их запланированных расчетных значений N_p . Таким образом, реализуется задача программного управления, как, например, за некоторый период перейти от существующих значений показателей трудоустройства выпускников по специальности к более высоким значениям. Если разница между ними превышает некоторое наперед заданное допустимое значение $N_{сг}$ (например, 5 или 10 %), принимаются управленческие решения, нацеленные на исправление возникшей ситуации путем воздействия на систему профессионального образования. Меры регулирующего воздействия здесь могут быть самыми разнообразными и сочетать в себе несколько уровней управления. Например, в зависимости от необходимости вносятся изменения в образовательные программы (в рамках ФГОС 3-го поколения): при слабых отклонениях от нормы – в вариативную часть, а при сильных отклонениях – в инвариантную [3]. Также могут быть приняты иные решения управляющего характера, например, по созданию независимых центров сертификации выпускников, по повышению уровня подготовки абитуриентов, по изменению требований к проходному баллу ЕГЭ, по повышению качества профессорско-преподавательского состава, по улучшению материально-технической базы и пр.

Рассмотрим подробнее сам процесс трудоустройства и пути повышения его эффективности.

В системном анализе понятие эффективности рассматривается применительно к функционированию объекта, а понятие качества – к самому объекту [1]. При этом эффективность принято описывать тремя группами показателей: результативности, оперативности, ресурсоемкости. Данный подход в экономической науке известен как триада «цена – качество – сроки». Показатели, составляющие ее, для потребителя являются противоречивыми требованиями. Рассмотрим их подробнее в рамках предметной области.

Итог процесса трудоустройства непосредственно характеризует его результат – само трудоустройство, иными словами – принятие на работу. Это необходимый, но не достаточный фактор трудоустройства [2]. Не менее значимым фактором является время (длительность процесса трудоустройства) – для выпускника важно, чтобы он нашел работу в разумные сроки, что и призваны констатировать показатели оперативности.

Характеристикой ресурсоемкости процесса трудоустройства, другими словами – ценой трудоустройства, могут быть затраты агентов, которые их несут, пока выпускник не трудоустроился. С точки зрения объекта процесса трудоустройства – выпускника, в качестве затрат могут фигурировать расходы на его материальное содержание до момента трудоустройства, а также моральные переживания, измерить и оценить которые количественными параметрами крайне затруднительно [4]. С точки зрения субъекта процесса трудоустройства, которым является государство в лице заказчика настоящих исследований, затраты можно оценить по недополученному вследствие долгого трудоустройства доходу от профессиональной деятельности работника; в случае трудоустройства не по полученной специальности при условии ее востребованности затратами можно считать бюджетные средства, потраченные на получение индивидом «ненужной» профессии.

Показатели ресурсоемкости и оперативности относятся к процессу трудоустройства, а показатель результативности – к его итогу.

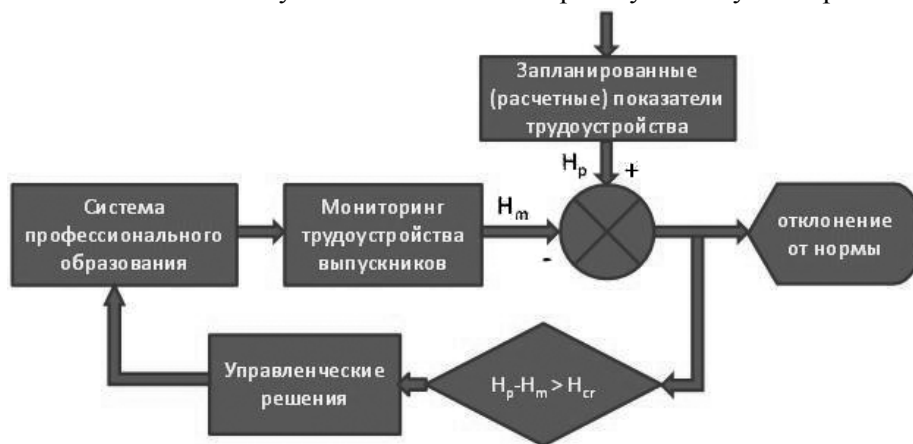
Подвергнем функционально-структурному анализу показатели мониторинга трудоустройства выпускников, выбранные из различных источников. В качестве базовых показателей, характеризующих трудоустройство выпускников, были выделены следующие 15.

Из данных мониторинга Министерства образования и науки России:

1. Фактический выпуск из образовательных учреждений высшего профессионального образования (ВПО), среднего профессионального образования (СПО), начального профессионального образования (НПО).
2. Фактическое количество выпускников системы профессионального образования (ВПО, СПО, НПО), которые трудоустроились.
3. Фактическое количество выпускников системы профессионального образования (ВПО, СПО, НПО), которые были призваны в ряды Вооруженных сил РФ.
4. Фактическое количество выпускников системы профессионального образования (ВПО, СПО, НПО), которые продолжили обучение на следующем уровне профессионального образования.
5. Фактическое количество выпускников системы профессионального образования (ВПО, СПО, НПО), которые не смогли трудоустроиться.
6. Фактическое количество выпускников системы профессионального образования (ВПО, СПО, НПО), которые вышли в отпуск по уходу за ребенком.

Из данных мониторинга Федеральной службы государственной статистики:

1. Выпуск специалистов из образовательных учреждений системы профессионального образования (ВПО, СПО, НПО).
2. Количество обучавшихся в рамках целевой контрактной подготовки из числа выпускников образовательных учреждений системы профессионального образования (ВПО, СПО).
3. Общая численность получивших направления на работу из выпуска образовательных учреж-

Концептуальная модель мониторинга трудоустройства выпускников

дений системы профессионального образования (ВПО, СПО, НПО).

4. Количество получивших направления на работу по специальности из числа выпускников образовательных учреждений системы профессионального образования (ВПО, СПО).
5. Общее количество выпускников из образовательных учреждений системы профессионального образования (ВПО, СПО, НПО), не получивших направлений на работу.
6. Общая численность выпускников из образовательных учреждений системы профессионального образования (ВПО, СПО, НПО), которым предоставлено право самостоятельно трудоустроиться.
7. Численность выпускников из образовательных учреждений системы профессионального образования (ВПО, СПО, НПО), продолжающих обучение на следующем уровне.
8. Численность выпускников из образовательных учреждений системы профессионального образования (ВПО, СПО, НПО), призванных в ряды Вооруженных сил.
9. Закрепляемость выпускников из образовательных учреждений системы профессионального образования (ВПО, СПО, НПО) на рабочем месте.

Основным отличием данных из двух указанных источников является то, что данные по трудоустройству мониторинга Минобрнауки России содержат сведения по всем видам собственности учреждений профессионального образования (государственные, негосударственные), формам обучения (дневное, вечернее, очное, заочное) и способам оплаты (бюджет, полное возмещение затрат); а данные мониторинга Федеральной службы государственной статистики содержат сведения только по государственным учреждениям профессионального образования, дневной бюджетной форме обучения. Очевидно, что информация из этих двух источников данных непригодна для сопоставления напрямую, в абсолютных значениях. В [7] утверждается, что статистические данные должны отвечать двум требованиям: достоверность и сопоставимость. Общее условие обеспечения достоверности – полнота охвата наблюдаемого объекта. Важное условие сравнимости – сохранение времени проведения наблюдения и методики наблюдения первичных и расчета вторичных признаков. Тем не менее использование двух независимых источников данных дает следующие преимущества:

- Возможность детализации – выделение в общей численности выпускников потока дневной бюджетной формы обучения.
- Возможность сопоставительного анализа – сравнение относительных показателей, несущих близкую смысловую информацию из этих двух источников (например, процента трудоустройства или доли лиц, ушедших служить

в ряды Вооруженных сил РФ из общего выпуска и т. п.).

- Возможность сравнительного анализа – абсолютные значения аналогичных показателей мониторинга Министерства образования и науки России должны быть больше или равными абсолютным значениям показателей мониторинга Федеральной службы государственной статистики.
- Возможность парциального анализа данных – выявление и исправление различного рода ошибок (случайных и системных) в статистических данных: на основе данных из одного источника можно провести косвенную оценку данных другого источника (методом пропорций), что позволит получить приблизительные диапазоны возможных значений отсутствующих показателей или выявить подозрительные выбросы численных значений показателей в большую или меньшую сторону.

Указанные преимущества свидетельствуют о том, что представленные показатели данных по трудоустройству из двух источников не дублируют, а наоборот, дополняют друг друга, позволяя значительно расширить функциональные возможности анализа трудоустройства. В таблице проводится сопоставительный анализ показателей из двух указанных источников, являющихся близкими по смысловому и функциональному содержанию. Результаты анализа свидетельствуют о том, что имеющиеся 15 показателей мониторинга в подавляющем количестве относятся к группе показателей результативности трудоустройства. Только 9-й показатель из списка Росстата – закрепляемость выпускников на рабочем месте – может быть использован для косвенной оценки оперативности, в том числе поскольку закрепляемость в соответствующей статистической форме [8] измеряется в процентах от числа трудоустроившихся за 1 или 2 года. На этой основе в будущем возможна разработка составного функционального показателя (индикатора), который бы учитывал закрепляемость выпускников на рабочем месте в качестве одного из аргументов.

Таким образом, лакунами в перечне существующих показателей трудоустройства является практически полное отсутствие групп показателей, отражающих оперативность и ресурсоемкость трудоустройства. В будущем необходимо дополнить список существующих показателей трудоустройства, связанных с указанными характеристиками оперативности и ресурсоемкости.

Следующий вывод свидетельствует о том, что приведенные показатели трудоустройства являются преимущественно абсолютными, а относительные показатели практически отсутствуют (за исключением закрепляемости выпускников на рабочем месте), что затрудняет проведение сравнительного анализа, например, между субъектами РФ. Наличие таких показателей среди

исходных статистических данных привело бы к увеличению достоверности значений данных показателей.

Отрицательной стороной приведенных показателей является отсутствие в двух указанных источниках данных прямых аналогий между категориями трудоустроившихся и нетрудоустроившихся выпускников. Так, если в данных мониторинга Минобрнауки России присутствует такой показатель, как «Фактическое количество выпускников системы профессионального образования (ВПО, СПО, НПО), которые трудоустроились», то в данных мониторинга Федеральной службы государственной статистики напрямую такой показатель отсутствует, а наличествуют лишь лица, которые «получили направления на работу» или проходили «целевую контрактную подготовку», что, несомненно, повышает вероятность их трудоустройства, но из чего совсем не следует, что все они трудоустраиваются.

Аналогичная ситуация выявлена при анализе показателей, характеризующих нетрудоустройство выпускников. Если в форме Министерства образования и науки России есть четкий показатель «Фактическое количество выпускников системы профессионального образования (ВПО, СПО, НПО), которые не смогли трудоустроиться», то в форме Федеральной службы государственной статистики присутствует информация, «свидетельствующая лишь о выпускниках, «не получивших направлений на работу», и о тех, кому

«предоставлено право самостоятельно трудоустроиться». Остается лишь предполагать, что данные граждане якобы не смогут трудоустроиться. Справедливо ли данное предположение, можно будет судить только по результатам статистического сравнения относительных значений этих показателей.

Самым существенным недостатком, выявленным при анализе указанных форм, является отсутствие в форме Министерства образования и науки России такого показателя, как «Фактическое количество выпускников системы профессионального образования (ВПО, СПО, НПО), которые трудоустроились по специальности», а в форме Федеральной службы государственной статистики также следовало бы ввести аналогичный показатель вместо «Количество получивших направления на работу по специальности из числа выпускников из образовательных учреждений системы профессионального образования (ВПО, СПО)». Существенным минусом является отсутствие в Росстате мониторинга трудоустройства выпускников системы НПО.

При дальнейшей разработке дополнительных показателей следует учесть также проблематику рынка труда и рынка образовательных услуг, которые составляют внешнюю среду по отношению непосредственно к самому процессу трудоустройства. Назовем лишь несколько факторов влияния на трудоустройство со стороны внешней среды: дисбаланс на рынке труда; уровень про-

Сравнительно-сопоставительный анализ
показателей мониторинга трудоустройства выпускников

Показатель мониторинга Министерства образования и науки России	Показатель мониторинга Федеральной службы государственной статистики	Группа показателей эффективности	Тип сопоставления
1. Фактический выпуск из образовательных учреждений системы профессионального образования (ВПО, СПО, НПО)	1. Выпуск специалистов из образовательных учреждений системы профессионального образования (ВПО, СПО, НПО)	Результативность	Прямая аналогия
2. Фактическое количество выпускников системы профессионального образования (ВПО, СПО, НПО), которые трудоустроились	2. Количество обучавшихся в рамках целевой контрактной подготовки из числа выпускников образовательных учреждений системы профессионального образования (ВПО, СПО) 3. Общая численность получивших направления на работу из выпуска образовательных учреждений системы профессионального образования (ВПО, СПО, НПО)	Результативность	Косвенная аналогия
3. Фактическое количество выпускников системы профессионального образования (ВПО, СПО, НПО), которые были призваны в ряды Вооруженных сил РФ	8. Численность выпускников из образовательных учреждений системы профессионального образования (ВПО, СПО, НПО), призванных в ряды Вооруженных сил	Результативность	Прямая аналогия
4. Фактическое количество выпускников системы профессионального образования (ВПО, СПО, НПО), которые продолжили обучение на следующем уровне профессионального образования	7. Численность выпускников из образовательных учреждений системы профессионального образования (ВПО, СПО, НПО), продолжающих обучение на следующем уровне	Результативность	Прямая аналогия

фессионального образования (качество образовательных программ); информированность об открытых вакансиях; уровень предлагаемой заработной платы; условия труда. В результате был сформирован предварительный список недостающих качеств показателей мониторинга трудоустройства:

- Малое число относительных и функциональных показателей трудоустройства.
- Практическое отсутствие показателей, характеризующих сам процесс, а не результат (то есть показателей оперативности и ресурсоемкости).
- Отсутствие интегральных (мультипликативных, аддитивных) и комплексных показателей трудоустройства.
- Отсутствие качественных показателей трудоустройства.
- Отсутствие унифицированной системы сбора данных показателей по всем требуемым разрезам (уровням ПО, УГС, ВЭД и т. д.).
- Отсутствие достоверных данных из независимых от системы профессионального образования источников.

Что касается последнего пункта, авторами предлагается использовать следующие независимые источники достоверных данных:

1. «Реестр выпускников» по всем уровням профессионального образования (высшее, среднее, начальное, послевузовское и дополнительное) на базе реестра дипломов Национального аккредитационного агентства в сфере образования (Росаккредагентства).
2. Независимую информацию о налогоплательщиках, которой располагает Федеральная налоговая служба (ФНС).
3. Независимую информацию, которой располагает Пенсионный фонд РФ (ПФ).

Данная практика использования независимой информации от налоговых и страховых служб широко используется в развитых зарубежных странах (например, в Финляндии, США) органами статистического наблюдения для получения непредвзятой картины трудоустройства и работы занятого населения в разрезе территорий, отраслей экономики, профессий, учебных специальностей, возрастных групп и т. п.

Принцип независимого мониторинга трудоустройства выпускников заключается в следующем. Реестр выпускников формируется с учетом таких показателей: фамилия, имя и отчество лица, получившего диплом; наименование направления подготовки (специальности); код специальности или направления по классификатору, перечню, справочнику среднего профессионального образования или Общероссийскому классификатору специальностей по образованию (ОКСО); идентификатор квалификации (магистратура / бакалавриат), код квалификации по ОКСО; наименование присвоенной степени или квалификации; год окончания учреждения профобразования; дата рождения; серия и номер паспорта выпускника. Информация, содержащаяся в реестре выпускников, будет сопоставляться с данными из независимых источников (ФНС, ПФ). В качестве ключевых будут использованы поля с паспортными данными выпускников. Таким образом, для заданных года выпуска и образовательной специальности можно будет получить агрегированную информацию, например, о доле устроившихся на работу. В результате сопоставления будут получены независимые оценки трудоустройства выпускников, которые позволят верифицировать показатели трудоустройства, предоставляемые Росстатом и Минобрнауки России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анфилов В. С., Емельянов А. А., Кукушкин А. А. Системный анализ в управлении: Учеб. пособие. М.: Финансы и статистика, 2002. 368 с.
2. Дмитрашко С. И., Лукинова Е. А. Занятость и безработица, рынок труда и трудоустройство. М.: Русь, 2006.
3. Зеер Э. Ф., Тукачев Ю. А. Теоретико-методологические основы сопряжения образовательных и профессиональных стандартов // Психология образования: проблемы и перспективы: Материалы Первой междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 16–18 декабря 2004 г.). М.: Смысл, 2004. С. 85–86.
4. Проблемы молодежного рынка труда: региональный аспект: материалы социологического исследования (Челябинская область, 2004–2005 гг.) / Т. Г. Калугина, С. И. Кубицкий, Л. Э. Пробст и др. Челябинск: УрСЭИ АТиСО, 2005. 152 с.
5. Проблемы профессиональной подготовки выпускника современного вуза для регионального рынка труда / Под ред. Т. Г. Калугиной, А. И. Сидорова, Л. П. Шушарина. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2009. 91 с.
6. Сигова С. В. Восполнение кадрового дефицита на рынке труда Российской Федерации. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. 188 с.
7. Статистика: Учебник / Под ред. И. И. Елисевой. Ярославль: ООО «Издательство Проспект», 2004.
8. Форма статистической отчетности № 1-кадры «Сведения о дополнительном профессиональном образовании работников в организациях» утверждена приказом Росстата от 06.09.2010 № 305 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.referent.ru/1/165572>. Данные на 31.10.2011

НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА РАЗНОВА

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента Института управления бизнес-процессами и экономики, Сибирский федеральный университет
natalia_raznova@mail.ru

ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА ФИЛИМОНЕНКО

кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой маркетинга Института управления бизнес-процессами и экономики, Сибирский федеральный университет
filimonenko@iubt.ru

ГАЛИНА ФЕДОРОВНА ЯРИЧИНА

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента Института управления бизнес-процессами и экономики, Сибирский федеральный университет
sanya080407@yandex.ru

МОНИТОРИНГ ТРУДОУСТРОЙСТВА ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ КАК ИНСТРУМЕНТ СБАЛАНСИРОВАННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО РЫНКА ТРУДА

В статье рассмотрены проблемы формирования региональной системы мониторинга трудоустройства выпускников учреждений профессионального образования как важного инструмента обеспечения соответствия качества, объемов и профилей подготовки кадров потребностям региональной экономики. Создание единого информационного поля обеспечит основу для разработки прогнозов кадровой потребности и сократит дисбаланс спроса и предложения на рынке труда региона.

Ключевые слова: рынок труда, рынок образовательных услуг, прогноз потребности региональной экономики в кадрах, мониторинг трудоустройства, сбалансированность спроса и предложения, региональный заказ

Роль мониторинга как эффективного инструмента исследования востребованности выпускников за последние годы существенно возросла. В первую очередь это связано с дальнейшим развитием рыночных отношений, усилением конкуренции, быстрым изменением условий внешней и внутренней среды деятельности организаций, усложнением механизма взаимодействия рынков труда и образовательных услуг.

Вопросы обеспечения сбалансированности спроса и предложения на рынке труда с целью минимизации социальной напряженности являются актуальными практически для всех субъектов РФ. В условиях ограниченности трудовых ресурсов и повышения их роли при переходе экономики на инновационный путь развития возникают две проблемы: 1) невозможно безответственно растрачивать трудовые ресурсы, допуская их неиспользование в воспроизводственном экономическом процессе; 2) нельзя осуществлять неэффективную профессиональную подготовку трудовых ресурсов, выражающуюся в формировании у специалистов знаний, умений и навыков, не соответствующих потребностям региональной экономики.

Обе проблемы слишком дорого обходятся субъекту Федерации (СФ) и государству в целом как в экономическом смысле, так и с точки зрения социальной ответственности. Особого внимания заслуживает занятость и безработица выпускников вузов.

Согласно данным государственной статистической отчетности, в 2010/11 учебном году на

территории Красноярского края функционируют 11 федеральных и 2 негосударственных вуза, где обучаются 112,1 тыс. студентов. В 2010 году вузы края выпустили более 20,1 тыс. молодых специалистов. Структура специальностей в вузах практически полностью закрывает потребность региональной экономики в специалистах соответствующего профиля подготовки. В рейтинге самых популярных направлений 1-е место занимает группа специальностей «Экономика и управление» (33,1 % выпускников), на 2-м месте – «Образование и педагогика» (15,8 %), и замыкает тройку лидеров группа «Гуманитарные науки» [2].

Сотрудники исследовательского центра компании «HeadHunter», проанализировав более 8 тыс. вакансий и 11 тыс. резюме, пришли к выводу, что красноярский бизнес находится в стадии активного развития после экономического кризиса, о чем свидетельствует динамика вакансий (рис. 1) [3]. Так, объем предложений за десять месяцев текущего года вырос на 62 % по сравнению с аналогичным периодом 2009 года. Наибольшая динамика отмечена в следующих сферах бизнеса: банки и финансы (количество вакансий увеличилось на 133 % по сравнению с аналогичным периодом 2009 года), строительство и недвижимость (рост составил 80 %). Также вырос спрос на административный персонал (секретариат, офис-менеджеры, курьеры и пр.) – на 88 %. Сокращение спроса произошло для юристов – на 28 %.

За 2009 год на рынке труда края было официально зарегистрировано 1617 вакансий, требующих высшего экономического образования.

Анализ показывает, что в последние годы число выпускников экономических специальностей составляет в среднем около 7,5 тыс. человек ежегодно, что более чем в 4,5 раза превышает количество заявленных вакансий. Из общего числа выпускников в течение года после выпуска трудоустраиваются около 97 %. При этом многие вынуждены работать не по специальности, переучиваться и переквалифицироваться в соответствии с потребностями рынка труда. Подобная картина с трудоустройством выпускников характерна для РФ в целом. Сегодня порядка 50–70 % выпускников российских вузов, по данным Федеральной службы государственной статистики, работают не по специальности. Многие из них практически сразу становятся клиентами службы занятости, увеличивая уровень и масштабы скрытой безработицы, которая сейчас охватывает более четверти работоспособной молодежи.

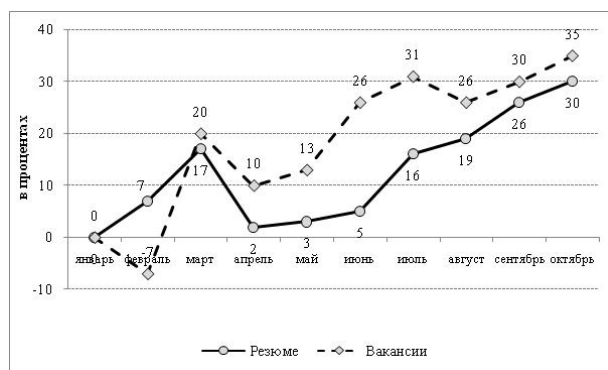

Рис. 1. Динамика вакансий и резюме в Красноярском крае в 2011 году [3]

Красноярский край является одним из наиболее индустриально развитых регионов России. По объему ВРП край занимает 9-е место среди СФ, первое место — среди регионов СФО. На его долю приходится 2,6 % всего объема промышленной продукции, произведенной на территории России. Основой устойчивого социально-экономического положения края и потенциалом его развития является реализация на территории края крупных инвестиционных проектов по развитию традиционных и созданию новых высокотехнологичных производств. Только за последние 5 лет инвестиции в экономику края в сопоставимых ценах увеличились более чем в 2,8 раза.

Реализация инвестиционных проектов оказывает значительное влияние на конъюнктуру рынка труда края (особенно на уровне муниципальных образований). Например, в Кежемском районе в результате реализации проекта «Строительство Богучанской ГЭС» численность безработных сократилась в 2,25 раза (с 253 человек на 01.09.2010 до 115 человек на 01.09.2011), уровень безработицы — с 1,7 до 0,8 % от трудоспособного населения в трудоспособном возрасте. Создаются но-

вые рабочие места, растет трудовая мобильность кадров, улучшаются перспективы занятости населения всех муниципальных образований края.

Стоящие перед экономикой края задачи предъявляют серьезные требования к системе регионального образования, актуализируют потребность ее реструктуризации с целью приведения в динамическое соответствие качества, объемов и профилей подготовки кадров к потребностям региональной экономики. Для достижения данной цели принята ведомственная целевая программа «Развитие общего и профессионального образования Красноярского края на 2010–2012 годы». Основная задача программы — создать систему профессионального образования, способную готовить специалистов, отвечающих требованиям работодателей и современного производства, востребованных на рынке труда.

Анализ проблемы сбалансированности потребностей экономики в профессиональных кадрах с возможностью их подготовки системой профессионального образования края указывает на качественную и количественную рассогласованность интересов бизнеса, вузов и выпускников. С одной стороны, существует разрыв между потребностями бизнеса в соответствующих компетенциях выпускников и предложением компетенций, которые формирует вуз в соответствии с государственным образовательным стандартом. С другой стороны, у многих студентов отсутствуют целевые установки по поводу своего будущего профессионального развития, либо цели достаточно абстрактны, либо цели известны, но не связаны с получаемой специальностью. То есть бизнес нуждается в одних компетенциях, вуз предлагает другие, а студент вообще слабо представляет свои будущие потребности. Отсюда и проблемы, связанные с трудоустройством молодых специалистов: с одной стороны, дефицит рабочих мест на рынке труда, с другой — несоответствие профессиональных качеств выпускников вузов требованиям работодателей.

В связи с этим поиск эффективных решений данной проблемы требует анализа не только тенденций и текущего состояния регионального рынка труда в целом, но и положения на нем выпускников вузов.

Решению данного вопроса смогла бы помочь методика прогнозирования спроса на специалистов, позволяющая получить корректный прогноз потребности СФ в квалифицированных специалистах различного профиля и обеспечить базу для формирования заказа системе образования. Для этого нужно не только иметь четкое представление о перспективных направлениях экономического развития региона. Важное направление совместной работы — сближение образования с реальной экономикой. Бизнес должен открыто декларировать свои кадровые потребности, участвовать в разработке единых образовательных

стандартов, активно предоставлять студентам места прохождения производственной практики.

В последние годы в РФ приняты серьезные меры по усилению взаимодействия государства и бизнеса в области подготовки кадров. Федеральный закон от 1 декабря 2007 года № 307-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в целях предоставления объединениям работодателей права участвовать в разработке и реализации государственной политики в области профессионального образования» расширяет полномочия работодателей в разработке и формировании: государственных образовательных стандартов; требований к дополнительным профессиональным образовательным программам; направлений подготовки (специальностей) профессионального образования.

Для непрерывного анализа востребованности специалистов по уровням образования, профессиям и квалификациям Красноярский край нуждается в создании региональной системы мониторинга трудоустройства молодых специалистов. На основе накопленной информации и эвристических методов прогноза до 3 лет можно определить потенциальные изменения в структурах занятости и образования. Это позволит вовремя внести соответствующие корректировки в региональную систему профессионального образования и повысить точность прогноза кадровой потребности региональной экономики, сформировать единое информационное поле для разработки и корректировки средне- и долгосрочных прогнозов кадровой потребности экономики региона.

Пользу от существования подобной системы можно проиллюстрировать на простом примере – анализе уровня трудоустройства выпускников вузов по специальностям.

Анализ информации (данные о вакансиях, резюме и их соотношении на период с 01.01.2011 по 01.06.2011) кадрового агентства «HeadHunter» (www.hh.ru) позволил установить наиболее востребованные из двух групп экономических специальностей: Бухгалтерия / Управленческий учет / Финансы предприятия; Маркетинг / Реклама / PR.

Уровень востребованности среди специальностей определялся по hh-индексу: hh-индекс = количество резюме / количество вакансий. Если индекс равен 1, значит, сбалансированы спрос и предложение. Если этот показатель больше 1, то предложение превышает спрос, если меньше 1, то спрос выше предложения.

По группе специальностей «Бухгалтерия / Управленческий учет / Финансы предприятия» на 1 января 2011 года hh-индекс = 4,79, то есть число вакансий было почти в 5 раз меньше, чем резюме. К 1 июня 2011 года разница между резюме и вакансиями существенно сократилась, но hh-индекс оставался довольно высоким – 3,66 (рис. 2).

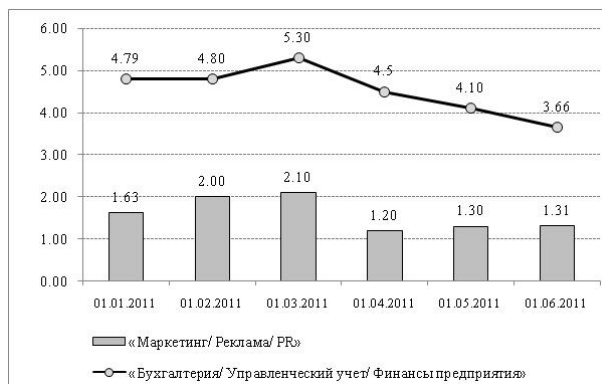

Рис. 2. Динамика hh-индекса по группам специальностей «Бухгалтерия / Управленческий учет / Финансы предприятия» и «Маркетинг / Реклама / PR» за январь – май 2011 года [3]

Существенно отличается ситуация на рынке вакансий и резюме в отношении другой группы специальностей – «Маркетинг / Реклама / PR». На 01.01.2011 hh-индекс равнялся 1,63, то есть вакансий на 0,63 пункта меньше, чем резюме. В конце апреля 2011 года hh-индекс = 1, а в июле того же года – 1,31, что свидетельствует о большей сбалансированности между спросом и предложением по данной специальности на рынке труда (рис. 2).

Анализ банка вакансий и резюме позволяет сделать вывод, что наиболее востребованной группой среди исследованных экономических специальностей на рынке труда Красноярского края является группа «Маркетинг / Реклама / PR».

Вместе с тем в настоящее время проведение мониторинга востребованности затруднено в связи с отсутствием соответствующей статистической базы. Приказом Министерства экономического развития РФ и Федеральной службы государственной статистики от 27 июля 2009 года № 150 «Об утверждении статистического инструментария для организации Рособразования статистического наблюдения за деятельностью образовательных учреждений» утверждены представленные Федеральным агентством по образованию формы федерального статистического наблюдения с указаниями по их заполнению для сбора и обработки данных. Показатели и периодичность их представления не отвечают в полной мере интересам образовательных учреждений, органов управления образованием, профессионального сообщества и не позволяют работать в направлении устранения дисбаланса между рынками труда и образовательных услуг.

С целью уменьшения указанных диспропорций, а также повышения эффективности работы учебных заведений необходима организация детального мониторинга востребованности (трудоустройства) выпускников учреждений профессионального образования (прежде всего высших и средних профессиональных учебных заведе-

ний). Сбор первичной информации о результатах трудоустройства выпускников образовательного учреждения следует осуществлять на основе их опросов по завершении обучения (на 1 октября года окончания обучения и на 1 февраля следующего года) методом сплошного анкетирования по предлагаемым формам: «Сведения о трудоустройстве выпускников»; инструкция к заполнению формы «Сведения о трудоустройстве выпускников».

Формы заполняются по показателям: трудоустройство выпускников, в том числе по специальности (не по специальности), работающих в регионе, в разрезе внешнеэкономической деятельности, форм обучения, специальностей, направлений подготовки; нетрудоустройство, причины нетрудоустройства, обращение в службу занятости.

Традиционно для оценки востребованности выпускников учебных заведений используются два показателя: трудоустройство выпускников по специальности как свидетельство их востребованности экономикой и обращение в службу занятости как свидетельство невостребованности или слабой востребованности выпускников на рынке труда [1]. Однако в европейском понимании востребованность – это обязательно работа по специальности. Считается, что выпускник, сделавший профессиональную карьеру на уровне специалиста с высшим образованием, но не по специальности, востребован на рынке труда. Более того, такое трудоустройство считается свидетельством высокого уровня компетентности трудоустроившегося, так как он способен к высокой степени адаптации, к самообразованию [1].

Организации, предприятия и образовательные учреждения, принимающие участие в проведении мониторинга регионального рынка труда, направляют электронный вариант заполненной формы в Центр мониторинга и прогнозирования кадровой потребности на базе Сибирского федерального университета (СФУ) и далее заинтересованным участникам мониторинга (рис. 3).

Мониторинг рынка труда позволит:

- образовательному учреждению: планировать подготовку и переподготовку выпускников по специальностям и направлениям подготовки в соответствии с прогнозами региональной кадровой потребности; правильно ориентироваться в выборе новых направлений подготовки; вести подготовку перспективных дополнительных образовательных

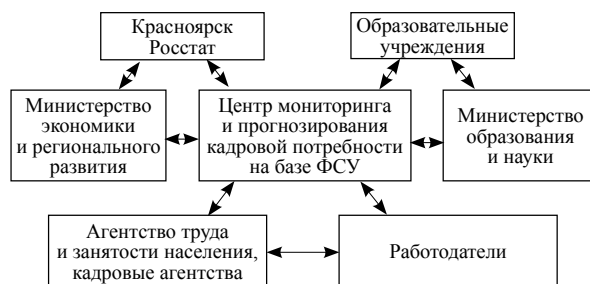

Рис. 3. Участники мониторинга кадрового обеспечения экономики региона

программ; повышать качество подготовки выпускников;

- Минэкономразвития Красноярского края: использовать прогнозы кадрового обеспечения региона при разработке целевых комплексных программ и прогнозов социально-экономического развития региона;
- Министерству образования и науки: разрабатывать региональные стратегии развития профессионального образования, в том числе дополнительного; формировать обоснованный региональный заказ на подготовку и переподготовку кадров по специальностям, уровням профессионального образования и направлениям подготовки.

В концептуальной модели мониторинга учитывается информация о рабочих местах, предполагаемых к вводу в прогнозируемом периоде, количество которых определяется на основании данных об инвестиционных проектах, реализуемых на конкретном предприятии или заложенных в программах социально-экономического развития региона. Успех перехода к инновационной модели развития экономики региона определяется тем, насколько гибкой и адаптивной окажется структура рынка труда, насколько эффективно он сможет удовлетворить запросы инновационных предприятий в кадрах требуемой квалификации. Инновационное изменение парадигмы в отрасли актуализирует опережающую профессиональную подготовку кадров новой формации [4], в которых так нуждается сейчас и будет нуждаться в ближайшем будущем экономика региона. Суть ее – в формировании компетентных инновационно ориентированных кадров.

Опережающее образование заявлено как механизм создания «новой экономики» в Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева Е. Н. Методика оценки востребованности выпускников вуза на рынке труда через анализ их трудоустройства // Сборник докладов по материалам IV Всерос. научно-практ. интернет-конф. «Спрос и предложение на рынке труда и рынке образовательных услуг в регионах России» / Под ред. В. А. Гуртова. Петрозаводск, 2007. С. 125–130.
2. Данные с официального сайта Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.krasstat.gks.ru/default.aspx/>
3. Данные с официального сайта кадрового агентства «HeadHunter» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://krasnoyarsk.hh.ru/career-stats/index_, <http://www.dela.ru/news/job-pret/>
4. Майер В. В. Роль качества образования в социально-экономическом развитии // Экономика образования. 2006. № 2. С. 15–19.

АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ СЕМЕНОВ

аспирант кафедры математического моделирования систем управления математического факультета, Петрозаводский государственный университет
 asemenov@psu.karelia.ru

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СИСТЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО УРОВНЕЙ

В статье предложена математическая модель в виде системы из 34 разностных уравнений, позволяющая с высокой точностью прогнозировать объемы приема и выпуска, а также численность обучающихся студентов учреждений всех уровней профессионального образования на период до 2020 года на основе прогноза численности выпускников общеобразовательных учреждений.

Ключевые слова: система профессионального образования, прогнозирование, прием, выпуск, численность студентов

ВВЕДЕНИЕ

Выпускники системы профессионального образования (ПО) являются основным источником удовлетворения потребности в рабочей силе на рынке труда, и их численная прогнозная оценка служит основой для расчета баланса трудовых ресурсов на перспективный период.

Прогнозирование численности обучающихся студентов позволяет в перспективе оценить объем государственных затрат на финансирование образования, которое для образовательных учреждений (ОУ) высшего профессионального образования с 2011 года станет подушевым.

Для описания потоков распределения выпускников школ и учреждений профессионального образования по приемам в учреждения системы профессионального образования применяется модель, аналогичная модели переноса вещества. Потоки людей записываются в виде балансовых уравнений на основе закона сохранения их численности. Записанная таким образом модель обладает свойством аддитивности и позволяет с достаточной точностью описывать коллективное поведение поступающих.

Новизной предложенной модели, отличающей ее от предшествующих [1], [3], является учет следующих особенностей:

- детальное описание структуры приема в образовательные учреждения профессионального образования всех уровней;
- переходы учащихся с курса на курс.

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ

Система балансовых уравнений, с учетом дискретного времени, представлена в разностном виде.

Математическая модель состоит из трех частей: моделирование объемов приемов в образовательные учреждения профессионального образования; моделирование численности выпускников; моделирование количества обучающихся студентов.

Первая часть математической модели – моделирование объемов приемов в учреждения про-

фессионального образования – записывается в виде системы из пяти разностных уравнений, соответствующих приемам пяти уровней профессионального образования (начальное (НПО), среднее (СПО), высшее (ВПО) (бакалавр), высшее (специалист), высшее (магистр)):

$$\left\{ \begin{aligned} P^N &= U_i^9 \cdot k_i^{9-N} + U_i^{11} \cdot k_i^{11-N} + U_i^{9r} \cdot k_i^{9r-N} + U_i^{11r} \cdot k_i^{11r-N} + U_i^9 \cdot k_i^{9w} \\ P^S &= U_i^9 \cdot k_i^{9-S} + U_i^{11} \cdot k_i^{11-S} + U_i^{9r} \cdot k_i^{9r-S} + U_i^{11r} \cdot k_i^{11r-S} + \\ &+ V_i^N \cdot k_i^{N-S} + V_{i-1}^N \cdot k_i^{Nr-S} + (V_i^V + V_i^S) \cdot k_i^{SV-S} \\ P^{Vs} &= k_i^{Vs} \cdot (U_i^{11} \cdot k_i^{11-V} + U_i^{11r} \cdot k_i^{11r-V} + V_i^N \cdot k_i^{N-V} + \\ &+ V_i^{Nr} \cdot k_i^{Nr-V} + V_i^S \cdot k_i^{S-V} + V_i^{Sr} \cdot k_i^{Sr-V} + V_{i-1}^V \cdot k_i^{V-V}) \\ P^{Vb} &= (1 - k_i^{Vs}) \cdot (U_i^{11} \cdot k_i^{11-V} + U_i^{11r} \cdot k_i^{11r-V} + V_i^N \cdot k_i^{N-V} + \\ &+ V_i^{Nr} \cdot k_i^{Nr-V} + V_i^S \cdot k_i^{S-V} + V_i^{Sr} \cdot k_i^{Sr-V} + V_{i-1}^V \cdot k_i^{V-V}) \\ P^{Vm} &= k_i^{b-m} \cdot V_i^{Vb} \end{aligned} \right. \quad (1)$$

Здесь используются следующие обозначения: P^N – прием НПО, P^S – прием СПО, P^{Vs} – прием ВПО (специалисты), P^{Vb} – прием ВПО (бакалавры), P^{Vm} – прием ВПО (магистры), U^9 – численность выпускников 9-х классов, U^{11} – численность выпускников 11-х классов, U^{9r} – выпускники 9-х классов прошлых лет, поступающие в текущем году, U^{11r} – выпускники 11-х классов прошлых лет, поступающие в текущем году, V^N – выпуск НПО текущего года, V^S – выпуск СПО текущего года, V^{Nr} – выпуск НПО прошлого года, V^{Sr} – выпуск СПО прошлого года, V^V – выпуск ВПО текущего года.

Для обозначения модельного времени вводится индекс i , который изменяется от начальной $i_s = 1$ до конечной $i_f = 19$ границы интервала исследования с шагом один год. Календарное время (годы) измерения данных меняется по закону $t(i) = i + 2001$. Так, $t(i_s) = 2002$ и $t(i_f) = 2020$.

Нестационарные коэффициенты вида k_i^{X-Y} характеризуют долю потока X , вливающегося в поток Y .

Вторая часть модели описывает динамику выпусков из ОУ ПО. Выпуски из учреждений СПО и ВПО определяются численностью студентов на старших курсах прошлого года. Соответствующие уравнения записываются следующим образом:

$$\begin{cases} V_i^S = QV^S \cdot (ktgS_{i-1}^3 + ktgS_{i-1}^4 + ktgS_{i-1}^5 + ktgS_{i-1}^6) \\ V_i^V = V_i^{Vs} + V_i^{Vb} + V_i^{Vm} \\ V_i^{Vs} = QV^{Vs} \cdot (ktgVs_{i-1}^4 + ktgVs_{i-1}^5 + ktgVs_{i-1}^6 + ktgVs_{i-1}^7), \\ V_i^{Vb} = QV^{Vb} \cdot (ktgVb_{i-1}^4 + ktgVb_{i-1}^5) \\ V_i^{Vm} = QV^{Vm} \cdot ktgVm_i^2 \end{cases} \quad (2)$$

где V_i^S – выпуск ОУ СПО; QV^S – коэффициент, характеризующий выпуск СПО; $ktgS_i^j$ – численность студентов СПО в год i на курсе j ; V_i^V – выпуск ВПО в целом, V_i^{Vs} – выпуск специалистов; V_i^{Vb} – выпуск бакалавров; V_i^{Vm} – выпуск магистров; QV^{Vs} , QV^{Vb} , QV^{Vm} – коэффициенты, характеризующие выпуск ВПО соответственно для специалистов, бакалавров и магистров; $ktgVs_i^j$ – численность специалистов ВПО в год i на курсе j ; $ktgVb_i^j$ – численность бакалавров ВПО в год i на курсе j ; $ktgVm_i^2$ – численность магистров на 2-м курсе в год i .

Третью часть модели составляют уравнения (3–22), описывающие динамику численности студентов по курсам.

Уравнения для нахождения численности контингента студентов по курсам имеют следующий вид:

$$ktgVs_i^1 = qVs^{p,1} \cdot P_i^{Vs} \quad (3)$$

$$ktgVs_i^j = qVs^{j-1,j} \cdot ktgVs_{i-1}^{j-1}, \quad j = 2..7 \quad (4-9)$$

$$ktgVb_i^1 = qVb^{p,1} \cdot P_i^{Vb} \quad (10)$$

$$ktgVb_i^j = qVb^{j-1,j} \cdot ktgVb_{i-1}^{j-1}, \quad j = 2..5 \quad (11-14)$$

$$ktgVm_i^1 = qVm^{p,1} \cdot P_i^{Vm} \quad (15)$$

$$ktgVm_i^2 = qVm^{1,2} \cdot ktgVm_{i-1}^1 \quad (16)$$

$$ktgS_i^1 = c_1^S \cdot P_i^S \quad (17)$$

$$ktgS_i^2 = c_2^S \cdot P_i^S + qS^{1,2} \cdot ktgS_{i-1}^1 \quad (18)$$

$$ktgS_i^3 = c_3^S \cdot P_i^S + qS^{2,3} \cdot ktgS_{i-1}^2 \quad (19)$$

$$ktgS_i^j = qS^{j-1,j} \cdot ktgS_{i-1}^{j-1}, \quad j = 4..6, \quad (20-22)$$

где $qVs^{p,1}$, $qVb^{p,1}$ – коэффициенты связи между численностью студентов на первом курсе (I) и приемом (p) соответственно для специалистов и бакалавров; $qVs^{j-1,j}$, $qVb^{j-1,j}$ – коэффициенты перехода с курса $j-1$ на курс j соответственно для специалистов и бакалавров ВПО (диапазон изменения j соответствует диапазону курсов обучения); c_1^S , c_2^S , c_3^S – доля зачисленных соответственно на 1-й, 2-й и 3-й курсы в приеме СПО; $qS^{j-1,j}$ – коэффициент перехода с курса $j-1$ на курс j для СПО.

Подход, использующийся для оценки численности студентов и выпуска учреждений СПО и ВПО, не применим для оценки численности студентов учреждений НПО, поскольку для учреждений, реализующих программы НПО, статистика распределения обучающихся по курсам не представлена.

Данные о приеме НПО представлены в разрезе по продолжительности обучения поступающих (от 1 до 4 лет). Соотношения для расчета численности обучающихся и выпуска учреждений НПО в зависимости от приема записываются в следующем виде:

$$ktgN_i = QktgN \times [N_i^1 + N_i^2 + N_i^3 + N_i^4 + N_{i-1}^2 + N_{i-1}^3 + N_{i-1}^4 + N_{i-2}^3 + N_{i-2}^4 + N_{i-3}^4], \quad (23)$$

$$V_i^N = QV^N \cdot (N_{i-1}^1 + N_{i-2}^2 + N_{i-3}^3 + N_{i-4}^4), \quad (24)$$

где N_i^k – численность поступивших в ОУ НПО в i -м году студентов по программам со сроком обучения k лет; QV^N , $QktgN$ – коэффициенты пропорциональности, связывающие прием в учреждения НПО с выпуском и численностью студентов соответственно.

ОПИСАНИЕ ВНЕШНИХ ВОЗДЕЙСТВИЙ

В предложенной выше модели выпускники 9-х и 11-х классов школ являются фактором, осуществляющим внешнее воздействие на систему профессионального образования. Численность выпускников общеобразовательных школ напрямую влияет на объем приемов в образовательные учреждения профессионального образования. В свою очередь, численность выпускников школ напрямую зависит от демографического фактора рождаемости. Зависимость численности выпускников 9-х и 11-х классов от числа родившихся детей выявлена и описана в работе [2].

Численность выпускников 9-х классов школ определяется на основе демографического показателя рождаемости с помощью линейного уравнения:

$$U_i^9 = 0,13 \cdot X_{i-14} + 0,75 \cdot X_{i-15}, \quad (25)$$

где U_i^9 – число выпускников 9-х классов, X_{i-14} – число родившихся на 14 лет ранее; X_{i-15} – число родившихся на 15 лет ранее. Коэффициенты 0,13 и 0,75 определены при помощи регрессионного анализа.

Численность выпускников 11-х классов U_i^{11} определяется на основе численности выпускников 9-х классов двумя годами ранее с помощью линейного уравнения:

$$U_i^{11} = 0,65 \cdot U_{i-2}^9. \quad (26)$$

Коэффициент, связывающий численность выпускников 9-х и 11-х классов, также определен при помощи регрессионного анализа.

Следуя таким соображениям, можно построить прогноз численности выпускников 9-х и 11-х классов до 2020 года на основе ежегодной численности родившихся детей до 2003 года.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПАРАМЕТРОВ МОДЕЛИ

Математическая модель системы профессионального образования содержит 34 линейных конечно-разностных уравнения и 53 параметра (32 стационарных и 21 нестационарный).

Уравнения (3–5), (8–10) и (11–24), описывающие динамику приемов, выпусков и численности студентов ОУ ВПО, справедливы как для совместного, так и раздельного учета государственных и негосударственных учреждений ВПО.

При раздельном учете государственных и негосударственных вузов общее число уравнений модели возрастает до 54, число стационарных параметров – до 46, нестационарных – до 30.

К постоянным относятся параметры, характеризующие вероятность переходов студентов с курса на курс и выпуска студентов со старших курсов. Эти параметры достаточно надежно идентифицируются в виде средних на обучающей выборке ретроспективных данных, описывающих численность студентов по курсам и годам.

К нестационарным относятся параметры, характеризующие распределение выпускников школ и учреждений профессионального образования по приемам в учреждения профессионального образования, поскольку подчиняются явным тенденциям к изменениям, вызванным объективной социально-экономической ситуацией. Для идентификации таких параметров использовалась аппроксимация с помощью логистической кривой вида $f(t) = \frac{c}{1+b \cdot e^{-at}}$ с учетом ограничения на численность выпускников. Например, для выпускников 11-х классов:

$$k11_V + k11_S + k11_N \leq 1, \quad (27)$$

Результаты расчетов
средних относительных ошибок
и О-критерия для прогнозируемых величин

Величина	СООП	О-критерий
Прием ВПО	4,57 %	0,971
Прием СПО	3,79 %	0,965
Прием НПО	6,15 %	0,949
Выпуск ВПО	2,54 %	0,984
Выпуск СПО	1,91 %	0,989
Выпуск НПО	3,61 %	0,972
Численность студентов ОУ ВПО	2,08 %	0,987
Численность студентов ОУ СПО	1,29 %	0,992
Численность студентов ОУ НПО	8,89 %	0,941

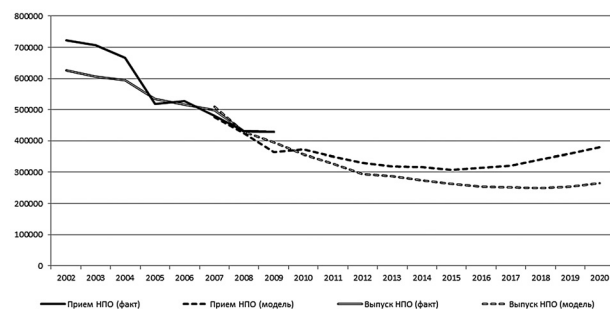

Рис. 1. Результаты расчета приема и выпуска из ОУ НПО

где $k11_V$, $k11_S$ и $k11_N$ – соответственно доли выпускников 11-х классов, поступающих в ОУ ВПО, СПО и НПО. Средние относительные ошибки в процентах соответственно равны 3,1, 1,9 и 4,5 %.

ПРОВЕРКА АДЕКВАТНОСТИ МОДЕЛИ

Для проверки адекватности модели был проведен пост-прогноз с целью сравнения модельных и фактических данных.

При этом вся выборка имеющихся данных с 2002 по 2009 год была разбита на две – обучающую выборку (с 2002 по 2007 год) и контрольную (с 2007 по 2009 год). Далее проверялось соответствие фактических данных на период с 2007 по 2009 год с расчетными значениями для этого же периода. Пригодность модели для прогнозирования определялась на основании следующих числовых оценок: средние относительные ошибки в процентах (СООП) и О-критерия.

В таблице приведены величины и средние относительные отклонения в процентах для этих величин между фактическими и расчетными данными. Средние относительные ошибки не превышают 9 %, а О-критерий превосходит 0,9 для всех прогнозируемых величин, что свидетельствует о пригодности приведенной модели.

РЕЗУЛЬТАТЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ ДО 2020 ГОДА

На рис. 1–3 приведены фактические данные с 2002 по 2009 год и результаты прогнозирования

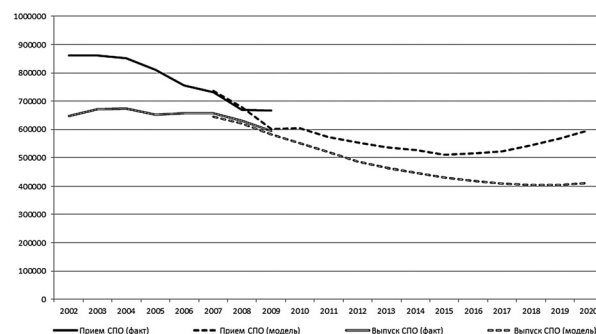

Рис. 2. Результаты расчета приема и выпуска из ОУ СПО

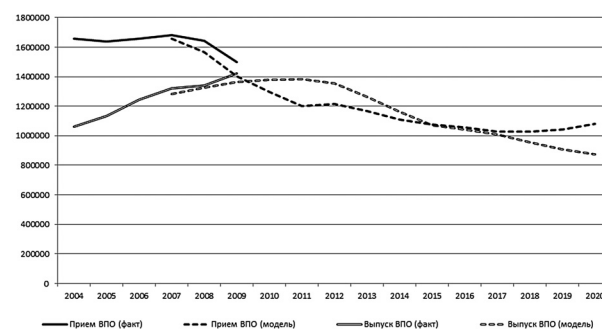

Рис. 3. Результаты расчета приема и выпуска из ОУ ВПО

ния приемов и выпусков до 2020 года для трех уровней профессионального образования по РФ.

АДАПТАЦИЯ МОДЕЛИ ДЛЯ РАСЧЕТОВ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Разработанная математическая модель позволяет прогнозировать распределение выпускников 9-х и 11-х классов школ по приемам в учреждения системы профессионального образования на уровне РФ. При этом учитывается, что эффект межрегиональной миграции, связанной с получением образования, на федеральном уровне не сказывается (сумма выбывших на учебу по всем регионам равна сумме прибывших в связи с учебой). Для расчетов на региональном уровне необходимо учитывать миграционные потоки граждан, меняющих место жительства в связи с учебой.

Ниже приводится описание разработанного алгоритма учета миграционных притоков и оттоков выпускников школ 9-х и 11-х классов, связанных с переездом в другие регионы для получения профессионального образования.

Исходные данные по миграции в связи с образованием берутся из форм статистической отчетности «МО-3» и «МР-1» [4], [5], [6], [7], [8], [9], [10], [11], [12], [13].

Обозначим число выпускников 9-х и 11-х классов, выбывших на учебу в другие регионы из m -го, соответственно $U_{9m}^{out}(i)$ и $U_{11m}^{out}(i)$ ($m \in 1..J$, $J = 83$ – по числу субъектов РФ).

Число выпускников, продолжающих обучение в своем m -м регионе, будет равно $U_{9m}(i) - U_{9m}^{out}(i)$ для выпускников 9-х классов и $U_{11m}(i) - U_{11m}^{out}(i)$ – для выпускников 11-х классов.

Сформируем два вектора из m компонентов ($m \in 1..J$, $J = 83$) для выпускников 9-х и 11-х классов, каждый элемент которых характеризует долю оставшихся в m -м регионе выпускников:

$$K_{U_{9m}}^S = \frac{U_{9m}(i) - U_{9m}^{out}(i)}{U_{9m}(i)} \quad (28)$$

– для выпускников 9-х классов и

$$K_{U_{11m}}^S = \frac{U_{11m}(i) - U_{11m}^{out}(i)}{U_{11m}(i)} \quad (29)$$

– для выпускников 11-х классов. Сумма элементов этих векторов равна единице.

Пусть существует квадратная матрица $M = \{M_{k,n}\}$ размером 83×83 (по числу субъектов Федерации), элементы которой представляют собой численность мигрантов, убывших из региона k в регион n с целью получения образовательных услуг. Диагональные элементы этой матрицы – нули.

Создадим матрицу $Z_9 = \{Z_{9k,n}\}$, $k, n \in 1..J$, $J = 83$, где

$$Z_{9k,n} = \begin{cases} K_{U_{9k}}^S, k = n \\ M_{k,n} \cdot \frac{U_{9k}^{out}}{\sum_{j=1}^{83} M_{k,j}}, k \neq n \end{cases} \quad (30)$$

Матрица Z_9 содержит в себе распределение в долях выпускников 9-х классов для каждого региона по регионам, в которых эти выпускники продолжают свое обучение. Диагональные элементы равны доле выпускников, оставшихся в своем регионе. Сумма по строке равна единице.

Аналогично создадим матрицу для выпускников 11-х классов:

$$Z_{11} = \{Z_{11k,n}\}, k, n \in 1..J, \text{ где}$$

$$Z_{11k,n} = \begin{cases} K_{U_{11k}}^S, k = n \\ M_{k,n} \cdot \frac{U_{11k}^{out}}{\sum_{j=1}^{83} M_{k,j}}, k \neq n \end{cases} \quad (31)$$

Введем так называемые приведенные локальные переменные: U_m^9, U_m^{11*} , которые будем определять следующими равенствами:

$$U_{m,i}^9 = \sum_{k=1}^{83} Z_{9k,m} \cdot U_{k,i}^9, \quad (32)$$

$$U_{m,i}^{11*} = \sum_{k=1}^{83} Z_{11k,m} \cdot U_{k,i}^{11}. \quad (33)$$

11

Эти переменные описывают вклад в приемах m -го региона выпускников 9-х и 11-х классов всех субъектов Федерации (в том числе и своего собственного).

Аналогичные выражения для выпускников 9-х и 11-х классов прошлых лет:

$$U_{m,i-1}^9 = \sum_{k=1}^{83} Z_{9k,m} \cdot U_{k,i-1}^9, \quad (34)$$

$$U_{m,i-1}^{11*} = \sum_{k=1}^{83} Z_{11k,m} \cdot U_{k,i-1}^{11}. \quad (35)$$

Таким образом, с учетом всех прибывших на учебу в m -й регион выпускников 9-х и 11-х классов, как текущего, так и предыдущего года, из всех других субъектов Федерации, для m -го субъекта система уравнений (1), описывающая приемы по всем уровням профессионального образования, записывается следующим образом:

$$\left\{ \begin{aligned} P_{m,i}^N &= U_{m,i}^9 \cdot k_{m,i}^{9-N} + U_{m,i}^{11*} \cdot k_{m,i}^{11-N} + U_{m,i-1}^9 \cdot k_{m,i-1}^{9r-N} + U_{m,i-1}^{11*} \cdot k_{m,i-1}^{11r-N} + U_{m,i}^9 \cdot k_{m,i}^{9w} \\ P_{m,i}^S &= U_{m,i}^9 \cdot k_{m,i}^{9-S} + U_{m,i}^{11*} \cdot k_{m,i}^{11-S} + U_{m,i-1}^9 \cdot k_{m,i-1}^{9r-S} + U_{m,i-1}^{11*} \cdot k_{m,i-1}^{11r-S} + \\ &+ V_{m,i}^N \cdot k_{m,i}^{N-S} + V_{m,i-1}^N \cdot k_{m,i-1}^{Nr-S} + (V_{m,i}^V + V_{m,i}^S) \cdot k_{m,i}^{SV-S} \\ P_{m,i}^{VS} &= k_{m,i}^{VS} \cdot (U_{m,i}^{11*} \cdot k_{m,i}^{11-V} + U_{m,i-1}^{11*} \cdot k_{m,i-1}^{11r-V} + V_{m,i}^N \cdot k_{m,i}^{N-V} + \\ &+ V_{m,i}^{Nr} \cdot k_{m,i}^{Nr-V} + V_{m,i}^S \cdot k_{m,i}^{S-V} + V_{m,i}^{Sr} \cdot k_{m,i}^{Sr-V} + V_{m,i-1}^V \cdot k_{m,i-1}^{V-V}) \\ P_{m,i}^{Vb} &= (1 - k_{m,i}^{VS}) \cdot (U_{m,i}^{11*} \cdot k_{m,i}^{11-V} + U_{m,i-1}^{11*} \cdot k_{m,i-1}^{11r-V} + V_{m,i}^N \cdot k_{m,i}^{N-V} + \\ &+ V_{m,i}^{Nr} \cdot k_{m,i}^{Nr-V} + V_{m,i}^S \cdot k_{m,i}^{S-V} + V_{m,i}^{Sr} \cdot k_{m,i}^{Sr-V} + V_{m,i-1}^V \cdot k_{m,i-1}^{V-V}) \\ P_{m,i}^{Vm} &= k_{m,i}^{b,m} \cdot V_{m,i}^{Vb} \end{aligned} \right. \quad (36)$$

Такой учет миграционных образовательных потоков позволяет адаптировать федеральную

модель распределения выпускников по приемам в образовательные учреждения профессионального образования к расчетам на региональном уровне.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье приводится описание математической модели, позволяющей на основании прогноза численности выпускников 9-х и 11-х классов школ и данных о текущей численности студентов по курсам строить прогнозы приемов и выпусков учреждений профессионального образования.

Математическая модель представлена в виде системы из 34 линейных разностных уравнений, содержащей 32 стационарных и 21 нестационарный параметр. Записанная в таком виде модель позволяет прогнозировать прием, выпуск и чис-

ленность студентов ОУ НПО, СПО и ВПО с относительной ошибкой, не превышающей 10 %. Кроме того, для системы ВПО модель позволяет оценивать прием, численность и выпуск студентов для бакалавров, специалистов и магистров как для государственных, так и для негосударственных высших учебных заведений. Приводятся результаты количественного прогнозирования численности приемов и выпусков в учреждениях профессионального образования всех трех уровней до 2020 года для РФ.

Показано, что при учете межрегиональной миграции, связанной с образованием, данная модель позволяет проводить расчеты численности приема, выпуска и количества обучающихся студентов не только на уровне России в целом, но и на уровне субъектов РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гуртов В. А., Питухин Е. А., Серова Л. М. Моделирование потребностей экономики в кадрах с профессиональным образованием // Проблемы прогнозирования. 2007. № 6. С. 91–107.
2. Гуртов В. А., Яковлева А. А. Прогнозирование численности выпускников школ 9-х и 11-х классов // Университетское управление: практика и анализ. 2010. № 3. С. 64–70.
3. Питухин Е. А., Гуртов В. А. Математическое моделирование динамических процессов в системе «Экономика – рынок труда – профессиональное образование». СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 350 с.
4. Форма федерального статистического наблюдения по форме № МО-3 «Распределение мигрантов в возрасте 14 лет и старше по причинам смены места жительства и уровню образования». М.: ГМЦ Росстата, 2006.
5. Форма федерального статистического наблюдения по форме № МО-3 «Распределение мигрантов в возрасте 14 лет и старше по причинам смены места жительства и уровню образования». М.: ГМЦ Росстата, 2007.
6. Форма федерального статистического наблюдения по форме № МО-3 «Распределение мигрантов в возрасте 14 лет и старше по причинам смены места жительства и уровню образования». М.: ГМЦ Росстата, 2008.
7. Форма федерального статистического наблюдения по форме № МО-3 «Распределение мигрантов в возрасте 14 лет и старше по причинам смены места жительства и уровню образования». М.: ГМЦ Росстата, 2009.
8. Форма федерального статистического наблюдения по форме № МО-3 «Распределение мигрантов в возрасте 14 лет и старше по причинам смены места жительства и уровню образования». М.: ГМЦ Росстата, 2010.
9. Форма федерального статистического наблюдения по форме № МР-1 «Распределение мигрантов в возрасте 14 лет и старше по обстоятельствам, вызвавшим необходимость смены места жительства, и территориям прибытия и выбытия». М.: ГМЦ Росстата, 2006.
10. Форма федерального статистического наблюдения по форме № МР-1 «Распределение мигрантов в возрасте 14 лет и старше по обстоятельствам, вызвавшим необходимость смены места жительства, и территориям прибытия и выбытия». М.: ГМЦ Росстата, 2007.
11. Форма федерального статистического наблюдения по форме № МР-1 «Распределение мигрантов в возрасте 14 лет и старше по обстоятельствам, вызвавшим необходимость смены места жительства, и территориям прибытия и выбытия». М.: ГМЦ Росстата, 2008.
12. Форма федерального статистического наблюдения по форме № МР-1 «Распределение мигрантов в возрасте 14 лет и старше по обстоятельствам, вызвавшим необходимость смены места жительства, и территориям прибытия и выбытия». М.: ГМЦ Росстата, 2009.
13. Форма федерального статистического наблюдения по форме № МР-1 «Распределение мигрантов в возрасте 14 лет и старше по обстоятельствам, вызвавшим необходимость смены места жительства, и территориям прибытия и выбытия». М.: ГМЦ Росстата, 2010.

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА БОРОВИКОВА

доктор экономических наук, доцент кафедры финансов и отраслевой экономики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)
budget105@mail.ru

НАЛОГОВО-БЮДЖЕТНЫЕ И ФИНАНСОВО-КРЕДИТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РЕГИОНОВ

В работе исследуются вопросы влияния финансового механизма на реализацию экономической политики Российской Федерации на региональном уровне. Предлагаются мероприятия по стимулированию привлечения финансов в сферу инвестиций субъектов РФ.

Ключевые слова: бюджет, налоги, управление

Рассматривая приоритеты Бюджетного послания Президента Российской Федерации от 29.06.2011 [1], можно выделить главный из них, связанный с переходом к инновационной модели экономического роста, которой соответствует высокое качество жизни населения и конкурентоспособность национальной экономики. Не вызывает сомнения тот факт, что вклад в модернизацию сложившейся модели экономического развития и управления должны внести субъекты Российской Федерации. Потенциал и готовность к инновационному развитию могут быть оценены с помощью мониторинга действующих производств, показателей работы организаций сферы услуг, финансовой инфраструктуры, научно-исследовательских центров и институтов. Однако важнейшей составляющей воспроизводственного потенциала выступает человеческий потенциал, его количественная и качественная характеристики. При разработке или корректировке концепций и стратегий развития территорий целесообразно предусмотреть, прежде всего, оценку готовности субъекта Федерации к «инновационному прорыву», определить наиболее перспективные отрасли или хозяйствующие единицы, способные сыграть роль опорных точек роста в ближайшем будущем. Наряду с этим методологически ценным является выбор инструментария, методов, которые позволят концентрировать ресурсы на решении задач долгосрочного роста.

Неотъемлемыми элементами новой модели экономического роста субъектов Российской Федерации, по нашему мнению, должны стать: инструментарий стратегического планирования в системе финансово-экономических отношений; механизмы налогово-бюджетного и финансово-кредитного регулирования; программы взаимодействия субъектов хозяйственного комплекса региона и органов власти при внедрении совместных проектов. Подчеркнем, что бюджетное и в целом стратегическое планирование на уровне государства и регионов достигло определенного качества и эффективности, а вот на микроуровне

стратегическое управление, осуществляемое автономно, зачастую не согласовано с общими направлениями экономической региональной политики, целями развития конкретных отраслей. Таким образом, необходимо достичь корреляции между концепциями территориального развития и концепциями, планами финансово-хозяйственной деятельности предпринимательских структур, прежде всего обеспечивающих внедрение инноваций.

Без развития отраслей региональной экономики вряд ли возможен посткризисный рост. Отметим тот факт, что многие субъекты Российской Федерации обладают определенным инновационным потенциалом или его элементами. В целях определения места инновационной деятельности в стратегии долгосрочного развития необходимо провести анализ сложившихся тенденций инновационной активности региона. Осуществим оценку по данным Тульской области, являющейся одним из субъектов Центрального федерального округа.

Общеэкономическая ситуация в регионе характеризуется ростом валового регионального продукта (ВРП) как в абсолютном значении, так и на душу населения за период 2000–2008 годов. За восемь лет ВРП вырос в 5,5 раза при положительной динамике темпов его ежегодного изменения (рис. 1). Инвестиции в основной капитал в 2009 году составили 61,812 млрд руб. против 55,363 млрд руб. в 2008-м. Этот показатель в 2008 году составил 24 % ВРП [2]. В целом за период 2004–2008 годов объем инвестиций в основной капитал возрос (рис. 1), однако более низкими темпами, чем ВРП.

Данные о количестве организаций, выполнявших научные исследования и разработки, свидетельствуют о примерно одинаковом числе участников процесса подготовки инновационных идей в разные годы. В период 2003–2009 годов их количество колебалось от 22 до 26. Однако в 1995 году таких организаций было 36. Следовательно, за последний период не достигнут уровень сере-

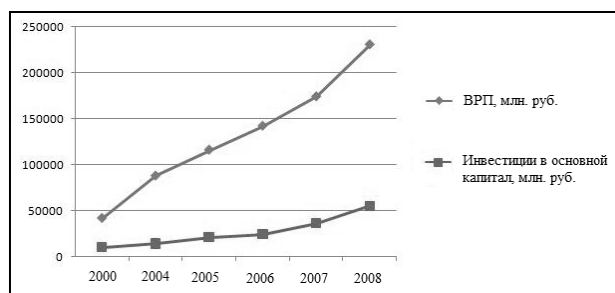

Рис. 1. Валовый региональный продукт и инвестиции в основной капитал в Тульской области, млн руб.

дины 1990-х годов. Резко сократилась численность активных конструкторских бюро: с 14 в 1995 году до 1 в 2003-м и 7 в 2009-м. Научно-исследовательские организации и вузы также принимают участие в разработках инноваций.

Показатели инновационной деятельности (в том числе их создание и использование) среди организаций добывающих, обрабатывающих производств, включая производство и распределение электроэнергии, газа и воды, представляют особый интерес. Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, находился в пределах от 7,7 % в 2009 году (наиболее низкий) до 16 % в 2005-м (самый высокий). С 2005 года этот показатель снижался вплоть до уровня 2009 года. Лидерами инновационной активности в отраслевом разрезе выступали организации пищевой, химической промышленности, машиностроения, производства оптического оборудования. Доля инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, работ, услуг не превышала в 2000–2009 годах 9,4 % (уровень 2007 года). После 2007 года этот показатель снизился до 3,4 % в 2008 году и 3,8 % – в 2009-м. Помимо технологических организации Тульской области осуществляли организационные (3,6 % в общем числе обследованных органами статистики организаций в 2009 году) и маркетинговые инновации (1,8 % в 2009-м).

Одним из важнейших аспектов инновационной деятельности является ее финансирование. Внутренние затраты на исследования и разработки в период с 2000 по 2008 год росли, но в 2009 году произошло их снижение до 1374,507 млн руб.

Рис. 2. Динамика внутренних затрат на исследования и разработки в Тульской области, млн руб.

с 1470,261 млн руб. в 2008 году (рис. 2). Вместе с тем по отношению к ВРП эти затраты составляют менее 1 %, причем данный показатель существенно колеблется (0,99 % к ВРП в 2000 году и 0,6 % к ВРП в 2006-м).

Обращаясь к данным таблицы и анализируя структуру затрат по видам работ, отметим преобладание расходов на прикладные исследования и разработки по сравнению с фундаментальными исследованиями.

Финансирование инновационных разработок имеет смешанный характер с доминированием бюджетных средств. В 2008 году их доля в затратах на исследования и разработки составила 63,6 %, в 2009-м – 67 %. Собственные средства организаций вместе со средствами организаций предпринимательского сектора покрывали 36,2 % затрат в 2009 году и 32,7 % – в 2008-м. Оставшаяся доля средств привлекалась за счет внебюджетных фондов, ресурсов иностранных инвесторов и организаций сектора высшего образования (около 3–4 %).

Подчеркнем, что инновационные продукты Тульской области потребляются не только на внутреннем, но и на внешнем рынке зарубежных

Внутренние текущие затраты на исследования и разработки по видам работ
(тыс. руб., 1995 год – млн руб.)

	1995	2000	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Все	92268	421867	699123	892943	884532	893280	1000472	1470261	1374507
в том числе фундаментальные исследования	898	4273	15594	20552	15468	15475	20858	35359	61499
прикладные исследования	10287	407103	37836	27886	39310	35539	56852	147122	83909
разработки	81083	407103	645693	844505	829737	842267	922762	1287780	1229099

ми странами. В 2009 году на основании шести соглашений общей стоимостью 57,596 млн руб. были экспортированы разработанные технологии. Экспорт ориентирован на спрос со стороны Беларуси, Алжира, Индии, США. Вместе с тем импорт таких продуктов превышает экспорт. В 2009 году ввоз технологий был организован согласно условиям 64 соглашений. Партнерами хозяйствующих субъектов региона выступали поставщики из Беларуси, Украины, Бельгии, Бразилии, Дании, Венгрии, Германии, Чешской Республики, Канады, Нидерландов, Испании, Польши и др.

В формирующейся модели инновационной деятельности субъекта Федерации могут быть выделены как безусловные преимущества, так и узкие места, нуждающиеся в серьезной доработке.

Рассмотрим положительные черты экономического механизма разработки и внедрения инноваций в регионе:

- благоприятные общие тенденции в области (рост ВРП, инвестиции в основной капитал);
- освоение различных видов инноваций (технологические, организационные, маркетинговые), что в результате способствует созданию диверсифицированной модели инновационной деятельности;
- вовлеченность в инновационный процесс нескольких видов научно-исследовательских организаций (вузы, конструкторские бюро и др.), составляющих научный потенциал региона;
- дифференциация источников финансирования инновационной деятельности; интеграция бюджетных средств и инвестиций предпринимательского сектора, что в будущем может служить основой государственно-частного партнерства;
- заинтересованность иностранных потребителей в инновационных продуктах Тульской области, что следует оценивать как потенциал для расширения экспорта и внешнеэкономической деятельности субъекта Федерации.

Факторы и тенденции, сдерживающие рост производства инновационного продукта в регионе, раскроем следующими тезисами:

- экономический кризис 2008–2009 годов заметно ухудшил ряд параметров инновационной активности в субъекте Федерации (снижение затрат на исследования и разработки, их доли в ВРП, а также числа организаций, выполняющих исследования и разработки, и т. д.);
- достаточно низкие показатели вовлеченности организаций в инновационные процессы по сравнению с возможностями регионального воспроизводственного процесса;
- низкие темпы роста финансовых вложений в инновационные отрасли (2008–2009 годы).

В целом ситуация в области может быть оценена весьма положительно с позиций наличия

основы для развития инновационной деятельности. Однако есть потребность в привлечении серьезных инвестиций, большего числа организаций разной отраслевой специфики в инновационную сферу. Промышленная политика субъекта Федерации должна ставить цели наращивания темпов роста производства инновационных продуктов, работ, услуг и их доли в ВРП.

Сложившуюся модель инновационного процесса можно назвать моделью умеренного развития инновационной активности на базе традиционных отраслей промышленности. Очевидно, что инновационно активными стали базовые для региона отрасли, в результате чего он мог бы стать опорным для развития обрабатывающих производств. Однако необходимо заметить, что более высокие темпы роста могут обеспечить инновации самого высокого уровня (информационно-технологические инновации, нано- и биотехнологии) и их внедрение. Поэтому сбалансированное развитие инновационной деятельности потребует межрегионального, а возможно, и международного обмена и взаимодействия.

Таким образом, укрепление инновационной составляющей в экономике Тульской области в долгосрочной перспективе возможно при условии преодоления существующих недостатков в структуре данного направления деятельности, проработки нормативной базы ее осуществления, различных схем финансирования инновационного развития в рамках экономической политики субъекта Российской Федерации. Подчеркнем, что наиболее пристального внимания заслуживают механизмы налогово-бюджетного и финансово-кредитного регулирования экономического развития как с позиций преимуществ, так и недостатков.

Налоговое регулирование сконцентрировано преимущественно в системе государственного управления на федеральном уровне. В регионах полномочия распространяются на закрепленные за этим уровнем бюджетной системы налоги (в части изменения налоговых ставок, введения льгот), а также регулирующие налоги, поступающие в бюджеты субъектов Федерации согласно установленным нормативам отчислений. Гораздо большие возможности для регионов связаны с управлением бюджетными ресурсами, которые могут быть распределены в рамках целевых программ, через фонды финансовой поддержки, прямые субвенции и субсидии, бюджетные кредиты и инвестиции.

Финансово-кредитные механизмы используются в целях создания финансовой инфраструктуры конкретной территории, обеспечения инвестиционных возможностей для хозяйствующих субъектов. Именно этот механизм нуждается в наибольшем развитии, так как воспроизводственные процессы требуют больших вложений, как собственных, так и привлеченных. В настоя-

щее время дефицит так называемых «длинных» кредитов характерен для экономики страны в целом. Очевидно, что к решению этой проблемы целесообразно приступить с мероприятий в субъектах Российской Федерации через кредитную поддержку инновационно активных предприятий и комплексов.

Мероприятия по развитию финансовой инфраструктуры могут быть различными, но цель их объединяет общая – обеспечение оперативно-го доступа к мобильным ресурсам, используемым в кратко- и долгосрочном периодах, а также расширение безналичного оборота в пределах субъектов Российской Федерации. Можно предложить несколько вариантов финансово-кредитного стимулирования инвестиций:

1. Включение в состав получателей средств целевых программ хозяйствующих субъектов, реализующих стратегию инновационного роста;
2. Создание специализированных финансовых институтов (банков, страховых организаций, инвестиционных фондов), сотрудничающих, прежде всего, с определенной группой предпринимательских структур;
3. Формирование на уровне субъектов Российской Федерации фонда прямых инвестиций по аналогии с федеральной моделью, предложен-

ной в Бюджетном послании Президента Российской Федерации от 29.06.2011;

4. Расширение филиальной сети кредитных организаций в регионах, через которые будут финансироваться программы субсидирования процентных ставок по кредитам, применяться различные формы льготного кредитования.

Оценка альтернативных вариантов позволит выделить наиболее рациональный способ организации взаимодействия финансовых институтов и основных участников воспроизводственного процесса, создать основу для применения финансово-кредитных механизмов в системе долгосрочного планирования субъектов Федерации. Возможно также совместное использование нескольких из перечисленных способов организации и привлечения финансовых потоков.

В заключение подчеркнем, что разработка стратегии посткризисного развития регионов должна сопровождаться выбором налогово-бюджетного и финансово-кредитных механизмов, которые могут быть положены в основу регулирования воспроизводственных процессов на базе инноваций разных типов. Интеграция финансовых и производственных ресурсов послужит достижению целей, связанных с ростом и диверсификацией экономики регионов с учетом их особенностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бюджетное послание Президента РФ от 29.06.2011 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/11779>
2. Тульский статистический ежегодник. 2009. Тула: Туластат, 2010. 391 с.

АЛЕКСАНДР СЕМЕНОВИЧ КОЛЕСОВ

кандидат экономических наук, главный научный сотрудник
Центра бюджетного мониторинга, Петрозаводский государ-
ственный университет
akolesov@psu.karelia.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УПРАВЛЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬЮ БЮДЖЕТНЫХ РАСХОДОВ

В статье исследуется практика управления эффективностью бюджетных расходов, а также анализируется Программа по повышению эффективности бюджетных расходов, утвержденная Постановлением Правительства РФ № 1101-р от 30.06.2010. Вносятся конкретные и конструктивные предложения по дальнейшему совершенствованию как данной деятельности, так и указанного документа.

Ключевые слова: финансы, бюджет, расходы, управление

Актуальность проблемы повышения эффективности бюджетной политики как в части пополнения доходов, так и в части осуществления расходов нельзя недооценивать, так как эта деятельность является важнейшей составляющей рациональной государственной политики в целом. За последнее время в сфере увеличения результативности использования общественных финансовых средств сделано немало. В то же время существует целый ряд проблем, как уже известных, но нерешенных в силу разных причин, так и малоисследованных и поэтому еще не решаемых. На использование имеющихся резервов и нацелено Постановление Правительства РФ № 1101-р от 30.06.2010 [2], в котором объективно оценивается сложившаяся ситуация с эффективностью бюджетных расходов в стране.

Данный документ намечает в течение 2010–2012 годов разработать и реализовать целый ряд вопросов, направленных на повышение отдачи от имеющихся финансовых ресурсов, в том числе путем: усиления долгосрочной сбалансированности и устойчивости бюджетной системы; совершенствования разграничения полномочий публично-правовых образований (ППО); принятия программно-целевого принципа в качестве основного в бюджетном процессе; перехода к «программной структуре расходов»; оптимизации функций государственного (муниципального) управления и повышения эффективности их выполнения; повышения эффективности предоставления государственных (муниципальных) услуг; развития системы финансового контроля; реформирования системы бюджетных платежей; развития информационной системы управления финансами. Можно ли надеяться, что выполнение рассматриваемой Программы приведет к решению проблем, наличие которых и породило необходимость ее разработки? Ответ на этот вопрос, конечно, должен быть только утвердительный. Безусловно, разработка и реализация целей и задач Программы приведут к дальнейшему повышению эффективности бюджетных расходов. Так,

анализируя Программу, можно сделать следующие краткие выводы:

- разработка и принятие Программы уже вносят и еще внесут существенный вклад в решение обозначенной проблемы, в реальное улучшение использования полученных государством доходов;
- положения Программы послужат основой для дальнейшего совершенствования Бюджетного кодекса и других законодательных актов РФ;
- ее внедрение должно способствовать более объективной оценке труда финансовых работников всех уровней и потребует от них повышения квалификации, следовательно, приведет к улучшению качества их работы;
- реализация Программы скорее всего приведет к потребности совершенствования структуры управления экономической и социальной сферами государства и регионов;
- процесс ее выполнения позволит выявить слабые звенья в контроле за прохождением денежных потоков;
- работа по ее осуществлению создаст объективные предпосылки для поиска резервов и сокращения нерациональных расходов;
- даже промежуточные результаты помогут навести больший порядок в процедурах исполнения существующих расходных полномочий и возникновения новых.

Вместе с тем дополнительно проанализируем содержание данного Постановления, исходя из логики самого документа: «проблема» – «задачи» – «направление решения задачи» – «необходимые для этого мероприятия». Другими словами, каждая выявленная проблема нерационального использования бюджетных расходов должна порождать задачу (задачи) по ее устранению или хотя бы смягчению, а уже такая задача (задачи), в свою очередь, может иметь одно или несколько направлений решения, для реализации которых необходимо разработать и выполнить перечень конкретных мероприятий. Для наглядности сведем все перечисленные составляющие

Программы в таблицу. Второй столбец – это проблемы, взятые из раздела «I. Необходимость разработки и реализации Программы». В третьем столбце мы даем перечень задач, взятый «II. Цели и задачи Программы». При этом в данном разделе задачи выделены отдельно, а «для решения указанных задач... предлагается принять решения по следующим основным направлениям». Другими словами, разработчики исследуемого документа достаточно четко разделяют эти две категории в последовательной цепочке реализации намеченных целей и задач. Поэтому в четвертом столбце разместим перечень предлагаемых решений, также взятых из этого раздела. И, наконец, в пятом столбце представлены практически все мероприятия Программы, помещенные в ее Приложении. При этом ввиду отсутствия в тексте нумерации проблем, задач и направлений их решений мы самостоятельно присвоили им номера в порядке их перечисления в тексте. Кроме того, мы вынуждены были из-за различий в терминологии описания отдельных положений документа относить те или иные тезисы к близким по смыслу (с небольшими субъективными допущениями). Таким образом были «рассортированы» все проблемы, задачи и направления их решения. В результате нам удалось сформировать достаточно удобную для анализа таблицу. Из нее наглядно видно, что по большинству выявленных разработчиками проблем имеются задачи, направления и мероприятия по их решению. Кроме того, все эти этапы подробно и последовательно описываются в соответствующих разделах документа.

К проблемам, наиболее проработанным с точки зрения последовательности их решения, следует отнести проблему непрозрачности в сфере деятельности участников сектора государственного управления, которая сопровождается постановкой соответствующей задачи, имеет направление решения и должна завершиться разработкой Концепции создания и развития информационной среды управления государственными финансами (вероятно, в дополнение к той работе, которую осуществляет Росстат). Видно также, что из 12 перечисленных в документе проблем в 7 случаях не называются какие-либо задачи по их устранению, а в 8 отсутствуют конкретные направления решения данных проблем. Из этих 12 проблем по 11 в рамках мероприятий, которые даются в Приложении Программы, планируется подготовить проекты соответствующих решений, принять их и начать реализацию.

Наименее проработанными оказались такие выделенные в Постановлении проблемы, как недостаточная взаимосвязь бюджетной политики с банковской, налоговой, таможенной, страховой и фондовой; выработка механизма и инструментов по регулированию такого взаимодействия, хотя возможно, что при выработке методологии

и методики разработки госпрограмм эти вопросы как-то будут учтены; двойственное положение внебюджетных фондов и затянувшийся перевод их на кассовое обслуживание в Федеральное казначейство; механизм оптимизации сети бюджетных учреждений, так как происходящее в настоящее время изменение форм организации данных учреждений пока, к сожалению, не ведет к заметной оптимизации их сети; разработка методологии и методики увязки программных и непрограммных вопросов в структуре бюджетов. Эти проблемы лишь констатируются, но при этом отсутствуют постановки конкретных задач и направления их решения. Но без этого трудно будет как разработать проект соответствующего решения, так и тем более оценить его на соответствие поставленной задаче.

Несогласованные или недостаточно согласованные действия в различных направлениях финансовой политики нередко снижают или даже могут свести к нулю положительные результаты бюджетной политики. Так, повышение ввозных таможенных пошлин на легковые автомобили иностранного производства всегда приводило к повышению цен на все автомобили и тем самым к разочарованию, например, работников бюджетной сферы, которые откладывали средства из заработной платы для покупки автомобиля. Повышение налоговых ставок (и сборов) на малый бизнес приведет к снижению числа занятых в этой сфере и, следовательно, к росту безработицы, а далее может дать дополнительную нагрузку на бюджет с целью усиления социальной защиты вновь высвободившихся работников и тем самым снизить его возможности по финансированию поддержки того же малого бизнеса.

Изучение сложнейшего механизма взаимного влияния различных направлений финансовой политики (бюджетной, банковской, налоговой, страховой, таможенной и фондовой) и разработка на этой основе четкого алгоритма (обязательных процедур, необходимых в каждом конкретном случае), с одной стороны, несколько замедлят процесс принятия управленческих решений, а с другой – могут и должны привести к повышению их качества и сэкономят в конечном счете и время, которое приходится тратить для устранения недостатков, выявляющихся в процессе реализации тех или иных решений. Игнорирование же этой реально существующей проблемы и продолжение откладывания ее решения неизбежно ведут к дополнительным экономическим проблемам как для государства и регионов, так и для населения. В то же время появилось утверждение, что механизм такой увязки будет выработан в рамках реализации государственных программ. Возможно, что так и будет. Это ускорило бы решение данной проблемы.

Созданные в начале переходного периода внебюджетные фонды были призваны защитить наи-

более важные направления бюджетной политики государства в период чрезмерной инфляции, быстро меняющегося законодательства и нестабильности руководящих кадров. В настоящее время эти и другие негативные факторы практически сведены к нулю. Поэтому целесообразно внимательно изучить сегодняшние причины, не позволяющие внебюджетным фондам перейти на обслуживание в Федеральное казначейство.

Оптимизация сети бюджетных организаций и учреждений была и остается важнейшей задачей повышения эффективности расходов. Данную проблему нельзя решить без введения реального (с учетом специфики регионов) нормирования выделения федеральных финансовых ресурсов в зависимости от видов экономической деятельности (здравоохранения, образования и т. д.). При этом в каждом субъекте РФ должен быть принят соответствующий нормативный акт распределения средств, учитывающий национальные и природные климатические особенности входящих в него муниципалитетов. Частично это есть в 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» (от 08.05.2010) и плане по его реализации. Но, к сожалению, пока существенных изменений не происходит.

Разработка методологии и методики увязки программных и непрограммных расходов является одной из важнейших и сложнейших проблем совершенствования бюджетного процесса. Вероятно, здесь можно было бы пойти путем разработки и утверждения нормативов, которые в зависимости от видов экономической деятельности (министерств и ведомств) устанавливали бы поэтапный, рассчитанный на несколько лет переход к некоему «идеальному» (эталонному) соотношению этих направлений использования бюджетных ассигнований. Существует мнение о том, что все расходы министерств должны быть структурированы по государственным и ведомственным целевым программам и вне их могут быть только расходы органов власти, не входящих в систему органов исполнительной власти.

16 вопросов, которые мы видим в таблице, на наш взгляд, являются следствием нарушения внутренней логики самого документа. После перечисления проблем желательно было бы сделать их краткий анализ, а затем под *каждую, а не выборочно*, проблему сформировать одну или несколько задач по их решению. Далее по *каждой задаче* в соответствующих разделах наметить направления их решения. И наконец, в Приложении на основе анализа направлений решения намеченных задач дать перечень проектов документов, которые необходимо подготовить, принять, а затем и воплотить в реально действующие правовые регуляторы бюджетного процесса.

Не в полной мере, на наш взгляд, проработана такая важная проблема, как дальнейшее внедрение бюджетирования, ориентированного на результат, в бюджетный процесс. Подробное изложение в двух разделах Программы вопросов составления и реализации государственных программ как инструмента повышения эффективности бюджетных расходов (V раздел) и порядка «перехода к программной структуре расходов» (VI раздел) касается в основном федерального и частично регионального уровней управления и недостаточно затрагивает глубинные проблемы повышения эффективности бюджетных расходов, происходящих во всех бюджетных организациях и учреждениях. А ведь эта проблема перехода на данный метод формирования, исполнения и оценки бюджетов является главным и основным резервом повышения эффективности расходов во всех экономически развитых странах мира [1]. В этой связи в перечне задач Программы и в основных направлениях их решения можно и нужно было выделить эти вопросы. Например, поставить задачу «обеспечить разработку методических рекомендаций и переход на формирование бюджетов всех уровней с использованием бюджетирования, ориентированного на результат», а в направлениях решения записать необходимость подготовки соответствующих решений для такого перехода и уже в Приложении к Программе дать конкретный перечень проектов документов, которые необходимо подготовить и принять для устранения этого недостатка.

Вызывают сомнения в обоснованности отдельные положения по дальнейшей децентрализации бюджетного процесса, которые красной нитью проходят через всю Программу. Решение, принятое около 10 лет назад, по организационной самостоятельности финансовых органов субъектов РФ от Минфина России, а затем положения Закона № 131-ФЗ, выведшие финорганы местного самоуправления из-под управления финорганов регионов, в совокупности с увеличивающейся самостоятельностью в сфере нормотворчества могут нанести серьезный ущерб функционированию единой финансовой системы страны, без которой не может существовать ни одно государство. При этом следует подчеркнуть, что необходимость соблюдения конституционных норм и законодательства в сфере местного самоуправления не оспаривается. Речь идет лишь о степени разумности децентрализации указанного выше процесса.

Кроме того, за рамками Программы остался целый ряд проблем, решение которых также должно улучшить использование общественных финансов. К их числу можно отнести следующие:

- выпадение из поля зрения практиков и ученых вопроса о разработке хотя бы минимально обоснованных пропорций распределения доходов между федеральным, региональным

и муниципальными уровнями бюджетов, на необходимость изменения которых обратил внимание Президент РФ Д. А. Медведев в Послании Федеральному Собранию в конце 2010 года [3];

- необходимость определения приоритетов по всем целям и задачам для концентрации усилий на решение наиболее важных из них;
- усиление, по мнению Счетной палаты РФ, контроля за обоснованностью внешних заимствований и повышением эффективности использования заемных средств [4; 60];
- игнорирование такого важного вопроса, как нормирование расходов с учетом территориальной дифференциации нашей большой и разнообразной по природным и демографическим условиям страны, без чего эффективность реализации отдельных положений распоряжения может быть снижена (например, переход к программной структуре расходов трудно представить без их нормирования);
- уход от проработки вопросов дифференцированного подхода к проблеме повышения эффективности бюджетных расходов в зависимости от видов экономической деятельности (здравоохранение, культура, образование, социальная защита, государственное управление и т. д.), хотя существует мнение о том, что внедрение госпрограмм и есть такой подход;
- отсутствие взаимосвязи отраслевого и территориального подходов к повышению отдачи от государственного (муниципального) финансирования;
- широкое внедрение передовых нововведений Программы потребует единства в понимании сути действий, самих действий, понимании множества составляющих (например, государственных, ведомственных, в дальнейшем и региональных, и муниципальных программ), но невозможно без разработки и внедрения соответствующих стандартов.

Вызывает сомнение 3-летний (а точнее, 2,5-летний) срок выполнения Программы. Если речь идет о подготовке документов, указанных в Приложении, то даже качественная подготовка проектов, серьезное всестороннее обсуждение, разработка и внесение поправок и корректив, а также принятие потребуют большего времени. Если исходить из идеологии документа, указанной

в его заглавии («Программа повышения эффективности бюджетных расходов»), то срок получения результатов от ее реализации должен быть значительно больше, примерно до 2020 года. В этом случае можно и нужно ежегодно заслушивать ход ее реализации, делать соответствующие выводы и по итогам обсуждения в обязательном порядке отмечать уже реализованные вопросы, корректировать ее содержание, в том числе дополнять соответствующие позиции. Только в этом случае можно будет добиться серьезных успехов в достижении поставленных важнейших целей и задач не только в области совершенствования бюджетного процесса, но и в области повышения эффективности использования бюджетных средств.

Краткий анализ Программы показывает наличие в ней конкретных недостатков, значит, имеется возможность использовать дополнительные резервы для повышения ее качества. Поэтому, работая над реализацией Программы, необходимо одновременно приступить к ее доработке. Желательно еще раз внимательно изучить все вопросы и по возможности: утвердить рабочую группу по координации работы по реализации Программы или, если она уже создана, сделать ее работу более гласной и открытой для всех заинтересованных специалистов; ускорить создание экспертного совета по данной теме из числа ведущих специалистов и ученых; привлечь к этой работе на конкурсной основе отдельные научные коллективы; предусмотреть или переориентировать уже имеющиеся бюджетные средства на эту работу; учитывать необходимость последовательности внедрения в практику различных нововведений; разбить всю работу на этапы, в том числе осуществлять некоторые из них одновременно; определить, какие результаты должны быть достигнуты на каждом этапе; рабочей группе и экспертному совету (заранее) выработать критерии оценки выполнения отдельных разделов и всей Программы; разработать методику оценки ее выполнения, в том числе ее разделов и этапов; принять механизм и процедуру промежуточного (ежегодного) и окончательного подведения итогов работы по реализации Программы.

Надеемся, что наши предложения будут полезны при дальнейшей работе над Программой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афанасьев М., Кривогов И. Модернизация государственных финансов. 2-е изд. М., 2007. 439 с.
2. Программа Правительства Российской Федерации по повышению эффективности бюджетных расходов на период до 2012 года. – Распоряжение Правительства Российской Федерации № 1101-р от 30 июня 2010 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.government.ru/gov/result/11337/>
3. Послание Президента Федеральному Собранию. 30 ноября 2010 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/news/9637/print>
4. Счетная палата Российской Федерации. Оперативный отчет о ходе исполнения федерального бюджета за январь–сентябрь 2010 года. Утверждена Коллегией (протокол от 2 ноября 2010 г. № 54 К (756)) [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://www.asord2.duma.gov.ru/main.nsf/\(ViewDoc\)?OpenAgent&work/dp...](http://www.asord2.duma.gov.ru/main.nsf/(ViewDoc)?OpenAgent&work/dp...)

Таблица анализа основных положений
Распоряжения Правительства РФ № 1101-р от 30.06.2010

1	Перечень «системных недостатков и нерешенных проблем» в сфере управления общественными финансами	Перечень задач, которые необходимо решить	Перечень решений, которые необходимо принять	План мероприятий (Приложение)
2		3	4	5
1.	Стратегическое планирование остается слабо увязанным с бюджетным планированием, отсутствует оценка всего набора инструментов (бюджетных, налоговых, тарифных, таможенных, нормативного регулирования), применяемых для достижения целей гос. политики.	2. Обеспечение более тесной увязки стратегического и бюджетного планирования с мониторингом достижения целей.	?	4. Внесение изменений в БК РФ в части использования нефтяных доходов... 8. Выработка и утверждение долгосрочной бюджетной стратегии РФ.
2.	Структура и динамика расходов слабо увязаны с целями гос. политики.	2. Обеспечение... целеполагания бюджетных расходов с мониторингом достижения целей. 3. Усиление роли федерального бюджета в решении вопросов модернизации и инновации развития.	?	11. Определение порядка разработки, реализации и оценки эффективности гос. программ РФ. 12. Внесение изменений в порядок разработки и реализации межгосударственных целевых программ... 13. Определение порядка разработки и оценки эффективности подпрограмм гос. программ РФ... 16. Внесение изменений в БК РФ в части создания правовой базы для перехода к формированию бюджетов на основе программно-целевого принципа. 17. Формирование основных положений гос. программ. 18. Консолидация субсидий бюджетам субъектов РФ в рамках ключевых направлений гос. политики.
3.	Отсутствуют действенные методики оценки деятельности гос. власти и органов местного самоуправления, в том числе оценки эффективности использования ими финансовых ресурсов.	1. Четкое определение сфер ответственности ППО. 4. Создание условий для повышения эффективности деятельности ППО и обеспечения гос. (муниц.) услуг. 5. Создание механизмов стимулирования участников бюджетного процесса к повышению эффективности бюджетных расходов. 6. Повышение качества финансового управления в общественном секторе.	?	14. Внесение изменений в Постановление Правительства РФ от 22.05.2004 «О мерах по повышению эффективности бюджетных расходов». 21. Внесение изменений в Приказ Минфина РФ от 13.04.2009 № 34-н «Об организации проведения мониторинга качества финансового менеджмента, осуществляемого главными администраторами средств федерального бюджета». 31. Утверждение методических рекомендаций по разработке и реализации отраслевых (ведомственных) планов повышения эффективности бюджетных расходов. 33. Утверждение отраслевых (ведомственных) планов повышения эффективности бюджетных расходов и качества финансового менеджмента. 34. Утверждение методических рекомендаций по разработке и реализации региональных и муниципальных программ повышения эффективности бюджетных расходов. 35. Определение критериев и порядка отбора субъектов РФ и муниципальных образований для получения субсидий на реализацию региональных и муниципальных программ повышения эффективности бюджетных расходов.
4.	Планирование программных и непрограммных расходов (за исключением федеральных целевых программ) методологически не взаимосвязано.	?	1. Внедрение программно-целевых принципов организации деятельности органов исполнительной власти. 2. Внедрение в полном объеме 3-летнего бюджета. 3. Переход к утверждению программного бюджета.	19. Аналитическое представление структуры расходов федерального бюджета на 2011 год и плановый период 2012 и 2013 годов.

Окончание таблицы

1	2	3	4	5
5.	Не соответствует современным требованиям система гос. финансового контроля.	?	5. Реформирование финансового контроля и развитие внутреннего контроля.	25. 26. Внесение изменений в БК РФ и Кодекс АП РФ в части ответственности за нарушения бюджетного законодательства. 27. Утверждение порядка осуществления внутреннего контроля в федеральных органах исполнительной власти.
6.	Остаются непрозрачными сферы деятельности участников сектора гос. управления за счет постоянно продлеваемых переходных норм.	7. Повышение прозрачности и подотчетности деятельности органов власти.	7. Создание информационной среды и технологий для реализации управленческих решений.	30. Разработка Концепции создания и развития информационной среды управления гос. финансами.
7.	Не осуществлен переход на кассовое обслуживание гос. внебюджетных фондов.	?	?	2. Совершенствование организации прогнозирования кассового исполнения федерального бюджета...
8.	Сохраняются отдельные «необеспеченные федеральные мандаты» и неформализованные (а значит, непрозрачные) каналы предоставления межбюджетных трансфертов.	?	?	1. Определение порядка принятия решений по введению новых (увеличению действующих) расходных обязательств... 3. Внесение изменений в федеральные законы и нормативные акты... в части регулирования индексации действующих расходных обязательств. 10. Внесение изменений в законодательные акты РФ, устанавливающие разграничение расходных обязательств. 15. Утверждение гос. программ РФ... в увязке со структурой расходов на три года.
9.	Доходная база региональных и местных бюджетов остается нестабильной при низкой заинтересованности регионов и муниципалитетов в ее наращивании.	?	?	5. Внесение изменений в БК РФ в части предоставления Федеральным казначейством бюджетных кредитов для поддержания ликвидности счетов субъектов РФ и местных бюджетов. 7. Внесение изменений в НК РФ в части определения порядка и оценки эффективности предоставления налоговых льгот по региональным и местным налогам. 9. Внесение изменений в БК РФ в части создания инструментов сбережения «конъюнктурных» доходов субъектов РФ.
10.	Формальным и недостаточно увязанным с бюджетным процессом остается приложение инструментов бюджетирования, ориентированного на результат.	?	?	?
11.	Продолжает расти бюджетная сеть (перевод бюджетных учреждений в автономные учреждения произошел только в нескольких субъектах РФ и практически не состоялся на федеральном уровне).	8. Обеспечение более тесной увязки между количеством и составом имущества, находящегося в собственности ППН, и полномочиями органов местного самоуправления.	?	22. Разработка проектов актов Правительства РФ и ведомств, вытекающих из ФЗ «О внесении изменений... в связи с совершенствованием правового положения гос. (муниц.) учреждений». 23. Утверждение расчетно-нормативных затрат на оказание гос. услуг (выполненных работ) и содержание имущества.
12.	Остается ограниченным опыт внедрения гос. (муниц.) заданий.	?	4. Развитие новых форм оказания и финансового обеспечения гос. (муниц.) услуг. 6. Совершенствование инструментов управления и контроля за закупками.	6. Внесение изменений в нормативные акты... в части уточнения формы и порядка ведения реестра расходных обязательств и реестра гос. контрактов. 28. Разработка проектов актов Правительства РФ... по вопросам планирования и исполнения гос. заказа. 29. Создание типовых гос. контрактов.

ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА СИМАГИНА

доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Сибирская академия государственной службы
simagina@sapa.nsk.su

ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ БЮДЖЕТНОЙ РЕФОРМЫ В ЧАСТИ РЕОРГАНИЗАЦИИ СЕТИ УЧРЕЖДЕНИЙ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

В статье анализируется практика российских регионов и муниципалитетов в области социальной сферы. Рассматриваются варианты последовательности действий по решению данной задачи. Дается краткая характеристика этапов и проблемных моментов их реализации. Описан механизм финансового обеспечения выполнения государственных (муниципальных) заданий учреждениями социальной сферы.

Ключевые слова: учреждения социальной сферы, государственные и муниципальные задания, государственные и муниципальные услуги, субсидия, финансовое обеспечение, бюджетная реформа

Изменение приоритетов в административной и бюджетной реформах в сторону совершенствования организации предоставления публичных услуг обуславливает необходимость поиска новых организационных форм предоставления услуг на базе государственных и муниципальных учреждений. Во многом именно этим было обусловлено принятие Федерального закона от 08.05.2010 № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений». Исследования методов повышения эффективности бюджетных расходов имеют достаточно широкое распространение в России и за рубежом. Так, например, институциональные аспекты оптимизации и повышения эффективности бюджетных расходов в социальной сфере рассматриваются в работах П. Милгрона и Дж. Робертса [7], А. Алчиана и Г. Демсеца [2], А. Алесины, П. Перотти [17], Д. Альта и Р. Лоури [18] и др. Оптимизация бюджетных расходов в рамках концепции нового государственного управления и системы управления общественными расходами рассматривается в работах А. Премчанда [12], Е. Кампоса и С. Прадхана [6], Р. Аллена [14] и др.

Российские исследования в основном посвящены проблемам совершенствования процесса управления расходами в отдельных отраслях экономики и социальной сферы. Отдельные вопросы внедрения инновационных технологий в процессы управления бюджетными расходами рассматриваются в работах С. А. Ананенко [1], Л. И. Якобсона, А. В. Глаголева, П. М. Кудюкина [16], И. Б. Полюбиной [8], М. П. Афанасьева [3], А. М. Бабича [4], А. Е. Шаститко [15], Е. В. Бушина [5] и др.

Однако тактика проведения бюджетной реформы определяется в первую очередь изменениями нормативной правовой базы и не имеет достаточного теоретического обоснования.

Задача повышения эффективности бюджетных расходов в русле проводимых в РФ реформ может решаться двумя основными способами:

1. Внедрение бюджетирования, ориентированного на результат. В тех субъектах Федерации и муниципальных образованиях, которые попали в эксперимент по бюджетной реформе, осуществляются комплексные меры в рамках программ реформирования региональных (муниципальных) финансов.
2. В том случае, если в субъекте Федерации не в полной мере реализуется бюджетная реформа, задача повышения эффективности бюджетных расходов в 2011 году решалась в рамках реализации федеральных законов «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» № 83-ФЗ и «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» № 210-ФЗ, а также региональных программ, разработанных на основе Концепции снижения административных барьеров и повышения качества и доступности государственных услуг на 2011–2013 годы.

Разберем вариант решения задачи повышения эффективности бюджетных расходов на примере Новосибирской области. В Новосибирской области реформирование сети учреждений происходит по отраслевому признаку. Можно выделить ряд этапов:

- 1) реструктуризация действующей сети учреждений;
- 2) формирование перечня услуг;
- 3) изменение действующего порядка оказания учреждений платных услуг;
- 4) разработка проектов первоочередных нормативных правовых актов субъекта Федерации, связанных с совершенствованием правового положения учреждений;

- 5) проведение экспертной оценки действующей системы разработки, установления и контроля за реализацией заданий на оказание государственных (муниципальных) услуг учреждениями субъекта Федерации;
- 6) проведение оценки действующей системы финансового обеспечения государственных (муниципальных) заданий на оказание услуг учреждениями;
- 7) корректировка системы разработки и финансового обеспечения государственных (муниципальных) заданий на оказание услуг учреждениями.

Для выполнения первого этапа – реструктуризации действующей сети учреждений – необходимо провести анализ сети подведомственных учреждений с целью определения эффективности их деятельности и дальнейшей оптимизации сети. После этого следует принятие решения об изменении типа учреждения (перевод учреждения в казенное, автономное или бюджетное); реорганизации, ликвидации, создании учреждения; передаче учреждения на иной уровень и внесении соответствующих изменений в уставы, иные учредительные документы учреждений, трудовые договоры (до 1 декабря 2011 года).

Работу по формированию перечня услуг планируется начать с адаптации разработанных федеральных перечней услуг, оказываемых учреждениями соответствующей отрасли, к современной системе управления. Далее необходимо провести анализ полномочий РФ и субъекта Федерации на предмет выделения услуг (работ) учреждений и других организаций, в которых размещается государственное (муниципальное) задание (заказ). По результатам анализа можно сформировать предварительный вариант перечня услуг.

Далее необходимо провести анализ действующего порядка оказания учреждениями платных услуг и на этой основе разработать проекты первоочередных нормативных правовых актов субъекта Федерации, связанных с совершенствованием правового положения учреждений (более 20 нормативных актов) [13].

Следующий этап – проведение экспертной оценки действующей системы разработки, установления и контроля за реализацией государственных (муниципальных) заданий на оказание услуг учреждениями. Особое внимание при этом следует обратить на определение порядка контроля за выполнением государственных (муниципальных) заданий подведомственными учреждениями, а также порядка составления плана финансово-хозяйственной деятельности и отчетов о результатах деятельности учреждений.

Ключевой этап – это проведение оценки действующей системы финансового обеспечения государственных (муниципальных) заданий на оказание услуг учреждениями. В связи с принципиальными изменениями в порядке финансирова-

ния автономных и бюджетных учреждений, внесенными 83-ФЗ, необходимо начать выполнение данного этапа с проведения экспертной оценки действующей системы финансового обеспечения государственных (муниципальных) заданий. После этого определяются нормативные затраты, порядок предоставления субсидий и делается расчет финансового обеспечения выполнения.

В целом данный подход достаточно четко ориентируется именно на повышение экономической эффективности бюджетных расходов на отрасль посредством снижения нецелевых затрат (экономия за счет реструктуризации (оптимизации) бюджетных расходов (по статьям)). По сути в данном случае нельзя говорить о реализации такого принципа бюджетной системы, как эффективность и результативность бюджетных расходов (новая редакция Бюджетного кодекса РФ), скорее речь идет об «устаревшем» принципе из предыдущей редакции Бюджетного кодекса – эффективность и экономичность.

Подход, реализуемый в рамках внедрения бюджетирования, ориентированного на результат, и акцентирует свое внимание на более высокой эффективности за счет четкого определения количества потенциальных благополучателей. Рассмотрим его применение на материалах Томского района Томской области, который неоднократно выигрывал конкурсы, проводимые Администрацией Томской области среди муниципальных образований. Последовательность этапов оптимизации бюджетных расходов следующая:

1. Создание системы учета потребности в предоставляемых муниципальных услугах.
2. Стандартизация муниципальных услуг.
3. Формирование муниципальных заданий.
4. Управление расходами и реструктуризация бюджетной сети.

В Томском районе была внедрена новая, ранее неиспользуемая система оценки потребности населения в предоставлении муниципальных услуг. Это стало стартовым мероприятием в реализации последующего комплекса мер по определению перечня муниципальных услуг и их стандартизации. С этой целью в конце 2009 года был утвержден Порядок проведения оценки потребности в предоставлении муниципальных услуг в Томском районе [9]. На основе результатов оценки потребности в предоставлении муниципальных услуг главные распорядители средств бюджета формируют предложения по объему бюджетных ассигнований, необходимых для финансового обеспечения муниципальных заданий на оказание соответствующих муниципальных услуг в очередном финансовом году [10].

Включение стандартизации в состав мероприятий, реализуемых в рамках конкурса по программе реформирования муниципальных финансов, стало стимулом к установлению в муниципальном образовании «Томский район» стандар-

тов качества услуг. Для Томского района отправным документом стало Положение о формировании стандартов качества муниципальных услуг, утвержденное Постановлением Главы Томского района от 25.06.2009 № 155 [11].

Утверждение стандартов качества услуг позволило в дальнейшем перейти на нормативно-целевое финансирование муниципальных учреждений, при этом предварительно разработать нормативно-сметные методики финансирования расходов на оказание услуг в рамках муниципальных заданий. В целях осуществления контроля за соответствием качества предоставляемых муниципальных услуг Томского района стандартам качества утвержден Порядок проведения оценки соответствия качества фактически предоставляемых муниципальных услуг утвержденным стандартам качества муниципальных услуг.

Но все же самым трудоемким и значимым этапом работы по реформированию стало внедрение практики формирования муниципальных заданий – одного из основных инструментов повышения эффективности бюджетных расходов.

Согласно п. 2 ст. 69.2 Бюджетного кодекса РФ, скорректированной Федеральным законом № 83-ФЗ, показатели государственного (муниципального) задания используются при составлении проектов бюджетов для планирования бюджетных ассигнований на оказание государственных (муниципальных) услуг (выполнение работ), составлении бюджетной сметы казенного учреждения, а также для определения объема субсидий на выполнение государственного (муниципального) задания бюджетным или автономным учреждением.

Первые попытки формирования муниципальных заданий для учреждений Томского района были предприняты еще в 2009 году. Но только при формировании бюджета на 2010 год бюджетные ассигнования для бюджетных учреждений впервые планировались с учетом разработанных и утвержденных заданий. В апреле 2010 года впервые все учреждения представили отчеты о выполнении задания за I квартал 2010 года, по результатам которых Управлением экономики был осуществлен мониторинг их исполнения.

В результате была получена возможность сравнения плановых и фактических показателей (по результатам квартала), позволяющая дать оценку эффективности деятельности учреждений. Но выводы, полученные по итогам проведенной оценки, не были использованы для принятия управленческих решений.

Таким образом, были сделаны первые шаги, увязывающие бюджетные ассигнования с функциями бюджетных учреждений, видами деятельности, с оценкой конечных результатов. В результате представленных мероприятий процесс

финансового планирования потребности учреждения в финансовых ресурсах, ранее основанный на принципе возмещения всех его затрат, ориентируется на конечный результат финансово-хозяйственной деятельности учреждения – полное, своевременное и качественное выполнение муниципальных заданий.

Однако утверждать, что институт муниципальных заданий в Томском районе, как и в целом в РФ, внедрен и заработал в полную силу, пока нельзя. Подходы к формированию заданий постоянно меняются, окончательной и единообразной концепции по их формированию не разработано до сих пор. Это связано с отсутствием наработанной общероссийской практики по организации планирования и финансированию расходов на оказание публичных услуг, отсутствием учета расходов на отдельные услуги. Главные распорядители столкнулись с множеством трудностей при проектировании расходов бюджета как в части структурирования и систематизации огромного перечня услуг, оказываемых подведомственными учреждениями, так и в части определения стоимости услуги, ее наполнения. Кстати, во второй половине 2011 года началось уточнение по реализации 210-ФЗ в части требований к формированию реестра услуг учреждений к середине 2012 года. Остается нерешенным вопрос учета себестоимости публичных услуг, анализа ее динамики и сравнения по различным типам учреждений, оказывающих аналогичные услуги. Отсутствие сравнительных характеристик работы учреждений в прежних и новых условиях (затраты на оказание услуг, административные издержки и качество предоставляемых услуг) не позволяет в настоящее время говорить об отсутствии проблем в применении данного инструмента.

В этой связи, принимая во внимание региональную и муниципальную практику, сделаем следующие выводы:

1. Можно выделить два варианта решения задач повышения эффективности бюджетных расходов отраслей социальной сферы: в рамках осуществления бюджетной реформы и вне ее реализации. Эти варианты отличаются последовательностью и содержанием действий.
2. Основой для определения величины государственного (муниципального) задания на сегодняшний день является не прогноз количества предоставляемых услуг, а величина средств бюджета, предусмотренная на эти цели правовым актом о бюджете, вследствие чего задание приобретает бюджетоограниченный характер. Утверждение задания после принятия акта о бюджете ведет к исключению исполнителей из процесса принятия решения о величине доводимого задания. Это значительно затрудняет функционирование учреждения на уровне, достаточном для исполнения задания.

3. Создание нормативов финансирования услуг – самая сложная задача, которая возложена на публично-правовые образования.

Для разработки грамотных нормативов финансирования услуг необходимы полноценные и конкретные стандарты их оказания – финансовый норматив должен рассчитываться исходя из потребности оказания услуги с четкими требованиями к ее объемам и качеству. Однако структура существующих стандартов качества часто не соответствует этим требованиям.

Если рассуждать логически, разработка нормативов финансирования должна была бы предшествовать массовому переводу учреждений на финансирование по государственному (муниципальному) заданию. Но, к сожалению, ситуация такова, что разрабатывать нормативы регионам и муниципалитетам приходится самостоятельно.

В результате, учитывая проведенные мероприятия и продолжающееся развитие законодательства, усилия по реализации региональных и муниципальных практик внедрения механизмов повышения эффективности бюджетных расходов в целом целесообразно сконцентрировать на следующих основных направлениях:

- внедрение системы учета потребности в бюджетных услугах (в том числе учета востребованности услуг населением);
- организация оценки соответствия предоставленных услуг утвержденным стандартам качества;
- повышение эффективности оказания услуг, что предполагает как работу с государственными (муниципальными) заданиями, так и оптимизацию бюджетной сети в соответствии с проводимой реформой учреждений.

Реформирование отраслей социальной сферы предполагает не только уход от сметного принципа финансирования и расширение масштабов предоставления и качества публичных услуг. Повышение качества услуг обеспечивается многими факторами и составляющими. При этом целесообразность применения инструментов реализации вышеперечисленных задач должна оцениваться самими публично-правовыми образованиями с учетом их особенностей, с одной стороны, с позиции эффективности траты бюджетных средств, с другой стороны, а также с учетом социальной значимости и необходимости перехода на новый уровень качества жизни населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ананенко С. А. Повышение эффективности бюджетных расходов с помощью аналитических возможностей БОР // Финансы. 2006. № 11. С. 11–13.
2. Алчиан А., Демсец Г. Производство, информационные издержки и экономическая организация. Вып. 5. Истоки. М.: ГУ-ВШЭ, 2004. С. 166–207.
3. Афанасьев М. П. Модернизация государственных финансов. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2007. 439 с.
4. Бабиц А. М., Павлова Л. Н. Государственные и муниципальные финансы. М.: Финансы, ЮНИТИ, 2006. 259 с.
5. Бушмин Е. В. Бюджет: процедуры и эффективность. М.: Альтернатива – Евролинц, 2003. 372 с.
6. Кампос Е., Прадхан С. Многоликая коррупция: Выявление уязвимых мест на уровне секторов экономики и государственного управления. М., 2010. 551 с.
7. Милгром П., Робертс Дж. Экономика, организация и менеджмент: В 2 т.: Пер. с англ. / Под ред. И. И. Елисеевой, В. Л. Тамбовцева. СПб.: Экономическая школа, 1999.
8. Полюбина И. Б. Электронное правительство как составляющая новой экономики // Информационное общество. 2005. № 1. С. 67–73.
9. Постановление Главы Томского района (Главы Администрации) от 24.11.2009 № 272/5 «Об утверждении порядка учета потребности в муниципальных услугах при формировании проекта бюджета Томского района» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://tr.tomskinvest.ru/files/doc/normativ_acts/post_272_5.doc
10. Постановление Главы Томского района (Главы Администрации) от 24.11.2009 № 272/4 «Об утверждении порядка проведения оценки потребности в предоставлении муниципальных услуг» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://tr.tomskinvest.ru/files/doc/normativ_acts/post_272_4.doc
11. Постановление Главы Томского района (Главы Администрации) от 25.06.2009 № 155 «О стандартах качества муниципальных услуг» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://tr.tomskinvest.ru/files/doc/normativ_acts/post_155.doc
12. Премчанд А. Управление государственными расходами. Вашингтон: МВФ, 1994. 280 с.
13. Распоряжение Губернатора Новосибирской области от 30.06.2010 № 137-р «О плане разработки нормативных правовых актов Новосибирской области по реализации Федерального закона от 08.05.2010 № 83-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений”» [Электронный ресурс]. Справочно-поисковая система «Консультант+».
14. Хикс Дж. Р., Аллен Р. Г. Д. Пересмотр теории ценности // Теория потребительского поведения и спроса / Под ред. В. М. Гальперина. СПб.: Экономическая школа, 1993. С. 117–141.
15. Шаститко А. Е. Новая институциональная экономическая теория. М.: ТЕИС, 2010. 828 с.
16. Якобсон Л. И., Глаголев А. В., Кудюкин П. М. Оптимизация бюджетных расходов на государственное управление и местное самоуправление. М., 2001. 154 с.
17. Alecina A., Perotti A. The Political Economy of Budget Deficits // IMF Staff Papers. 1995. Vol. 42. №. 1. P. 1–31.
18. Alt J. E., Lowry R. C. Divided Government and Budget Deficits: Evidence from the States // American Political Science Rev. 1994. Vol. 88. Dec. P. 811–828.

ТАТЬЯНА ГРИГОРЬЕВНА СКУРИХИНА

кандидат экономических наук, доцент, начальник управления научно-инновационной деятельности, Сибирская академия государственной службы
89137104139@mail.ru

ИННОВАЦИОННО-ИНВЕСТИЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ СБАЛАНСИРОВАННОСТИ МЕСТНЫХ БЮДЖЕТОВ

В статье рассматриваются понятие и система факторов влияния на сбалансированность местных бюджетов, дается обоснование того, что инновационно-инвестиционная активность является фактором влияния на сбалансированность местного бюджета.

Ключевые слова: местный бюджет, сбалансированность местного бюджета, инновационно-инвестиционная активность

Становление местного самоуправления и устойчивое развитие муниципальных образований РФ всецело зависят от сбалансированности местных бюджетов. В РФ принцип сбалансированности закреплен в ст. 33 Бюджетного кодекса РФ, согласно которой объем расходов должен соответствовать суммарному объему доходов бюджета и поступлений из источников финансирования его дефицита. Органы местного самоуправления при выборе приоритетных методов обеспечения сбалансированности местного бюджета должны основываться на анализе причин возникновения

дефицита (профицита) и оценке всех факторов, влияющих на состояние равновесия расходов и доходов.

Под факторами влияния на сбалансированность местных бюджетов следует понимать совокупность условий, оказывающих влияние на протекающие в муниципальном образовании и за его пределами социально-экономические процессы и их результаты (табл. 1).

Органам местного самоуправления при выборе методов обеспечения сбалансированности местных бюджетов необходимо использовать за-

Таблица 1

Факторы влияния на сбалансированность местных бюджетов

Фактор	Оценочные показатели
Географическое положение и природно-климатические условия муниципального образования	Близость к региональному центру, уровень социально-экономического положения соседних территорий, площадь территории, характеристика климата, структура ресурсов и уровень их использования
Социально-демографическое положение муниципального образования	Численность населения в трудоспособном возрасте, уровень занятости и безработицы, половозрастной состав, структура образования, профессиональный статус, естественное и механическое движение населения
Пространственная и отраслевая инфраструктура муниципального образования	Протяженность автомобильных дорог и тип их покрытия, наличие железнодорожного и авиационного сообщения, наличие судоходных рек; количественно-качественная характеристика жилого фонда и нежилых зданий и помещений общественного и социального назначения, количественно-качественная характеристика системы инженерного обеспечения и общего коммунального хозяйства; обеспеченность населения образовательными учреждениями, учреждениями здравоохранения и культуры и др.
Инновационно-инвестиционная активность муниципального образования	Уровень активности органов местного самоуправления, учреждений, предприятий и организаций, а также населения в области создания и/или привлечения, восприятия и практической реализации инноваций с помощью привлечения средств, вкладываемых в воспроизводство инноваций-ресурсов или вовлекаемых в процесс воспроизводства уже в виде инноваций; степень интенсивности создания и/или привлечения, продвижения на рынок и использования различных видов инноваций благодаря мобилизации необходимого количества инвестиций
Экономическая самодостаточность и место муниципального образования в системе общественного разделения труда, подчеркивающее его влияние на жизнедеятельность других территорий и привлекательность для сторонних инвесторов	Количество хозяйствующих субъектов, получающих устойчивую прибыль и заинтересованных в развитии муниципального образования; уровень развития экономики с выделением отраслей жизнеобеспечения населения, «точек роста» и отраслей, обеспечивающих наиболее полную занятость населения и участие муниципального образования в межрегиональной и международной специализации и кооперации

кон минимума Либиха. Состояние бюджета муниципального образования зависит от преодоления минимально представленного в данный конкретный момент фактора влияния на сбалансированность местных бюджетов. В другой период времени ограничивающим сбалансированность бюджета может быть другой фактор минимума. Кроме того, одновременно на сбалансированность местного бюджета может действовать не один фактор минимума, а некоторая их совокупность. В каждом муниципальном образовании в тот или иной период времени формируется свой перечень факторов минимума влияния на сбалансированность местных бюджетов. Тем не менее на уровне отдельно взятого субъекта РФ можно определить общий для всех муниципальных образований фактор-минимум, оказывающий основное влияние на решение проблем обеспечения сбалансированности местных бюджетов.

Рассмотрим в качестве примера бюджеты муниципальных районов и городских округов Новосибирской области. Новосибирская область занимает площадь в 177,8 тыс. кв. км (3,5 % территории Сибирского федерального округа, 1,1 % территории России). В состав Новосибирской области входит 490 муниципальных образований. Из них: 5 городских округов, 30 муниципальных районов, 455 поселений (26 городских и 429 сельских). По данным Министерства финансов Новосибирской области, в общем количестве городских округов и муниципальных районов, утвердивших местные бюджеты в 2009–2010 годах, 49 % исполнены с профицитом и 51 % – с дефицитом (табл. 2).

В процессе исследования был определен фактор-минимум, актуальный для всех муниципальных районов и ряда городских округов Новосибирской области. Это низкий уровень инновационно-инвестиционной активности (ИИА) муниципальных образований области, за исключением городских округов Новосибирск, Кольцово (наркоград) и ряда муниципальных районов.

Понятие ИИА следует рассматривать, с одной стороны, как способность системы к созданию,

восприятию и практической реализации инноваций с помощью привлечения средств, вкладываемых в воспроизводство инноваций-ресурсов или вовлекаемых в процесс воспроизводства уже в виде инноваций с целью повышения имеющихся производственного, трудового, инновационного, ресурсно-сырьевого потенциалов и обеспечения высокого уровня качества жизни населения. С другой стороны, это комплексная характеристика ИИА, включающая степень интенсивности осуществляемых действий, оцениваемая по скорости и объемам создания, продвижения на рынок и использования различных видов инноваций благодаря мобилизации необходимого количества инвестиций. Данное понятие является результирующим критерием, отражающим эффективность инновационно-инвестиционных процессов в муниципальном образовании и определяющим возможность его устойчивого развития. При этом ИИА как категория отражает не только результативность деятельности, но и показывает связь между намеченным содержанием деятельности и ее результатами.

В качестве субъектов ИИА на местном уровне выступают: население, хозяйствующие субъекты (бизнес), органы местного самоуправления.

- ИИА населения – способность инвестирования собственных накоплений и/или заемных средств в воспроизводство инноваций-ресурсов и/или инноваций, а также способность активно использовать созданные на территории муниципального образования инновационные продукты;
- ИИА хозяйствующего субъекта – способность хозяйствующего субъекта к созданию, восприятию и практической реализации инноваций с помощью собственных (заемных, привлеченных) средств, вкладываемых в воспроизводство инноваций-ресурсов или вовлекаемых в процесс воспроизводства уже в виде инноваций с целью повышения эффективности и результативности своей деятельности;
- ИИА органов местного самоуправления – способность обеспечить условия для интен-

Таблица 2

Сбалансированность бюджетов городских округов и муниципальных районов Новосибирской области

Показатель	Всего		Городские округа		Муниципальные районы	
	2009	2010	2009	2010	2009	2010
Количество местных бюджетов, всего	35	35	30	30	5	5
Профицитные	18	17	17	16	1	1
Дефицитные	17	18	13	14	4	4
Сбалансированные	0	0	0	0	0	0
Объем профицита, млн руб.	248,7	399,4	246,6	363,7	2,1	35,7
Объем дефицита, млн руб.	-2170,0	-1863,5	-278,0	-220,5	-1892,0	-1643,0

сивного инновационного инвестирования в муниципальную экономику.

В общем объеме поступивших в 2010 году собственных доходов местных бюджетов налоговые и неналоговые доходы составляют 62 %, безвозмездные поступления (без учета субвенций из фондов компенсаций) – 38 %. Изменения структуры собственных доходов местных бюджетов в 2009–2010 годах характеризуются снижением доли налоговых и неналоговых доходов и ростом доли безвозмездных поступлений на 2,72 %. Сбалансированность бюджетов городских округов и муниципальных районов Новосибирской области обеспечивается за счет оказания финансовой помощи из бюджетов вышестоящего уровня. В 2009–2010 годах лишь 4 муниципальных образования, что составляет 11 % от их общего количества, характеризуются низкой степенью дотационности, наличием собственной финансовой базы для исполнения полномочий, эффективностью управления финансовыми ресурсами и заинтересованностью органов местного самоуправления в саморазвитии. Это городские округа Новосибирск, Кольцово, Обь и Новосибирский район, которые, в свою очередь, характеризуются высоким уровнем инновационно-инвестиционной активности в сравнении с другими муниципальными образованиями области. Бюджеты муниципальных районов являются наиболее зависимыми от безвозмездных поступлений, доля которых в собственных доходах составляет 74 % в 2010 году. Следует отметить не только увеличение удельного веса межбюджетных трансфертов в общем объеме собственных доходов бюджетов муниципальных районов, но и увеличение их объема в абсолютном выражении.

Объем инвестиций в основной капитал в 2010 году в Новосибирской области составил 106,8 млрд рублей, что в сопоставимой оценке соответствует уровню 2009 года, превышая его на 0,1 %. Рост инвестиционной активности в области в 2010 году достигнут за счет значительного увеличения по сравнению с 2009 годом объемов государственной поддержки из средств областного бюджета, взаимодействия с ГК «РОСНАНО» и фондами содействия развитию по вопросу привлечения средств для реализации инвестиционных проектов на территории области, развития парковых и комплексных проектов (Промышленно-логистический парк, Технопарк Новосибирского Академгородка). Нарастание объема инвестиций наблюдалось в таких важных для экономики области видах деятельности, как производство машин и оборудования, производство электро-, электронного и оптического оборудования, производство транспортных средств; транспорт и связь, а также финансовая деятельность, здравоохранение и предоставление социальных услуг. Росту инвестиционной активности способствовало также увеличение объема работ в строительстве.

Объем инвестиций в основной капитал, осуществленных крупными, средними и малыми предприятиями городского округа Новосибирск, по итогам 2010 года – 62,3 млрд рублей (по итогам 2009 года – 58,3 млрд рублей), что составляет более 50 % от общего объема инвестиций в основной капитал по области. В 2010 году на развитие экономики и социальной сферы муниципальных районов и городских округов области (без городского округа Новосибирск) за счет всех источников финансирования направлено 36 млрд рублей инвестиций в основной капитал (97,2 % к уровню 2009 года в сопоставимой оценке). Более 40 % всего ежегодного объема инвестиций в основной капитал муниципальных районов и городских округов области (без городского округа Новосибирск) освоено в Новосибирском районе. В 2010 году положительная динамика индекса физического объема инвестиций в основной капитал (на 5–30 % от уровня прошлого года) отмечена в 23 территориях, отрицательная – в 11, из них в 3 этот показатель не превысил 50 %.

Особенностью Новосибирской области является размещение на ее территории мощного научно-образовательного комплекса, в состав которого входят академические институты Российской академии наук, Российской академии медицинских наук и Российской академии сельскохозяйственных наук; наукоград Кольцово, а также отраслевые научно-исследовательские, конструкторско-технологические и проектные институты, высшие учебные заведения. Инновационная инфраструктура области включает три научных городка, технопарк «Новосибирск», Технопарк Новосибирского Академгородка, сеть инновационно-технологических центров, частных технопарковых структур, бизнес-инкубаторы, центры развития инновационных компетенций, молодежные творческие мастерские, Сибирский институт интеллектуальной собственности и многие другие организации. Действует и развивается региональная инвестиционная сеть, оказывающая финансовую и организационную поддержку развитию инновационной деятельности и организации банковского сектора.

Новосибирская область является первым субъектом Российской Федерации, в котором принят закон о научной деятельности (Закон Новосибирской области от 20.04.95 № 17-ОЗ «О научной деятельности и научно-технической политике Новосибирской области»). Также на территории Новосибирской области действует Закон Новосибирской области от 15.12.2007 № 178-ОЗ «О политике Новосибирской области в сфере развития инновационной системы».

Консолидация усилий всех элементов инновационной системы региона и их системное взаимодействие должны обеспечить более динамичный рост высокотехнологичного сектора экономики Новосибирской области на основе сформирован-

Социально-экономическая поляризация МО

Социально-экономическая поляризация муниципальных районов и городских округов Новосибирской области

ных базовых условий развития инновационной деятельности. Однако по статистике в Новосибирской области имеется лишь несколько сот инновационных или наукоёмких компаний, расположенных в основном на территории городских округов Новосибирск и Кольцово (наукоград). Несмотря на наличие в Новосибирской области научно-технической, образовательной, высокотехнологичной промышленной и технопарковой среды, инновационный бизнес еще не сделал качественный скачок в направлении роста, консолидации и создания масштабных мировых брендов.

Новосибирская область относится к числу таких субъектов РФ, где существует высокоразвитый, инновационно активный областной центр, малые города и сельские районы с хронически отсталыми экономикой и социальной сферой, низким уровнем ИИА (см. рисунок).

Уровень ИИА и уровень самостоятельности при обеспечении сбалансированности бюджетов падает по мере удаления от центра. Таким образом, решение проблемы сбалансированности местных бюджетов Новосибирской области зависит от создания условий по преодолению фактора-минимума – низкого уровня ИИА муниципальных образований. Повышение уровня ИИА муниципальных образований положительно скажется на росте налоговых и неналоговых доходов местных бюджетов и одновременно обеспечит решение задач социально-экономического развития муниципальных образований Новосибирской области без привлечения существенного объема таких межбюджетных трансфертов, как дотации.

Статья подготовлена по материалам НИР, выполненного в рамках гранта РГНФ 11-12-54001а/Т.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации: федер. закон РФ от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (принят ГД ФС РФ 17 июля 1998 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/budget/>
2. Л и б и х Ю. Письма о химии: В приложении к физике, технике и пищевой промышленности: Пер. с нем. 2-е изд. М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2011. 376 с.
3. Путеводитель инвестора. Новосибирская область [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nso.ru/priorities/investicii/Pages/default.aspx>
4. Распоряжение губернатора Новосибирской области от 19 октября 2009 г. № 254-р «Об утверждении Концепции развития инновационной деятельности в экономике и социальной сфере на территории Новосибирской области» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.edunso.ru/search_doc/prinadl/23/2009
5. Социально-экономическое развитие муниципальных районов и городских округов (без г. Новосибирска) в 2010 году [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://econom.nso.ru/deyatelnost/territ_razv/Pages/ser_munobr.aspx

АННА ПАВЛОВНА УХАНОВА

преподаватель кафедры международного и конституционного права юридического факультета, Петрозаводский государственный университет
anna.ukhanova@onego.ru

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАНДИДАТОВ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ АГИТАЦИИ

В статье даются рекомендации по внесению изменений в действующее законодательство для обеспечения гарантий свободного волеизъявления граждан и эффективной работы института ответственности кандидатов.

Ключевые слова: предвыборная агитация, информационное обеспечение выборов, гарантии свободного волеизъявления граждан, ответственность кандидатов

Конституция РФ наряду с референдумом определила свободные выборы высшим непосредственным выражением власти народа, закрепляя за гражданами право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления [1]. Как разъяснил Конституционный суд РФ в Постановлении от 14 ноября 2005 года № 10-п, «выборы могут считаться свободными, только если гражданам реально гарантированы право на получение и распространение информации и свобода выражения мнений» [7]. В этой связи законодательные ограничения, налагаемые на предвыборную агитацию кандидатов, следует рассматривать как обеспечение названных гарантий. Одним из таких ограничений является недопущение нарушений законодательства РФ об интеллектуальной собственности. При этом правовые последствия такого рода нарушений в избирательном законодательстве были определены в декабре 2006 года, то есть сравнительно недавно. Также стоит отметить, что существенно изменилось нормативно-правовое регулирование прав интеллектуальной собственности после введения в действие части IV Гражданского кодекса РФ 1 января 2008 года [3]. В этой связи актуальным является исследование института ответственности кандидатов за нарушение законодательства об интеллектуальной собственности при проведении агитации. Кроме того, важность теоретического осмысления указанной проблемы обусловлена неоднозначностью судебной практики при применении мер ответственности к кандидатам.

Внимание исследователей эта тема стала привлекать с момента изменения политического режима и формы государственного устройства России. На сегодняшний день в современной науке российского конституционного права она является достаточно освещенной: отметим труды С. Д. Князева, С. В. Большакова, А. Г. Головина, О. Ф. Афанасевой, А. Н. Борисова.

Конституционное закрепление гарантий свободы средств массовой информации, мнений

и убеждений, политического и идеологического плюрализма, основных гарантий избирательных прав граждан обусловило конкретный подход в развитии избирательного законодательства и, в частности, порядка регулирования информационного обеспечения выборов, так как названными гарантиями в равной мере обладают и распространители, и потребители информации. В этой связи законодательно был закреплен механизм, призванный сбалансировать интересы участников информационного пространства выборов. Так, в Федеральном законе «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12.06.2002 № 67-ФЗ (далее – Закон) [4], основном источнике, регулирующем выборы всех уровней на территории России, глава VII закрепляет порядок их информационного обеспечения, а глава XX устанавливает меры ответственности за нарушения законодательства о выборах.

Среди участников информационного обеспечения выборов условно можно выделить несколько групп лиц. Положения ст. 45 Закона определяют круг лиц, информирующих население о выборах. В свою очередь, ст. 48 Закона говорит о лицах, наделенных правом на проведение предвыборной агитации. С одной стороны, эти лица формируют информационное пространство выборов, с другой – при наличии активного избирательного права являются потребителями информационного и агитационного продуктов, что, на наш взгляд, безусловно влияет на формирование их политических предпочтений и во многом определяет волеизъявление.

Согласно п. 4 ст. 2 Закона, предвыборная агитация – это деятельность, осуществляемая в период избирательной кампании и имеющая целью побудить или побуждающая избирателей к голосованию за кандидата, кандидатов, список, списки кандидатов или против него (них). Следует отметить, что приведенное понятие во многом сужает возможность работы с ним как с оценочной правовой категорией за счет предписания

п. 1 ст. 48 Закона, устанавливающего, что граждане РФ, общественные объединения вправе в допускаемых законом формах и законными методами проводить предвыборную агитацию. Чтобы исключить злоупотребление таким правом, п. 4 ст. 48 Закона презюмирует ответственность кандидата за несоответствие агитации по форме и методам распространения требованиям, установленным законодательством о выборах.

Таким образом, определение возможных форм, методов и ограничений предвыборной агитации представляет существенное значение для раскрытия заявленной темы: оно позволит оценить, насколько адекватным является правовое регулирование процедуры привлечения к ответственности за нарушения кандидатами законодательства РФ об интеллектуальной собственности. Формы предвыборной агитации, осуществляемой в период избирательной кампании, перечислены в п. 2 ст. 48 Закона:

- а) призывы голосовать за кандидата, кандидатов, список, списки кандидатов либо против него (них);
- б) выражение предпочтения какому-либо кандидату, избирательному объединению, в частности указание на то, за какого кандидата, список кандидатов, избирательное объединение будет голосовать избиратель (за исключением случая опубликования (обнародования) результатов опроса общественного мнения в соответствии с п. 2 ст. 46 Закона);
- в) описание возможных последствий в случае, если тот или иной кандидат будет или не будет избран, тот или иной список кандидатов будет или не будет допущен к распределению депутатских мандатов;
- г) распространение информации, в которой явно преобладают сведения о каком-либо кандидате (кандидатах), избирательном объединении в сочетании с позитивными либо негативными комментариями;
- д) распространение информации о деятельности кандидата, не связанной с его профессиональной деятельностью или исполнением им своих служебных (должностных) обязанностей;
- е) деятельность, способствующая созданию положительного или отрицательного отношения избирателей к кандидату, избирательному объединению, выдвинувшему кандидата, список кандидатов.

При этом, согласно п. 2.1 ст. 48 Закона, действия, совершаемые при осуществлении представителями организаций, выпускающих СМИ, профессиональной деятельности и указанные в подпункте «а», признаются предвыборной агитацией в случае, если эти действия совершены с целью побудить избирателей голосовать за кандидата, кандидатов, список, списки кандидатов или против него (них), а действия, указанные

в подпунктах «б» – «е», – в случае, если эти действия совершены с такой целью неоднократно.

На наш взгляд, законодатель четко определился с формами предвыборной агитации и оставил открытым перечень методов ее проведения для обеспечения баланса между конкурирующими гарантиями: свободного волеизъявления граждан, равенства кандидатов и ответственности за нарушение избирательного законодательства, с одной стороны, и гарантиями свободы СМИ, права на информацию и свободы мнений граждан РФ, с другой.

С точки зрения первой группы гарантий законодатель устанавливает границы для различия агитации и иных форм информационного обеспечения выборов, делая акцент на объективной стороне соответствующих действий. Это обеспечивает принцип правовой определенности в оценке основания привлечения к ответственности за нарушения избирательного законодательства. С точки зрения второй группы гарантий кандидаты, избирательные объединения и другие лица, проводящие предвыборную агитацию, имеют возможность наилучшим образом доносить до избирателей необходимую информацию, учитывая ее качественно-количественные характеристики, затраты на распространение, особенности восприятия электоратом. При этом законодатель ограничивает возможность проведения предвыборной агитации по периоду распространения, субъектному составу и содержанию.

В свою очередь запрет нарушения законодательства РФ об интеллектуальной собственности при проведении агитации п. 1.1 ст. 56 Закона был введен Федеральным законом от 05.12.2006 № 225-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» [6] и вступил в силу с 7 декабря 2006 года. Анализ законодательной формулировки п. 1.1 ст. 56 Закона относит агитацию, нарушающую законодательство РФ об интеллектуальной собственности, к форме злоупотребления свободой массовой информации. При этом на существенность такой формы злоупотребления указывает то, что, несмотря на открытый в этой части перечень, законодатель дополнительно указывает только на запрет агитации, содержащей призывы к совершению деяний, определяемых в ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [5] как экстремистская деятельность, запрет побуждения иным способом к таким деяниям, обоснования или оправдания экстремизма, а также на запрет агитации, возбуждающей социальную, расовую, национальную или религиозную рознь, унижающей национальное достоинство, пропагандирующей исключитель-

ность, превосходство либо неполноценность граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности, агитации, при проведении которой осуществляются пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени их смешения.

За нарушения установленных Законом ограничений предусмотрена различная ответственность и особенности пенитенциарной процедуры, чему посвящено немало комплексных исследований таких авторов, как С. В. Большаков, С. Д. Князев, Т. Г. Левченко, М. С. Матейкович, Н. В. Витрук. Но в пределах заявленной темы необходимо сосредоточиться на ответственности кандидатов за нарушение законодательства РФ об интеллектуальной собственности. Так, пп. «д» п. 7 ст. 76 Закона содержит бланкетную норму, предусматривающую в качестве меры ответственности за такое нарушение отмену регистрации кандидата. Стоит обратить особое внимание на то, что эта санкция применяется судом, реализующим правомочие на ее применение, как следует из буквального толкования п. 8 ст. 76 Закона. В этой связи более оправданной является судебная практика, нацеленная на применение санкции с учетом оценки степени допущенного нарушения с точки зрения нормы ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, обуславливающей гарантию соблюдения баланса частных и публичных интересов, иными словами, закрепляющей принцип соразмерности подлежащего ограничению права тем, что подлежат обеспечению. Так, установив факт нарушения кандидатом П. законодательства РФ об интеллектуальной собственности при проведении агитации, районный суд Республики Карелии решением от 01.03.2007 не стал отменять его регистрацию, сославшись на то, что эта санкция, «связанная с ограничением избирательных прав, должна осуществляться на основе вытекающего из ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации принципа соразмерности. Поэтому недопустимо применение лишь формальных оснований отмены регистрации... без учета обстоятельств, свидетельствующих о несущественности нарушений законодательства Российской Федерации об интеллектуальной собственности, допущенных П.» [10; 57]. Аналогичная мотивировка встречается и в решении районного суда РК от 11 июня 2009 года по делу об отмене регистрации кандидата в связи с нарушением авторского права при проведении агитации [13].

Однако есть и иной подход, не ставящий применение санкции в зависимость от степени нарушения. В решении Приморского краевого суда от 28.09.2006 указано на то, что норма пп. «д» п. 7 ст. 76 Закона «не ставит применение санкции

в зависимость совершения кандидатом при проведении агитации нарушений законодательства об интеллектуальной собственности от наступления каких-либо последствий, а также от малозначительности допущенных нарушений» [14].

Из приведенного в Законе перечня форм злоупотреблений свободой СМИ в качестве оснований для отмены судом не только регистрации кандидата, но и решения избирательной комиссии о результатах соответствующих выборов после определения их результатов исключается только нарушение законодательства РФ об интеллектуальной собственности.

На наш взгляд, такое исключение не согласуется с отмеченной ранее особенностью юридико-технического построения п. 1 и п. 1.1 ст. 56 Закона. Думаем, это существенно снижает охранительную функцию института ответственности кандидатов за нарушение избирательного законодательства, о значении которой говорят многие исследователи [12; 23], [8; 59].

Таким образом, можно выделить следующие особенности института ответственности кандидатов за нарушение законодательства РФ об интеллектуальной собственности. Во-первых, данному институту присуще комплексное правовое регулирование. Во-вторых, для него характерно наличие оценочных категорий при разрешении вопроса о применении санкций к кандидатам-нарушителям. В-третьих, предусмотренные законодательством о выборах санкции за указанные нарушения носят по своей правовой природе публичный характер и не исключают возможность применения мер гражданской, административной и уголовной ответственности к нарушителю. В-четвертых, ответственность кандидатов за нарушение законодательства РФ об интеллектуальной собственности представляется как мера конституционно-правовой ответственности за нарушение законодательства о выборах, что следует из самой формулировки названия главы X Закона («и ответственность за нарушение законодательства о выборах») и из теоретического обоснования в современной науке конституционного права России [9; 8].

В свою очередь, Т. Г. Левченко, определяя особенности конституционно-правовой ответственности в избирательном праве как «отсутствие регламентации в Федеральном законе процессуального порядка применения к участникам избирательного процесса некоторых мер конституционно-правовой ответственности и ее комплексный характер», отмечает, что данных особенностей недостаточно для признания конституционно-правовой ответственности в избирательном праве самостоятельным видом ответственности [11; 29].

С точки зрения процедуры привлечения кандидатов к ответственности следует указать на проблемы доказывания юридически значимых

по делу обстоятельств, что связано со спецификой объектов права интеллектуальной собственности и комплексным правовым регулированием в этой сфере. В частности, может потребоваться специальное исследование для подтверждения соответствия незаконно использованной копии авторского произведения его оригиналу, либо для подтверждения искажения авторского произведения, либо для оспаривания документальных доказательств правомерности использования объекта права интеллектуальной собственности: техническое, фонографическое, фоноскопическое, почерковедческое или иное. Это может привести к пропуску срока для вынесения судебного акта об отмене регистрации кандидата, установленного п. 9 ст. 290 Гражданского процессуального кодекса РФ [2] как 5 дней до дня голосования. В такой ситуации, учитывая положения ст. 220 Гражданского процессуального кодекса РФ, производство по делу подлежит прекращению. Например, Определением Верховного суда РК было прекращено производство по делу об отмене регистрации кандидата Н. в связи с пропуском названного срока для принятия решения [10; 94–96]. При этом недавно появившаяся норма Граж-

данского процессуального кодекса РФ, позволяющая судам определять срок подготовки экспертных заключений, никак не может застраховать от такого пропуска, как не могут дать необходимой гарантии процессуальные нормы о независимой оценке судом доводов, изложенных в заявлении о нарушении избирательных прав. Между тем исследование специалиста зачастую кладется в основу судебного решения по делу и может исключить судебную ошибку.

На наш взгляд, для повышения уровня гарантий свободного волеизъявления граждан и равенства кандидатов нарушение кандидатом при проведении агитации законодательства РФ об интеллектуальной собственности, если указанное нарушение не позволяет выявить действительную волю избирателей, должно быть законодательно закреплено в качестве основания отмены решения избирательной комиссии о результатах соответствующих выборов после определения их результатов. То есть расширению подлежит перечень оснований п. 2 ст. 77 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

ИСТОЧНИКИ

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 4. Ст. 445.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (с изменениями от 09.03.2010) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) (в редакции от 24.02.2010) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.
4. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (в редакции от 27.12.2009) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.
5. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25.07.2002 года № 114-ФЗ (в редакции от 29.04.2008) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.
6. О внесении изменений в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 05.12.2006 № 225-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 50. Ст. 5303.
7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2005 года № 10-п. // Собрание законодательства РФ. 2005. № 47. Ст. 4968.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

8. Большаков С. В. Информирование избирателей и предвыборная агитация: особенности правового регулирования. М.: РЦИОИТ, 2002. 152 с.
9. Игнатенко В. В., Князев С. Д., Номоконов В. А. Юридическая ответственность субъектов избирательного процесса: Учеб. пособие. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2003. 136 с.
10. Избирательное право и избирательный процесс в решениях судов (2005–2008) // Сборник судебных решений / Сост. Н. Ф. Барина. Петрозаводск: Verso, 2009. 400 с.
11. Левченко Т. Г. Терминология и особенности конституционно-правовой ответственности в избирательном праве России // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 3. С. 27–31.
12. Охотников Р. А. Понятие и правовая природа избирательных споров // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 6. С. 20–23.
13. Петрозаводский городской суд: официальный сайт [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://petrozavodsky.kar.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&did=77
14. NET/адвокат: официальный сайт [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.netadvocate.org/node/301>

CONTENTS

HISTORY

Dianova E. V.

HISTORICAL REVIEW OF USSR CREDIT AND COOPERATION LEGISLATION (SECOND HALF OF 1920s)

Summary: The article is concerned with the problems of legislation development in credit and cooperation policy in the first half of the XIX century. The issues of the credit activity regulations for cooperative institutions and introduction of the credit reform of 1930 are studied.

Key words: Credit cooperation, cooperative credit, cooperative law, agricultural credit. 7

Zhukovskaya T. N., Kalinina E. A.

EDUCATED PROVINCE: OLONETS AS PART OF METROPOLITAN EDUCATIONAL DISTRICT IN FIRST HALF OF XIX CENTURY

Summary: The system of administrative, educational, social, and cultural ties of Olonets province with Petersburg University as a center of management and control of the educational district in the first half of the XIX century is analysed. For the first time, based on the archival documents the forms of management of subordinate educational institutions by the university are researched. The character and directions of the management impact on the condition of education in one of the remote provinces of the North West are studied.

Key words: System of management, university, graduate, system of schools, teacher 12

Kotov P. P.

LEVEL OF AGRICULTURAL DEVELOPMENT IN KEMSKY DISTRICT IN 1791–1915

Summary: The level of agricultural development in Kemsky district during the time span of 125 years is analysed with the help of numerous archival documents and publications. The author's method of digital data processing is offered to facilitate in objective assessment of the agricultural effectiveness.

Key words: Agricultural level, crops and harvests of cereals, corns' provision, consumption rates 19

PEDAGOGICS

Petrova E. V.

DEVELOPMENT OF PROCESSING AND REVIEW STRATEGIES OF PROFESSIONALLY MEANINGFUL INFORMATION IN FOREIGN LANGUAGE CLASSES OF NON-LANGUAGE HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS

Summary: The article deals with the process of training students to structure information on the basis of the processing strategy. The conditions of processing strategy formation are defined. The stages of educational activity organization with the application of the given strategy are considered.

Key words: Processing strategy, spiral teaching, information structuring, information competence, memory retention, transfer into new conditions, professional information 24

Baskova T. B.

CRITERIA OF ENVIRONMENTAL EDUCATION EFFICIENCY CHARACTERIZING SOCIALIZATION PROCESS OF BOARDING SCHOOL STUDENTS

Summary: The article presents a group of criteria comprehensively characterizing effectiveness of the environmental education in the formation of the ecological culture and socialization skills in boarding school students.

Key words: Environmental education, criteria, boarding school, teens, socialization 28

PHILOLOGY

Drannikova N. V.

LOCAL IDENTIFICATION IN FOLK SPEECH PRACTICE OF RESIDENTS OF WHITE SEA WINTER COAST (case study of Mezensky diskrit of Archangelsk region)

Summary: The article raises a problem of the folk speech homogeneity of local groups (on the example of the residents of the White Sea Winter Coast of Archangelsk region). The author considers peculiarities of functioning of the local groups' nicknames, proverbs, and sayings about members of certain local groups. They can act either as endonyms – names given to local groups by people who are part of these groups and testify of highly developed self-consciousness of a certain local group. These speech patterns can also act as ekzonims – names given to local groups by people who do not belong to these groups. Characteristic features of the folk speech practice act as markers of relationships existing among certain local groups.

Key words: Local identification, folk speech practice, local groups, White Sea Winter Coast (the Arkhangelsk region). 31

Maslova A. G.

COMPREHENSION OF EARTHLY HUMAN EXISTENCE IN G. R. DERZHAVIN'S POETRY

Summary: One of the central problems of Derzhavin's poetry is the problem of overcoming the tragic perception of the earthly human life as a chain of sufferings leading to death. The poet asserts the necessity of following the principles of virtue, service to truth, humility before God, which naturally should lead to peace of mind and inner harmony.

Key words: Poetry of G. R. Derzhavin, philosophical poetry, artistic comprehension of human life 36

Suzi V. N.

DOSTOEVSKY AND ST. MAXIM THE CONFESSOR

Summary: The article is concerned with patristic sources of religious beliefs and works of the great Russian writer Fyodor Dostoevsky. The Russian writer shared most of the views and values adopted by a religious thinker and a man of faith, Maxim the Confessor. The great Christian existentialist lived in Byzantium in the VII century.

Key words: Holy Fathers, existentialism, faith, apokatastasis (forgiveness, universal restoration), Christian anthropology, christocentrism. 40

Musanova S. S.

FOLKLORE OF THE PRILUZSKY DISTRICT IN RECORDS OF A. K. MIKUSHEV

Summary: Records of Priluzsky folklore made by the well-known Komi folklorist A. K. Mikushev are considered in the article. The records were made by the researcher during his expeditions to Priluzky district of Komi Republic (1951, 1961, 1963, 1978). Preferences of the collector are considered. Characteristic features of Priluzsky traditions are highlighted. The texts are evaluated from the standpoint of their uniqueness and introduction into the field of science.

Key words: Folklore, field records, archival materials. 43

PHILOSOPHY

Avdeeva I. A.

SPECIFICITY OF MORAL NORMS AND REGULATORY PROBLEM IN ETHICS

Summary: This article discusses specifics of moral norms and, therefore, addresses the problem of understanding morality as a type of normative regulation. It deals with the problem of relevance and applicability of the normative approach to morality. The problem of necessity of such approach to the regulation of the moral sphere is discussed

Key words: Normative ethics, moral regulation and moral norms, specific moral norms, the normative approach to ethics . . . 46

ECONOMICS

SUPPLY AND DEMAND OF LABOR MARKET AND MARKET OF EDUCATIONAL SERVICES

Annenkov M. V., Shumilova T. M.

INTERNATIONAL EXPERIENCE OF COOPERATION DIRECTED AT LABOR MARKET DEVELOPMENT IN KARELIA IN 1991–2011

Summary: A short review of the labor market development in Karelia for the past twenty years is presented. Measures decreasing the level of unemployment and measures realized in the framework of international projects are considered. Effectiveness of the placement service activity resulting from the introduction of the foreign experience is shown.

Key words: Development of employment, unemployment, labor market 52

Garifullina N. Yu.

REGIONAL LABOR MARKET DEMAND FOR GRADUATES OF VOCATIONAL EDUCATION SYSTEM

Summary: One of the most important socio-economic problems of all subjects of the Russian Federation is to provide different sectors of the regional economy with qualified personnel. The article provides analyses of the demand for graduates of vocational institutions by the regional labor market.

Key words: Educational institutions, vocational education system, labor market 56

Vasiliev V. N., Gurtov V. A., Golubenko V. A.

LIST OF COMPETENCIES REQUIRED BY PRIORITIZED DIRECTIONS OF INNOVATION DRIVEN ECONOMY

Summary: Professionally-relevant competencies developed in graduates with the help of educational programs and required by prioritized directions of science development were determined. Priority directions of science, technology, and technique development in the Russian Federation are «Information and Telecommunication Systems» and «Nanosystems».

Key words: Professional competencies, priority fields of science, technology and engineering development 61

Yershova N. Yu.

COMPETENCE-BASED APPROACH IN TEACHING INFORMATION TECHNOLOGIES TO ENGINEERING PERSONNEL

Summary: The problem of competence-based and module structured educational programs is considered. The algorithm of actions aimed at the implementation of the competence-based approach in teaching information technologies to engineering personnel is proposed

Key words: Competence-based approach, competence-oriented working programs. 66

Korovkin A. G., Dolgova I. N., Edinak E. A., Korolev I. B.

ASSESSMENT OF PERSPECTIVE EMPLOYMENT RATE AND LABOR MARKET DYNAMICS AND EFFECTIVE WAYS OF USING LABOR FORCE IN RUSSIAN FEDERATION

Summary: Dynamics of the perspective Russian labor market is considered on the assumption that retrospective tendencies remain unchanged. Assessments of the perspective labor shortage depending on different ratios between GDP growth and labor productivity growth are given. Possibilities to increase effectiveness of the labor force usage are discussed.

Key words: Labor market, retrospective tendencies, labor shortage, effectiveness 70

Loktyukhina N. V.

DEPARTMENT OF LABOR AND EMPLOYMENT PARTICIPATION IN COORDINATION OF TARGET ENROLLMENT FIGURES FOR HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS: PROBLEMS AND CONTRADICTIONS

Summary: Current coordination practice of the target enrollment figures with regional Departments of Labor and Employment needs improvement. It is impossible to assess adequately whether offered specialties meet the needs of the labor market. The article proposes measures aimed at solving this problem. Contradictions between labor market and market of educational services are studied.

Key words: Labor market, market of educational services, target enrollment figures 77

Oleinik A. G., Lomov P. A.

DEVELOPMENT OF INFORMATION SUPPORT FOR STAFF TRAINING PURPOSES

Summary: Research results on the information support development for occupational training purposes are presented in the article. A complex of comparative analysis procedures of educational standards is described. The problem of development and implementation of ontological models aimed at solving tasks factoring in semantic analysis are considered.

Key words: Human resources, information support, ontology 81

Pitukhin E. A., Yakovleva A. A.

MONITORING OF GRADUATES' EMPLOYMENT: CURRENT SITUATION AND RECOMMENDATION FOR IMPROVEMENT

Summary: Monitoring analysis of the current condition of the employment level for professional education graduates in the Russian Federation is given. The monitoring system is assessed in terms of completeness and reliability. Recommendations for further improvement of the monitoring system parameters are formed based on the research results.

Key words: Employment, vocational education, graduates, monitoring 86

Raznova N. V., Filimonenko I. V., Yarichina G. F.

MONITORING OF UNIVERSITY GRADUATES' EMPLOYMENT AS INSTRUMENT FOR MAINTENANCE OF REGIONAL LABOR MARKET BALANCE

Summary: The article deals with the problem of the formation of the regional system monitoring undergraduates' employment. The monitoring system is viewed as an important instrument providing regional economy with personnel of adequate quality, quantity, and qualification. Formation of the integrated information management system will provide the foundation for the development of the required personnel preplanning. The model will be instrumental in reducing imbalance between demand and supply of the regional labor market.

Key words: Labor market, market of educational services, forecast of the regional economy demand for personnel, employment monitoring, demand and supply balance, regional needs 91

Semenov A. A.

MATHEMATICAL MODEL OF VOCATIONAL EDUCATION SYSTEM OF FEDERAL AND REGIONAL LEVEL

Summary: The mathematical model as a system of 34 differential equations is presented in the article. The model is instrumental in making accurate prognosis about enrollment and graduation figures of professional education institutions of all levels for the time period up to 2020. The prognosis is made base on the forecast number of secondary school graduates.

Key words: System of vocational education, forecast, enrollment, graduation, number of students. 95

IMPROVEMENT OF FINANCIAL POLICY

Borovikova E. V.

FISCAL, FINANCIAL, AND CREDIT MECHANISMS OF ECONOMIC POLICY IMPLEMENTATION IN THE REGIONS

Summary: The issues of the financial mechanism influence on the implementation of the economic policy of the Russian Federation on regional levels are studied. Some measures aimed at stimulation of investments into the economy of the subjects of the Russian Federation are suggested.

Key words: Budget, taxes, management. 100

Kolesov A. S.

IMPROVEMENT OF EFFECTIVE FINANCIAL POLICY MANAGEMENT

Summary: The article is concerned with the effectiveness of budget expenditures. Comprehensive analysis of the Program on effective budget expenditures adopted by the Government of the Russian Federation in the Government Decree №1101-p, June 30, 2010 is provided. The author presents concrete and constructive, in his opinion, suggestions aimed to improve both the practice of budget expenditures and the Program.

Key words: Finances, budget, expenditures, management. 104

Simagina O. V.

PRACTICE OF BUDGETARY REFORM REALIZATION REGARDING SOCIAL INSTITUTIONS NETWORK

Summary: The practice of the Russian regions and municipalities directed at the increase of the budget expenditures' efficiency in social sphere is analysed. Different variants of actions' sequence aimed at solving the task are considered. Short characteristics of phases and problem points of their realization are given. The mechanism of financial provision for state (municipal) service fulfillment by social institutions is described.

Key words: Social institutions, state and municipal services and tasks, subsidy, financial provisions, budgetary reform 110

Skurikhina T. G.

INNOVATIVE INVESTMENT ACTIVITY AS ENSURING FACTOR FOR LOCAL BUDGET BALANCE

Summary: The balance of the local budget is an important condition helping local authorities to exercise their powers and to address local issues. The article discusses the concept and system factors providing effectiveness of the local budgets' balance. It is substantiated that innovation driven investment activity is a factor in balanced local budgets.

Key words: Local budget, local budget balance, innovation driven investment activity 114

LAW

Ukhanova A. P.

PROBLEMS OF CANDIDATES' RESPONSIBILITY FOR VIOLATION OF INTELLECTUAL PROPERTY LAW OF RUSSIAN FEDERATION

Summary: The article deals with legal regulations regarding candidates' responsibility for violation of the intellectual property law in the process of campaigning. The author suggests amendments to current legislation in order to guarantee free expression of the will during elections and to make candidates responsible for violation of intellectual property law when campaigning.

Key words: Campaigning, definition, forms, methods, informational support of elections, guaranteed free choice during elections, responsibility of candidates 118